

АЛЕКСАНДР ЛУК

**О ПАМЯТИ, ЭМОЦИЯХ, ЧУВСТВАХ;
ЮМОРЕ, ОСТРОУМИИ, ТВОРЧЕСТВЕ;
ОБ УМЕ И ГЛУПОСТИ; О ЛЮБВИ**

Составитель Лидия Мирчевская-Лук
Дизайн и коллажи - Лариса Мирчевская
Компьютерная вёрстка - Михаил Веллер
Благодарность за всестороннюю поддержку
Ольге Лук,
Борису, Вениамину и Марку Шафранским

Киев - Москва - Франкфурт-на-Майне
2017

То, что пишет **Елена Юдина** в предисловии к **Очеркам эвристической психологии»**

А.Н.Лука, иллюстрирует особенности подхода автора «к основным проблемам научной психологии - весьма подробному и системному анализу классически выделенных психических процессов: памяти, мышления..., анализу... философских проблем психологии, связанных с категорией сознания.

... информационное системное моделирование психических процессов, и элементы анатомии и физиологии ВНД, и эволюционный анализ психики, и некоторые клинические параллели, и классические психологические теории памяти - и многое другое. Все сюжеты, приведённые в одном обширном контексте, создают нечто, напоминающее паутину, т.е. читатель сталкивается с сетевым типом изложения абсолютно классического материала психологии.

...автор... постоянно обращается к проблемам кибернетического (компьютерного - или информационного в современной терминологии) моделирования различных психических процессов и функций..., большую роль в обсуждении этих проблем играет классическая проблема степени соответствия принципов организации искусственного и естественного интеллекта. Несмотря на то, что многие из поставленных... вопросов утратили уже ту остроту, которая была характерна для времени написания книги, нельзя сказать, что эти вопросы получили однозначные ответы. Технически компьютер стал центром современной цивилизации... Однако философская проблема организации человеческой психики и её моделирования вовсе не решена; ее просто перестали обсуждать.

Технический рывок в совершенно другом направлении компьютеризации... замаскировал эту важнейшую проблему, однако нет... сомнения, что она остаётся не менее важной и актуальной с точки зрения познания человеком собственной природы... Кибермоделирование выступает как бы... лупой, через которую можно разглядеть основания для известных сегодня, но неведомых 20 лет назад ограничений для информационного моделирования психических процессов, ограничений, скрытых в самой природе психического...,

для автора компьютеризация - это цивилизационный прорыв, новационный совершенно как в фантастических романах (каковой она в результате и оказалась; нам мешает это понять наша обыденная привычка) - представляет собой еще и метафору, позволяющую ему, описывая психическую реальность, опираться на системный подход в психологии..., такая работа по разъяснению и определенной популяризации системного подхода очень важна и сейчас...

...в книге представлена богатейшая фактология, поистине энциклопедического характера из разных областей знаний, ярко и точно иллюстрирующая рассуждения автора.

...Лука во всём блеске владеет сложнейшим искусством писать популярно, не утрачивая при этом всей сложности описываемого объекта... В частности, несмотря на собственный научный и профессиональный «анамнез» (Лука по образованию медик, имеющий опыт и военного гарнизонного врача - семь лет на Сахалине; склонность к естественно-научному мышлению прослеживается на протяжении всей книги), автор не склонен к простым решениям сложных проблем и подмене законами «субстрата» (мозга) законов действия психики, особенно, психики человека. С такой редукцией, к сожалению, все чаще приходится встречаться в современной научной психологической литературе.

Нельзя, кстати, не отметить важность такой книги в ситуации, когда психология (во всяком случае, в её массовом воплощении) стремится, скорее, к построению разнообразных практик и постепенно утрачивает черты классической научности в академическом смысле этого слова..., трудно не сожалеть о частичной утрате поисков смысла и скрупулезной точности в интерпретации научных данных и в представлении научных результатов, которые были свойственны как раз академической науке в её лучших образцах. Книга Лука возвращает нас к этим образцам, оставаясь в то же время доступной, понятной и без сомнения осмысленной для разных категорий читателей».

Содержание

Об Александре Луке (Л.Мирчевская-Лук)	6	
Из интервью:		
Ищите ключ к разгадке тайн «Социалистическая индустрия», 5 апреля 1980.....	15	
«Да здравствует разум!» «Ленинские искры», август, 1973.....	17	
Учитесь работать с людьми «Московский комсомолец», 3 мая 1978.....	19	
На столе исследователя - творчество «Юный техник», №8, 1978.....	21	
Очерки эвристической психологии. Предисловие Е.Юдиной Книга вышла в издательстве БИНОМ. Лаборатория знаний (М., 2011г.) без глав об эмоциях и чувствах.....		25
Приложение. Из отзывов, рецензий, протоколов учёных советов для представления рукописи в издательства «Мысль» (1966) и «Наука» (1970).....	183	
Неопубликованные рукописи:		
Память - основа психики	187	
Юмор, остроумие, мысль	254	
Об уме и глупости. Предисловие Н.М.Амосова.....	349	
О любви	415	
Сахалинские тетради	462	
Из переписки с Олегом Вадимовичем Риссом (Из статьи А.Мильчина «Довлатов и его герой». - «Нева», №12, 2003).....		495
Из «постулатов» Александра Лука	656	
Неопубликованные статьи:		
Творческий климат, войны и развитие науки	670	
Гениальность, генетика и биохимия	673	
Дивергентное и конвергентное мышление	681	
Околонаучный курьёз или что-то в этом есть?	683	
Врач, больной и национальные проблемы	685	
Смех и национальный характер	689	
Что значит интересный собеседник	699	
Что такое психологическая зрелость личности	702	
О Леониде Арсентьевиче Булаховском	706	
Об одном литературном персонаже	709	

Предисловия к переведённым книгам (с английского):**Всегда ли вреден стресс**

(Ганс Селье. «Стресс без дистресса»

М., «Прогресс», 1979; 1982).....712

Сравни себя с собой

(Ганс Юрген Айзенк. «Проверьте свои способности»

М., «Мир», 1972).....715

Статья о книге Г.-Ю. Айзенка**Что может дать психологический тест**

«Наука и жизнь», №4, 1971.....716

Переводы:**Альберт Эйнштейн как человек**

(Из переписки Эйнштейна с комментариями

его личного секретаря Элен Дюкас и биографа Б.Хофмана)..... 719

Дж.Б.Холдейн. Золотопромышленники. Рассказ

«Наука и техника» (Рига), №№ 10-11, 1974.....763

Рецензия на книгу о Д.К.Максвелле. Властелин света

«Изобретатель и рационализатор», №10, 1981.....774

Научно-аналитические обзоры зарубежных исследований:**Личность учёного.** - М., ИНИОН АН СССР, 1980.....776**Таланты высшего уровня в истории науки**

«Вопросы истории естествознания и техники», М., №1, 1986.....783

Стимулирование творческой активности

«Вестник АН СССР», М., №3, 1978.....792

Соппротивление новому в науке

«Вопросы естествознания и техники», №3, 1981.....798

Плутводство в науке и облик учёного

«Вестник АН СССР», №1, 1980.....803

О взаимоотношении научного и художественного творчества

«Вопросы философии», №11, 1978.....807

Статьи в периодических изданиях:**Формула гениальности**

Эшби в Институте кибернетики АН УССР

(«Знание-сила», №2, 1965).....817

Ремесло или призвание? (с В.Тардовым)

«Московский комсомолец», 18 июня 1972.....818

Наука, побеждающая усталость (с В.Тардовым)

«ЛГ», 8 сентября, 1966.....821

Больной и родственники (с В.Тардовым)

«ЛГ», 8 декабря, 1966.....824

Что такое интересно (с В.Тардовым)

«Наука и религия», №5, 1969.....827

Утрата счастья	
«Советская Россия», 7.01.72.....	830
Депрессия: что это такое?	
«Наука и техника», №3, 1974.....	833
Уровень одарённости и генетика	
«Наука и техника», №1, 1975.....	837
О продолжительности жизни	
«Наука и техника», №10, 1975.....	842
Творчество	
«Наука и жизнь», №1-2, 1973».....	847
Кому писать сонет Петрарки?	
«Химия и жизнь», №11,1979.....	860
Когда наука была игрой	
«Химия и жизнь», 1980.....	864
Нужна умеренная небрежность	
«Химия и жизнь», №4, 1980.....	865
Ускоряется ли рост науки?	
«Химия и жизнь», №12, 1977.....	868
Кто делает изобретения	
«Изобретатель и рационализатор», №1,1981.....	871
Изобретатель и фирма	
«Изобретатель и рационализатор», №3,1981.....	875
Женщины изобретают очень хорошо	
«Изобретатель и рационализатор», №9, 1981.....	876
Качество полезное, но...	
«Неделя», №48, 1981.....	879
<i>А.Межиров. Рекомендация в Союз писателей СССР</i>	883
Вместо послесловия:	
<i>Из статьи Геннадия Россоша «Билет в третье тысячелетие»</i>	
«Литературная газета», 27 окт. 1993.....	883
<i>Л.Шульман. И наука, и творчество</i>	
«Советише геймланд», №146, 1983.....	884
<i>Совесьть - это стыд перед собой</i>	
«Литературная газета», 20 июля, 1983.....	885

ЮМОР, ОСТРОУМИЕ, МЫСЛЬ

Оглавление

От автора	254
Введение	255
Чувство юмора в ряду других человеческих чувств.	256
Психологическая структура остроумия.	267
Юмор и личность	273
Приёмы остроумия.	287
Приёмы остроумия и художественные средства выражения комического .	304
Приёмы остроумия и изучение продуктивного мышления.	313
Остроумие и структура мыслительных способностей.	322
Экскурс в историю.	336
Выводы.	348

В сущности, интересует нас в жизни одно: наше психическое содержание... Все ресурсы человека - искусство, религия, литература, философия и исторические науки - всё это соединяется, чтобы бросить луч света на этот мрак.

И.П.Павлов

Я убежден, что придёт время, когда физиолог, поэт и философ будут говорить на одном языке и будут понимать друг друга.

Клод Бернар

От автора

После выхода книги «О чувстве юмора и остроумии» меня спрашивали: «Как вы ее сочинили?» - « Очень просто - перенес на бумагу то, что давно уже было обдуманно, и потому писал легко и быстро. В январе 1963 взялся за перо, а в марте поставил точку. Отослал рукопись в редакцию, а оттуда её направили на рецензирование. Вот тут-то и начинается подлинная история книги».

Усовершенствованная по директивам рецензентов, рукопись пошла в «редподготовку», а я предстал перед редакторские очи.

Редактор превосходно знал тему, и если не написал мою книжку раньше меня, то потому лишь, что руки не дошли. Я не раз удивлялся потом собственной самоуверенности. Как осмелился я взяться за такую проблему, когда тьмы и тьмы людей куда лучше владеют предметом?

Когда-то один глухой гражданин был брошен на руководство звуковым кино (см. «Золотого тельца»). Издательство исходило из этого прецедента: при неиссякаемой говорливости редактор был начисто лишен чувства юмора. Об издании книги нечего было и мечтать. Казалось, это тупик.

Однако фортуне угодно было явиться в облике другого редактора - молодой красивой женщины вполне современной конструкции. Её огненную голову переполняли всякие идеи. Видимо, она чувствовала себя не столько

редактором, сколько научным руководителем. Оказалось, что я написал книгу не так, как надо, и только ей известно, как именно надо. Но уловить все колоратурные переливы редакторского мышления не было никакой возможности. Смирненно попросил я зафиксировать эти быстротекущие соображения с помощью бумаги и чернил. Письменное изложение - так я надеялся - обязывает к большей строгости. Увы, чеканные аксиомы были зашифрованы изящными иероглифами, которые ждут ещё своего Шампольона.

Узел, развязать который было свыше моих сил, внезапно разрубил заведующий редакцией молодецким возгласом: «План!». Это магическое слово сразу развеяло все сомнения, наглядно доказав преимущества планируемого издательского хозяйства. Не прошло и трёх лет, как рукопись была сдана в производство, а ещё через год вышла в свет.

Вскоре появились отклики - хвалебные и ругательные. Впрочем, в одном они были сходны: авторы отзывов не понимали, о чём идёт речь в книге. Одни негодовали, приписывая мне утверждения, которых я не делал. Другие одобряли идеи, которых я не выдвигал. Вступил в права третий закон Чизхолма:

«Если ясность вашего объяснения не допускает ложных истолкований, всё равно найдутся люди, которые поймут вас неправильно» (они и пишут рецензии).

Однако в такой ситуации логичнее всё же винить самого себя - нечётко выразил, туманно сформулировал.

Нежданно-негаданно пришло утешение. Книгу стали потихоньку растаскивать. Целые абзацы, куски и страницы перекочёвывали в разные статьи, монографии, даже - и это особенно лестно - в учебники. И удивительнейшая вещь: «переписчики» во всем отлично разобрались, уловили все оттенки, и, производя заимствования, бережно, я бы сказал, любовно обращались с материалом. Значит, изложение было все-таки вразумительным.

Я благодарен читателям, приславшим письма с указанием на допущенные неточности; были и другие замечания, которые я постарался учесть в следующей книге «Юмор, остроумие, творчество». Но исправив одни ошибки, я допустил новые, и надежда написать безупречный опус оказалась тщетной. На собственном опыте убедился в том, что раньше знал теоретически: совершенство недостижимо. Хочу предупредить об этом и читателей.

10 января 1979 года

Введение

Чувство юмора - весьма существенная черта, связанная со многими другими качествами личности, суммарное выражение важнейших душевных категорий и способностей. И не случайно чувство юмора столь престижное качество человека. Поэтому и необходимо разобраться - что же это такое, какова психологическая структура чувства юмора, каким образом оно связано с остроумием и с творческим потенциалом личности.

Сокровенная тайна юмора и смеха до сих пор остаётся тайной - не в мистической смысле, конечно. Просто она лежит за горизонтом современной науки. Уровень нейрофизиологических и психологических знаний не позволяет пока создать подлинную теорию смешного и комического. Вопрос ещё более усложняется, если рассматривать взаимоотношения не двух понятий (смешное и комическое), а трех - смешного, комического и остроумного.

Ни одно из этих понятий не включает в себя полностью все остальные и не

может быть сведено к ним; эти понятия лишь пересекаются. Остроумие может существовать вне смешного и комического - возможны ведь остроумные догадки, остроумные научные гипотезы, остроумные технические решения. А смешное и комическое могут и не быть остроумными.

В чем здесь секрет? Видимо, в том, что это явления разнопорядковые. Остроумие и чувство юмора - это свойства психики, и именно с таких позиций мы к ним подходим. Не предлагая «полных», «законченных» и «исчерпывающих» теорий, рассмотрим также чувство смешного и комического в ряду других человеческих чувств, чтобы попытаться найти их место в структуре личности.

Не будем затушёвывать вопросы, на которые сегодня ещё нельзя дать ответа; их не следует обходить глубокомысленным молчанием, ибо вернейший способ упустить истину - сделать вид, что уже владеешь ею.

Чувство юмора в ряду других человеческих чувств

Слово «чувство» многозначно. Когда мы говорим «органы чувств», имея в виду зрительный, слуховой и другие анализаторы, слово «чувство» имеет совсем не то значение, в котором оно употребляется, когда речь идет о чувстве радости, чувстве гнева или чувстве тоски. И в термине «чувство юмора» слово «чувство» имеет новый смысловой оттенок, обозначая сложный комплекс психических качеств, иначе - сложную душевную способность.

Поэтому чувство юмора нужно рассматривать не изолированно, а найти его место в иерархии человеческих чувств. Тогда можно будет разобраться в его структуре и в связях с другими проявлениями личности.

Три «этажа» чувств. Человек унаследовал механизм эмоций от своих животных предков. С развитием мышления, разума и высших человеческих потребностей на базе аппарата эмоций сформировались более сложные чувства. Эмоция в процессе эволюции возникла раньше чувства, она присуща не только человеку, но и животному и выражает отношение к удовлетворению биологических потребностей.

Чувства развились на базе эмоций при взаимодействии с разумом, в ходе формирования общественных взаимоотношений и присущи лишь человеку.

Что касается термина «эмоциональное состояние», то он в одинаковой мере относится и к чувствам и к эмоциям. Это как бы обобщённое их название. Границу между эмоцией и чувством провести не всегда легко. В терминах высшей нервной деятельности их различие определяется степенью участия корковых и особенно второсигнальных процессов.

Чувство - это одна из форм отражения действительности, выражающая субъективное отношение человека к удовлетворению его потребностей, к соответствию или несоответствию чего-либо его представлениям. Человеческие чувства можно разбить на три «этажа»: чувства, присущие и человеку и животному (голод, жажда, усталость, боль); чувства, относящиеся лишь к человеческой индивидуальности; наконец, самый высокий «этаж» - характеризующие человека как члена данного общества, или высшие социальные чувства, возникающие как реакция на удовлетворение высших социальных потребностей.

Эти потребности подвержены изменениям в процессе исторического развития. Высшие социальные чувства прямо или косвенно связаны с общественным укладом и его институтами; к ним относятся и эстетические

переживания, включающие в себя чувства прекрасного, чувство возвышенного, чувство трагического и чувство комического.

Наиболее многочисленная группа чувств - чувства второго «этажа», которые делятся на положительные, или приятные (радость, гордость, уверенность, предвкушение и т.п.) и отрицательные, или неприятные (печаль, горе, тревога, тоска и др.). Разделение на положительные и отрицательные проводится по признаку доставляемого удовольствия или неудовольствия и по характеру физиологических сдвигов, происходящих при этом в организме.

Смех как физиологическая реакция может быть вызван чувствами разных «этажей»; и лишь если он связан с высшими социальными чувствами, можно говорить о комическом смехе. По мнению Ю.Борева, комическое - это «общественно значимое смешное» (Борев Ю. О комическом. - М., 1957).

Многие чувства, принадлежащие к разным уровням («этажам») могут иметь одинаковое или сходное мимическое выражение. Удовольствие, радость, злорадство, ликование, блаженство сопровождаются усмешкой, улыбкой, ухмылкой, смехом, хохотом или даже гоготом. Но изучение одной лишь физиологии смеха не даёт возможности объяснить, почему смех - столь чувствительный барометр, характеризующий общественную позицию человека.

Меткие шутки Мольера далеко не у всех вызывали веселый хохот (у клерикалов - злобное шипение). «Вмешательство» высших социальных чувств не просто придаёт смеху ту или иную окраску, но создаёт огромное разнообразие его оттенков. «Смех может быть радостный и грустный, добрый и гневный, умный и глупый, гордый и задушевный, снисходительный и заискивающий, презрительный и испуганный, оскорбительный и ободряющий, наглый и робкий, дружественный и враждебный, иронический и простосердечный, саркастический и наивный, ласковый и грубый, многозначительный и беспричинный, торжествующий и оправдательный, бесстыдный и смущённый. Можно еще увеличить этот перечень: весёлый, печальный, нервный, истерический, издевательский, физиологический, животный. Может быть даже унылый смех!» (Юренев Р. Советская кинокомедия. - М., 1964, с. 8).

В.Я.Пропп, высоко оценивая этот перечень, добавляет насмешливый смех. (Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. - М., 1976, с. 16) И это не делает список исчерпывающим. Может быть еще смех злой, циничный, показной, натужный, деланный, разгульный, непринуждённый, ликующий, надрывный, беззвучный, приглушённый, игривый, ехидный, сладострастный, хитрый, идиотский, неудержимый, гомерический, иступлённый и т.д. Ю.Б. Борев, более четверти века изучающий проблемы комического, собрал целую коллекцию терминов, обозначающих многочисленные оттенки комического смеха:

«Веселая и горькая насмешка Эзопа, раскатистый хохот Франсуа Рабле, едкий сардонический смех Джонатана Свифта, тонкая ирония Эразма Роттердамского, мудрая усмешка Вольтера, то шуточный, то сатирический смех Беранже, искристый юмор Бомарше, карикатура Домье, ужасающийся жестокости мира гротеск Гойи, колючая романтическая ирония Гейне и скептическая ирония Анатоля Франса, весёлый юмор Марка Твена, иронический мир Бернарда Шоу, озорной и лукавый комизм Ярослава Гашека, смех сквозь слезы Гоголя, гневный, бичующий, разящий, изобличающий сарказм Щедрина, душевный, грустный, лирический юмор Чехова, победный смех В.Маяковского, оптимистическая сатира М.Горького, по-народному жизнерадостный, неиссякаемый тёркинский юмор Твардовского...» (Борев Ю. Комическое - М., 1970, с. 79).

Неполон и этот список: можно вспомнить многообразные оттенки иронии Михаила Булгакова - от грациозно-добродушной и нежной до саркастически-жёлчной и злобной; с виду наивно-простодушный, а на самом деле пронизательный и всевидящий юмор Ивана Котляревского; холодно-блестящее, отточенное остроумие Оскара Уайльда, неистовую сатиру Дж.Г.Байрона.

Откуда же такое множество оттенков? Причина прежде всего в том, что человеческие чувства редко протекают в «чистом» виде. Психическое состояние индивида в каждый данный момент включает в себя несколько чувств разного знака и разных этажей. Эта амбивалентность чувств имеет прямое отношение к чувству комического; еще Н.Г.Чернышевский отметил, что возникает оно в результате смешения положительных и отрицательных чувств:

«Впечатление, производимое в человеке комическим, есть смесь приятного и неприятного ощущений, в которой, однако же, перевес обыкновенно на стороне приятного; иногда перевес этот так силен, что неприятное почти совершенно заглушается. Это ощущение выражается смехом». (Чернышевский Н.Г. Избр. филос. соч. в 3 тт., т. 1. - М., 1950, с. 286)

Пропорции смешения чувств могут быть разные.

Отсюда и многочисленные оттенки комического смеха. В иных случаях перевешивают положительные чувства, а порой удельный вес неприятных чувств настолько велик, что комическое может и не вызвать смеха.

Возможно, жанровые деления на юмор и сатиру (кроме различия социальных функций и литературных особенностей этих жанров) следует связать с эмоциональной гаммой, которую возбуждает данное произведение.

Юмористические произведения в большей мере возбуждают положительные чувства, чем сатирические. Хотя «эмоциональная равнодействующая» и при восприятии сатиры имеет все-таки знак плюс, ибо истинная сатира доставляет эстетическое наслаждение. Она возбуждает злобу и раздражение лишь у тех, против кого направлена и кто это осознал (что бывает не так уж часто).

В основе создания и восприятия комического лежат такие свойства психики, как чувство юмора и остроумие, к рассмотрению которых мы и перейдём.

Ныне стали широко известны эксперименты, в которых приятные чувства возбуждались у человека электрическим раздражителем участков промежуточного мозга, условно именуемых «центром приятного». Однако в жизни, в отличие от лаборатории, прямого электрического раздражения «центра приятного» не бывает. Источники возбуждения этого центра другие, и среди них видное место занимают психические процессы, совершающиеся в голове человека.

Приятные чувства могут быть вызваны работой воображения.

Функционирование памяти также связано с чувствами; отказ памяти вызывает, как правило, неприятное, хотя и не очень сильное переживание, и наоборот, припоминание или опознание, особенно после некоторой задержки, доставляет удовольствие. Наибольшую радость доставляет человеку работа мышления; она тоже возбуждает «центры приятного» - только здесь возбуждение не прямое, а опосредованное длинной цепью условных рефлексов. Обычно внешние проявления удовольствия - улыбка и смех - выражены при этом слабее, чем при удовлетворении органических потребностей.

Однако для некоторых форм умственной деятельности улыбка и смех служат самым естественным спутником. К этим формам психической деятельности относятся остроумие и чувство юмора. Предупредим во избежание кривотолков и недоразумений - мы не собираемся обсуждать юмор и сатиру как литературные

жанры. **Речь будет идти об остроумии и чувстве юмора как свойствах психики.**

На вопрос, какова биологическая роль остроумия и чувства юмора, придётся ответить, что никакого значения в эволюции и в борьбе за существование они не имели. Но раз обнаружив в себе такие свойства, человек с некоторых пор начал их культивировать. В современном обществе они ценятся весьма высоко.

В обширной работе по вопросам комического нет единой общепринятой терминологии. Зачастую слово «юмор», «чувство юмора» и «остроумие» используются как синонимы. Разграничим эти понятия.

Мы исходим из того, что остроумие и чувство юмора - различные психические качества, хотя и имеют общее проявление: служат пусковым механизмом смеха. Один и тот же человек может обладать чувством юмора и не быть остроумным; бывает и наоборот - бойкий остроумец начисто лишён чувства юмора. Есть, конечно, люди, обладающие и тем и другим, как несомненно есть и такие, у которых нет ни того, ни другого.

Распространённая в эстетической литературе формула, будто остроумие - это активное проявление чувства юмора, не просто ошибочна, а по существу бессодержательна, потому что не учитывает психологической структуры этих качеств и поэтому является не более чем словесной эквилибристикой. Л.Н.Столович рассматривает чувство юмора как разновидность эстетического вкуса, тем самым чётко отделяя его от остроумия. (Столович Л.Н. природа эстетической ценности. - М., Госполитиздат, 1972, с. 205).

Структура чувства юмора. Многие события окружающей действительности воспринимаются как естественные, логичные, правильные - в силу привычки, почти автоматически. Люди далеко не в одинаковой степени наделены способностью разрушить привычный автоматизм восприятия и разглядеть в «нормальных» поступках и взаимоотношениях нелепость и алогизм.

Когда художнику - будь то писатель, карикатурист или актер - удаётся подметить неожиданно нелепое и потому смешное в повседневном и давно примелькавшемся, то перед ним стоит еще задача донести это нелепое до аудитории, заставить читателя (зрителя, слушателя) также разглядеть и воспринять смешное. «Разжёвывание» убьёт смех; чтобы читатель **активно** воспринял «юмор объективной действительности», пользуются разными приёмами: преувеличением, эксцентрикой, введением в число действующих лиц (если речь идет о комедии) персонажей, обладающих «невинным» взглядом на вещи. Скажем, нелепость во взаимоотношениях взрослых становится очевидной, если показать восприятие их «незамутнённым» глазом ребёнка. Иной раз в такой роли выступает «чужак», одно присутствие которого служит «проявителем» комизма ситуаций и поступков: странный, необычный, пришедший чуть ли не из другой эпохи или из другого мира.

О художественных средствах отражения комического поговорим подробнее в другом разделе, а сейчас отметим, что способность обнаруживать алогизм и нелепости в окружающем вызывает удовольствие, если алогизм не представляет опасностей и угроз и помогает ориентироваться в мире, то есть повышает приспособляемость к жизни в обществе. Но человек делает и следующий шаг самоотражения: ему приятно сознавать свою способность к обнаружению ошибок и несуразностей (Особенно демонстративно это проявляется у детей).

Так создаётся одна из предпосылок формирования чувства юмора - вкус,

желание, нацеленность («установка») на отыскание нелепого и смешного в повседневном окружении. «Противоположная» способность - обнаруживать закономерности и связи в кажущемся хаосе и алогичности - там, где на первый взгляд таких связей нет, - служит предпосылкой остроумия.

Как и всякое душевное дарование (психическое свойство), чувство юмора имеет свою нейрофизиологическую основу - процессы возбуждения и торможения в мозгу, мозаику их движения и взаимных переходов. Однако нейрофизиология пока не располагает данными для уяснения биологической стороны вопроса.

Представить чувство юмора в терминах информационных процессов и сделать это достаточно строго, а не ограничиться общими местами, пока невозможно. (Лимантов Ф.С. О гносеологической природе комического образа с точки зрения теории информации. Ученые записки Тартусского университета. Вып. 124, Труды по философии, У1. - Тарту, 1962, с.145-153) Чувство юмора обычно проявляется в умении отыскать смешную черточку там, где, казалось бы, нет ничего смешного.

Умение отыскать смешное в несмешном, комическое в серьезном не у всех одинаково развито, хотя в жизни смешное и трагическое не только соседствуют, но иногда неотделимы; «и смех и горе», - говорит об этом народная мудрость. М.Горький отметил: «Кого бы ни писал, хотя бы величайшего человека эпохи, я непременно должен найти в нём те особенные, пусть даже на первый взгляд, странные черты, подглядевши которые, я заставлю читателя внутренне улыбнуться». (Цит. по: Ромм М. Беседы о кино. - М., 1964, с.34) Умение так «подглядеть» - одно из главных проявлений чувства юмора.

Нетрудно отыскать смешное в самой неприятной ситуации, если она приключилась с кем-нибудь другим. Проявить чувство юмора, когда сам попал в такого рода положение, - пробный камень для чувства юмора:

«Даже в горе Аннета сохраняла чувство юмора и трезвую способность ума подмечать в жизни наряду с трагическим и смешное. (Роллан Р. Очарованная душа. Собр. соч. в 14-и тт., т.8. - М., 1956, с.298)

Чтобы подняться над трагическим событием и уловить в нем комизм, нужна большая сила духа. Но в то же время чувство юмора в высшем проявлении - в способности пошутить также и над собой - становится источником душевной бодрости. Воспитывая у ребёнка чувство юмора, способствуют тому, чтобы его духовный облик становился более многогранным и выразительным. Вместе с тем повышается и его психологическая «закалка»; он вырастет более стойким к грядущим жизненным бурям.

Обычно «юмор» ассоциируется у большинства людей с «сатирой» из-за названия журнальных разделов и афиш эстрадных представлений. Несколько реже ассоциируют «юмор» с «остроумием». И почти никогда не приходится встречать рядом слова «чувство юмора» и «чувство сострадания».

Между тем здесь есть нечто общее. Чтобы уловить это общее, нужно проследить за развитием сознания у ребёнка. На некоторой ступени развития он оказывается в состоянии представить себя на месте другого (так называемая **эмпатия**) и силою воображения «перенести» чужую боль на себя.

Именно в этот период у детей формируется чувство жалости и сострадания. Но этого мало. Ребёнок в состоянии проделать и обратную операцию, более трудную - представить себя со стороны, чужими глазами увидеть себя и свои поступки. Эта способность и есть база для формирования чувства юмора, позволяющего отыскать смешное в себе самом. Но эта способность не всегда реализуется в процессе воспитания.

Таким образом, психологические предпосылки формирования чувства юмора и чувства сострадания очень близки. И не случайно писатели, которые в большой мере обладали чувством юмора, были и высокогуманными людьми. Трудно представить юмориста-человеконенавистника: «Возбуждение сострадания и есть тайна юмора». (Ф.М. Достоевский об искусстве. - М., 1973, с.408)

Могут возразить, что точка зрения, будто все юмористы гуманны, а сатирики злобны, давно отброшена как несостоятельная. Но еще раз напомним, что речь идет не о литературном жанре, а о чувстве юмора как свойстве психики. Горький не работал в жанре юмористики, но обладал замечательным чувством юмора. Структура этого психического свойства такова, что оно зачастую сочетается с чувством сострадания. А гуманизм возникает ведь не из одних размышлений о судьбах человечества, а имеет и эмоциональную основу. Нужно разложить чувство юмора на элементы и обнажить его структуру, чтобы понять, каким образом оно обеспечивает душевный комфорт в тяжелой ситуации.

Вначале необходима интеллектуальная оценка событий и «отчуждение», позволяющее, взглянув на себя со стороны, уловить смешную сторону ситуации и отыскать смешное в самом себе. Лишь после этого происходит смещение «эмоциональной равнодействующей» в положительную сторону.

Если человек к тому же остроумен, в этой неблагоприятной для него обстановке он может создать словесную остроту. Чувство юмора и остроумие в таком случае кажутся слитыми воедино. Разумеется, одной только способности к отчуждению, умения увидеть себя как бы сторонним взглядом еще недостаточно. Да и сострадательные люди не всегда наделены чувством юмора. Ведь это целый комплекс душевных качеств. Чувство юмора сочетается с самокритичным умом, с уверенностью в своих силах. Возможно, это относится не только к отдельным лицам, но и к целым классам и народам.

Другая предпосылка чувства юмора - способность видеть вещи под неожиданным углом зрения, что является составной частью творческого мышления. Чувство юмора сочетается с важной личностной особенностью - «раскованностью» мышления, легкостью ассоциирования без боязни нежелательных последствий. Нередко на конференциях и съездах участники начинают серьезный доклад веселой притчей, не боясь в научное изложение ввернуть шутку. Другие этого не могут, будто им традиции не позволяют. Казалось бы, различие поверхностное; но причины его достаточно глубоки, и потому оно служит существенной личностной характеристикой. Лишь у части людей отсутствует «внутренний цензор» с жесткой установкой «как бы чего не вышло».

Попытка подражать такому стилю непринужденности и внутренней свободы производит впечатление развязности и дурного вкуса. Потому что идет он именно от внутренней раскрепощенности и требует уверенности в себе, чувства собственного достоинства (не самомнения!) и просто навыков публичной речи. Но важна также способность перешагнуть через привычные рамки, сковывающие мысль, а эта способность не ограничивается одной лишь наукой. Это, скорее, свойство личности, а не только особенность мышления.

Чувство юмора и человеческое общение. Проявления чувства юмора неисчислимы. Предположим, при намерении обратиться к знакомому с просьбой не знают, как она будет воспринята, согласится ли тот удовлетворить её. Отрицательный ответ крайне неприятен и риск нарваться на отказ сковывает. Нередко такая ситуация разрешается с помощью юмора: просьба излагается

в шутильной форме, как бы не всерьёз. Если приятель не собирается откликнуться, он отвечает тоже шуткой. И получается, что и просьба высказана, и ответ получен, но обе стороны «сохранили лицо», никто не оказался в унижительном или неловком положении. Если же ответ благоприятный, после шутильных реплик переходят к серьёзному обсуждению.

Юмор используется для первоначального «зондирования позиций сторон» как безобидная форма «разведки». В описанном случае речь шла о равноправных отношениях. Но бывает, что юмор проявляется в общении людей, связанных по службе, из которых один начальник, а другой подчинённый. Тогда, если юмористическая нотка исходит от старшего по рангу, это сигнал, что отношения начальник-подчинённый (учитель-ученик, профессор-студент) временно прекращаются и заменяются отношениями равных. Без этого и настоящего смеха не бывает, а только подхалимское подхихикивание. Если же инициатива исходит снизу, роль чувства юмора иная: обычно подчинённый сам делает себя объектом насмешки, и, предотвращая замечание или выговор, добродушно подшучивает над своей оплошностью. Иначе вышестоящий может принять шутку за проявление панибратства, и даст стандартный в таких положениях совет «не умничать».

Есть и еще одна важная функция у чувства юмора. Если смертный волею судьбы, а также собственными талантами и трудами оказался вознесён над ближними, то общение со старыми знакомыми и друзьями осложняется их чересчур почтительным отношением и даже робостью. Если такой «вознёсшийся» не «снизит самого себя» с помощью юмора, то, с кем он общается, не избавятся от скованности; непринуждённость исчезнет, взаимоотношения приобретут карикатурный характер (А.П. Чехов «Толстый и тонкий»).

Но умение «снизить себя» дано не каждому. Оно требует реалистического самоотражения, подлинной, а не показной скромности, понимания относительности достижений и успехов, оценка которых во многом зависит от принятого эталона. Ныне стало популярным выражение «по большому счёту», но не всякий готов оценивать по этому счёту самого себя. Порой люди используют юмор не столько для «снижения себя», сколько для маскировки бахвальства. Безудержное желание похвастаться своими свершениями (оборотная сторона неуверенности в себе) реализуется в якобы шутильной форме, как обаятельное преувеличение, будто бы не всерьёз. Но от слушателей ждут, что они, оценив юмор, тем не менее признают грандиозность выдающихся достижений нарциссизма, и даже его скромность (ведь сам над собой подшучивает!).

В так называемых конфликтных ситуациях роль юмора неоценима. Вовремя сказанное шутильное слово разряжает атмосферу, позволяет сторонам успокоиться и найти компромисс, не испытывая ущемлённости. Это учитывал Тур Хейердал при подборе экипажа «Кон-Тики». «Грозовые тучи, низкое давление и ненастная погода будут представлять для нас меньшую опасность, чем угроза столкновения характеров шести человек, которым придётся месяцами находиться на дрейфующем плоту. В этом случае хорошая шутка часто столь же полезна, как спасательный пояс». (Хейердал Т. Путешествие на Кон-Тики. - М., 1956, с.73)

Существует обширная литература о драматургии Дж.Б.Шоу. Его остроумие и чувство юмора стали легендарными, и подчас уже трудно в рассказах о нём отделить истину от вымысла. Отсутствие чувства юмора (вернее, нехватка его - в небольшой дозе оно присуще всем) приводит порой к столкновениям по ничтожному поводу. Эпизод из книги Дж.К. Джерома хорошо иллюстрирует это:

«В это утро во время одевания случилась одна довольно неприятная история. Когда

я вернулся в лодку, было очень холодно, и торопясь надеть рубашку, я нечаянно уронил её в воду. Это меня ужасно разозлило, особенно потому, что Джордж стал смеяться. Я не находил в этом ничего смешного и сказал это Джорджу, но Джордж только громче захохотал.

Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь так смеялся. Наконец, я совсем рассердился и высказал Джорджу, какой он сумасшедший болван и безмозглый идиот, но Джордж после этого захохотал еще пуще. И вдруг, вытаскивая рубашку из воды, я увидел, что это не моя рубашка, а рубашка Джорджа, которую я принял за свою. Тут комизм положения дошел наконец и до меня, и я начал смеяться. Чем больше я смотрел на мокрую Джорджеву рубашку и на самого Джорджа, который покатывался со смеху, тем больше меня это забавляло, и я до того хохотал, что снова уронил рубашку в воду.

«Ты не собираешься её вытаскивать?» - спросил Джордж, давась от хохота.

Я ответил ему не сразу, такой меня разбирал смех, но, наконец, между приступами хохота мне удалось выговорить: «Это не моя рубашка, а твоя».

Я в жизни не видел, чтобы человеческое лицо так быстро из весёлого становилось мрачным. «Что?» - взвизгнул Джордж, вскакивая на ноги. - Дурак ты этакий! Почему ты не можешь быть осторожней? Почему, черт возьми, ты не пошел одеваться на берег? Тебя нельзя пускать в лодку, вот что! Подай багор!» Я попытался объяснить ему, как всё это смешно, но он не понял. Джордж иногда плохо чувствует шутку» (Джером Дж.К. Трое в одной лодке. - Минск, 1956, с.104-105)

Герои Джерома не выдержали экзамена на «чувство юмора». Они умели смеяться лишь над чужой неловкостью и оплошностью, хотя оба убеждены, будто обладают тонким чувством юмора. Впрочем, в этом уверено большинство людей, за исключением разве тех, кто не знает слова «юмор». Сказать человеку, что он лишен чувства юмора - значит, нанести ему тяжкую обиду. Сошлемся на канадского писателя Стивена Ликока: «Единственно на чём я позволю настаивать, то, что я обладаю не меньшим чувством юмора, чем другие люди. Впрочем, как это ни странно, я ещё не встречал человека, который не думал бы о себе того же. Каждый признаёт, когда этого нельзя избежать, что у него плохое зрение или что он не умеет плавать и плохо стреляет из ружья. Но избави вас бог усомниться в наличии у кого-нибудь из ваших знакомых чувства юмора - вы нанесёте этому человеку смертельное оскорбление.

«Что вы», - сказал мне на днях один мой приятель. - «Я никогда не хожу в оперу». - И с гордым видом добавил: - «У меня совершенно нет слуха». «Не может быть!» - воскликнул я. - «Клянусь вам! Я не в состоянии отличить один мотив от другого. Я не отличу, когда еще только настраивают скрипки, а когда уже играют сонату». Его прямо-таки распирало от гордости... И тут я позволил себе вставить, как мне казалось, безобидное замечание: «С юмором у вас, должно быть, тоже неважно... Ведь тот, кто лишен слуха, как правило, лишён и чувства юмора». Мой приятель побагровел от гнева: «Да если хотите знать, юмора у меня хоть отбавляй! У меня его хватит на двоих таких как вы!». (Ликок С. Юмористические рассказы. - М., 1967, с.382)

Э. Хемингуэй писал в романе «Прощай, оружие!» о спокойной уверенности людей, которые «стреляют, не ожидая ответных выстрелов». Порою люди с насмешливо-ироническим складом ума усваивают в общении тон лёгкого иронического подтрунивания, постоянного шутиwego «подковыривания». При этом предполагается, что обе стороны обладают достаточным чувством юмора и потому не принимают всё это всерьёз и не обижаются друг на друга.

Но если партнёр подхватывает брошенную ему перчатку, «настраивается на ту же волну» и отвечает тем же, нередко инициатор этого тона, не сомневающийся в своём великодушном чувстве юмора, оказывается неспособен спокойно и добродушно встретить «ответные выстрелы». Его хватает лишь на то, чтобы весело и не всегда беззлобно вышучивать ближних. Но тот же самый тон подтрунивания, неожиданно обращённый против него самого, вызывает

неудовольствие и раздражение. Вообще, при переоценке собственного чувства юмора легко попасть в глупое положение.

Огромная роль принадлежит юмору в поддержании устойчивого настроения в коллективе. Куприн описал неунывающего солдата балагура:

«На походе... его хлёсткие, забористые слова часто заставляют приуставших солдат сочувственно гоготать и нравственно встряхиваться». Командир роты, бывалый офицер, уверен, что «такой затейщик в военное время, да при трудных обстоятельствах, - чистая драгоценность... Замошников вовсе не плоский шут... Просто жизнь в нем кипит неудержимым ключом». (Куприн А.И. Прапорщик армейский. - Соч. в 3-х тт., т.1. - М., 1954, с.241-242)

Более сложный характер - Василий Тёркин. В нём тоже жизнь бьёт ключом, и он наделён всепобеждающим юмором. А.Твардовский показывает, что в тяготах военной службы шутка иной раз нужнее глотка воды. (Вероятно, в будущем при формировании коллективов будут учитывать психологические особенности, и «проверка на чувство юмора» займет подобающее место среди критериев подбора). Воспитательный процесс тоже одна из форм общения, и роль юмора здесь очень действенна. Даже «трудные» подростки, демонстрирующие напускное бесстрашие, которым «море по колено», боятся выглядеть смешными: «насмешка проникает даже сквозь панцирь черепахи».

По словам А.С.Пушкина, «куда не достигает меч закона, туда достаёт бич сатиры». (Пушкин А.С. Полн. Собр. соч. в 10тт., т.10, М.-Л., 1951, с.41) О роли смеха в воспитании писал М.Светлов: «Я глубоко убежден, что первый и главный помощник воспитателя - юмор. Недостатки первым делом надо не осуждать, а высмеивать. В ребёнке надо вызвать не страх наказания, а заставить улыбнуться. Свойство всех детей - нарушать установленное. А если это нарушение показать в смешном виде? Если показать ребёнку, что он в своем нарушении не столько грешен, сколько смешон?» (Светлов М. Я - за улыбку, М., 1962, с.3)

Светлов правильно подчеркивает склонность детей нарушать установленное. Но мотивы нарушений самые различные. Иной раз прокажут, чтобы привлечь внимание погружённых в собственные заботы родителей; в других случаях - выясняют границы дозволенного, исследуют, до какой черты взрослые не остановят. Уместнее всего остановить шуткой, смехом. Фазиль Искандер в рассказе «Тринадцатый подвиг Геракла» с благодарностью вспоминал школьного учителя, который «смехом закалял наши лукавые детские души и приучал нас относиться к собственной персоне с достаточным чувством юмора». (Искандер Ф. Первое дело. - М., 1972, с.34)

В межличностном общении нередко происходит накопление неприятных переживаний. Один из способов разрядки - преобразование отрицательных чувств, например, гнева или горя, в нечто прямо противоположное, в источник смеха. Роль чувства юмора в этом случае сводится к защите человеческого «Я», ибо позволяет сохранить самообладание, достоинство и самоконтроль в экстремальных условиях.

В повести «Кола Брюньон» есть показано, как «срабатывает» чувство юмора в тяжелую минуту. На Кола Брюньона, искусного резчика по дереву и неутомимого труженика, обрушились беды: переболел чумой, сожгли его дом, сыновья оказались чуждыми людьми. Одно только было утешением: уцелела работа, в которую он вкладывал всю свою душу. Но придя в замок герцога, он увидел, что созданное за годы труда изрезано, искромсано, изломано и прострелено. На статуях богинь намалеваны усы, глаза выколоты, носы отсечены. Кола Брюньон ошеломлён:

«Я стонал. Я глухо сопел... Еще немного и я бы задохся... Наконец, несколько ругательств вырвалось-таки наружу... Десять минут кряду, не переводя духа, я изливал свою ненависть». Но вот наступил «поворот в чувствах»: «Вдруг мысль о том, как всё это смешно: и мои бедные безносые боги, и я сам, старый дурак, даром тратящий слюну на стоны и на монолог, который слышит только потолок, - вдруг мысль о том, как всё это смешно, пронеслась у меня в голове как ракета; так что сразу позабыв и гнев и горе, я рассмеялся и вышел вон». (Роллан Р. Собр. соч., т.7. - М., 1965, с.134-135)

Разберём отрывок подробнее. Первый ответ на неприятность - гнев и возмущение. Эти чувства не могут быть по-настоящему излиты, или выявлены в поведении: ведь они требуют насильственных действий против обидчика; добраться же до него Кола Брюньон не в состоянии. Он лишь кричит и грозит в бессильной ярости; для наблюдателя со стороны в такой ситуации есть элемент комизма. Через десять минут мастер из Кламси находит психологическую позицию или «наблюдательную точку», глядя с которой он и сам видит смешную сторону своего положения. Более того, комическая сторона выдвигается для него на первый план, заслоня трагическую.

Брюньон разражается смехом; чувства гнева и возмущения утихают, возвращаются самообладание и самоконтроль, то есть возможность держаться с достоинством. На это потребовалось время. Если бы сразу же, увидев, что его труд осквернён и уничтожен, Кола Брюньон принялся хохотать, его поведение нельзя было бы считать нормальным, это была бы психопатология.

Непосредственный чувственный ответ на причинённый ущерб включает в себя только отрицательные чувства, и зависит от того, чем вызвано нежелательное событие. Здесь возможны: 1 - несчастье вызвано стихийными, неконтролируемыми силами, стечением обстоятельств; 2 - причина в собственной оплошности или упущении; 3 - ущерб причинён непреднамеренными действиями других лиц; 4 - причина заключалась в чьей-то злой воле и злом умысле.

Одно и то же неприятное событие вызывает разные чувства в зависимости от приведших к нему обстоятельств. В первом случае - сожаление, печаль, уныние, горе, даже отчаяние; во втором - досада, обращённая на самого себя (как у городничего в последнем акте «Ревизора»); в третьем - злость и раздражение против чьей-то неловкости, непредусмотрительности, неумения или равнодушия; наконец, в четвертом - возмущение, гнев, ярость.

Разнообразие оттенков чувственного ответа зависит также от размеров понесённого урона и от прежних взаимоотношений. Герцог (в этом примере), невежда и болван, не ведал, что творил. Кола Брюньону это было известно и повлияло на его «смягчение», - но лишь спустя десять минут. Порою требуется меньше, иной раз больше, но всегда нужен срок, чтобы «переварить», по выражению Л.Толстого, неприятность и увидеть её смешную сторону. Героиня повести «Случайное счастье» это хорошо понимала: «Муж не мог ещё переварить всего этого так, чтобы всё было только смешно.., и был рассержен». (Толстой Л. Собр. соч. в 14-и тт., т.3. - М., 1951, с.114)

Историк В.О. Ключевский приводит следующий эпизод: «Петр терялся в догадках, как изловить казённые деньги, «которые по зарукавьям идут». Раз, слушая в Сенате доклады о хищениях, он вышел из себя и сгоряча тотчас велел обнародовать именной указ, гласивший, что если кто украдет у казны лишь столько, чтобы купить веревку, будет на ней повешен. Генерал-прокурор Ягужинский, око государево в Сенате, возразил Петру: «Разве ваше величество хотите остаться императором один, без поданных? Мы все ворует, только один больше и приметнее, чем другой». Петр рассмеялся и не издал указа». (Ключевский

В.О. Курс русской истории. т.1У. - М.,1937, с.208) Шутка и смех предотвратили жестокий указ (воровать всё равно не перестали бы).

Если критерием признать способность посмотреть с усмешкой на самого себя, пальму первенства нужно отдать французскому поэту XV века Франсуа Монкорбье, известному под именем Франсуа Вийон. Этот нежный лирик и блестящий стилист занимался поэзией, так сказать, в свободное от работы время. Профессией его вынужденно стали бродяжничество и разбой: после убийства в случайной драке священника он был приговорён королевским судом к повешению (потом помилован, сослан, вернулся к прежним занятиям - дальнейшая судьба неизвестна). В ночь накануне казни он сочинил четверостишие (приведено в переводе Эренбурга): Я Франсуа, чему не рад,

Увы, ждет смерть злодея,
И сколько весит этот зад,
Узнает завтра шея.

(Эренбург И. Собр. соч. в 9-и тт., т.6. - М., 1965, с.382)

Неотразимое обаяние шекспировского Фальстафа связано, вероятно, и с его чувством юмора. В самом деле, почему этот обжора и пьяница, трус и хвастун, греховодник и грабитель, на протяжении более трёх столетий всё-таки вызывает симпатии читателей? Скорее всего, причина в том, что Фальстаф неизменно подтрунивает над собственной персоной.

Как бы далеко ни заходил он в безудержном вранье, похвальбе и низости, он всегда чуть-чуть посмеивается - не напоказ, а вполне искренне - и над собой, и над своими похождениями, и над своими вымыслами.

Оптимизм Остапа Бендера - одна из причин обаяния этого жулика и пройдохи - неотделим от великолепного чувства юмора, которое не покидает его в самых трудных переделках. Даже потерпев фиаско при попытке пересечь границу и безбедно зажить в Рио-де-Жанейро, ограбленный и избитый, он подшучивает над собой. Без чувства юмора несостоявшийся миллионер не в силах был бы перенести выпавшие на его долю передраги и злоключения. Карел Чапек писал:

«Шутят скорее в затруднительном положении..., чем на вершине счастья и успеха... Юмор - это всегда немножко защита от судьбы» (Чапек К. Несколько заметок о народном юморе. Соч. в 5-тт., т.2. - М., 1959, с.29)

Таким образом, функция чувства юмора - обеспечить удовлетворительное самочувствие в плачевных ситуациях, на что обратил внимание еще Иммануил Кант: «Юмор... обозначает именно талант произвольно приходить в хорошее расположение духа». (Кант И. Соч., т.5, с.355)

Возвратимся к «Кола Брюньону». Этот неунывающий оптимист, полный неистребимого жизнелюбия, тяжело заболел. Закадычные друзья - нотариус и кюре пришли навестить его. Но убедившись, что у него чума, не рискнули войти в дом и ушли восвояси. Брюньон выздоровел - и простил друзей, рассудив, что хотя рубашка близко к телу, но шкура еще ближе. «Порядочный человек немногого стоит. Надо брать его таким, как он есть» (Роллан Р. Собр. соч., т. 7. - М., 1965, с.118)

Мудрый мастер из Кламси понимал человеческие слабости и мог позволить себе быть к ним снисходительным, сознавая своё моральное превосходство. Понимание человеческих слабостей, не всегда невинных, умение прощать их (другим скорее, чем себе) - тоже связано с чувством юмора.

Между приведёнными примерами есть разница. В одном случае смешное улавливают читатели, а действующие лица остаются серьёзными: это юмор ситуации, в другом - юмор доходит до читателя через восприятие действующего лица: это юмор характера. Персонажи Джерома сохраняют полную серьёзность -

читатель сам отыскивает смешное. И.Ильф и Е.Петров наделили чувством юмора своего героя, и курьезное мы видим глазами великого комбинатора.

Комическая сторона явления - объективное ли это свойство или существует лишь постольку, поскольку воспринимается человеком? Чувство юмора - это объективное качество психики. Вовне существуют взаимоотношения людей и явлений, иногда атипичные, иногда нелепые. Преломляясь сквозь человеческое восприятие, эти взаимоотношения приобретают комическую окраску: «Эстетическую ценность предмет приобретает лишь во взаимодействии с воспринимающим субъектом». (Каган М.С. Начала эстетики. - М., 1964, с.18)

Психологическая структура остроумия

Остроумие включает в себя ряд составных компонентов, в том числе способность к избирательным ассоциациям и способность к их выбору и быстрой критической оценке. М.В.Ломоносов в «Риторике» писал, что «остроумие есть совоображение, соединённое с рассуждением». (Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. в 8-и тт., т.7. - М. - Л., 1952, с.109) Термином «совоображение» он обозначал то, что сейчас именуют ассоциацией. А «рассуждение» означает в данном случае критическую оценку и отбор. Ведь в мышлении могут быть ассоциированы любые понятия. Критическая оценка нужна, чтобы установить, отражает ли данная ассоциация объективные отношения явлений, и насколько эти отношения существенны. После «обнародования» остроты такую же оценку производят слушатели (читатели).

Остроумие может быть продуктивным, то есть создавать остроту.

Но и восприятие остроты - тоже активный мыслительный процесс. Скажем, когда после краткой экспозиции в анекдоте излагается заключительная мысль, уяснение её требует умственных усилий. Если мысль ясна сразу же или, напротив, понадобится слишком долго доискиваться до неё, эффект ослабеет, а то и вовсе улетучится. Бывает, что острота доходит лишь спустя несколько дней и вызывает смех. Но все же существует оптимальное время уяснения. Можно возразить, что время зависит от слушателя. Оценить остроту, воспринять её соль - отнюдь не пассивное занятие. Людвиг Фейербах отметил: «Остроумная манера писать состоит, между прочим, в том, что она предполагает ум также и в читателе, что она высказывает не всё, что она предоставляет читателю самому сказать себе об отношениях, условиях и ограничениях, при которых данное положение только и имеет значение и может быть мыслимо». (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.29, с.63)

Чтобы оценить остроту, нужно тоже быть остроумным. Но это остроумие другого рода, вернее, другого уровня - остроумие восприятия, которое, как и продуктивное остроумие, создающее остроту, неодинаково у разных людей. Поэтому одна и та же шутка одного приводит в восторг, а другого заставляет недоуменно пожимать плечами.

Самостоятельно «синтезировать» блестящую остроту - это редко кому доступно. Гораздо легче, оценив возникшую ситуацию как аналогичную, вовремя припомнить и к «месту» привести чужую шутку. Наконец, есть ещё остроумие «взаимы» - утомительный обмен анекдотами, когда говорят наперебой, и каждый спешит «захватить трибуну». Впрочем, это занятие многим по душе.

Активная работа мышления при восприятии остроумного высказывания состоит в том, что мысль читателя (слушателя), направляемая текстом, движется по определенной программе. И это обуславливает именно то соотношение возбуждения и торможения в коре, которое служит пусковым сигналом для смеха.

Создание остроты и её восприятие психологически не равнозначны.

А.Кестлер считает даже, что эти процессы в известной мере противоположны: «Тот, кто создаёт остроту или комическую идею, очень редко смеются при этом. Творческое напряжение в процессе его работы отличается от тех эмоций, которые будут вызваны у слушателей. Он занят умственным трудом, «интеллектуальной акробатикой», которая должна быть очищенной и сублимированной, даже если ею движет злоба. Когда найдена идея и разработана логическая структура шутки, тогда вступает в свои права «техника», профессиональные приёмы - напряжённое ожидание, расстановка акцентов, намеки - для воздействия на эмоции слушателей, чтобы в нужный момент заставить их разразиться смехом». (Ferris D. Humor and creativity: research and theory. - "Journal of creative behavior", Buffalo, 1972, y.6, №2, p.75-79)

Марк Твен в очерке «Публичные чтения» вспоминал, как, путешествуя по Европе и выступая с чтением своих рассказов, заметил любопытную деталь: один и тот же рассказ иногда вызывал гомерический хохот, изредка - недружный смех, а иной раз не удавалось вызвать даже подобия улыбки. Всё зависело от продолжительности паузы перед последней фразой. Если пауза угадывалась точно, все оглушительно смеялись. Чуть-чуть недодерживал, - смех был не столь дружным. А при слишком длинной паузе никто не смеялся. (Твен М., Собр. соч. в 12-и т., тт.12. - М., 1961, с.422) Свидетельство великого юмориста подтверждает: безусловнорефлекторная реакция смеха может быть включена «сверху», из второй сигнальной системы. Для этого необходимо последовательное движение нервных процессов, смена торможения и возбуждения по чёткому алгоритму; со строгим соблюдением временных интервалов - иногда имеют значение доли секунды.

Это, конечно, не единственное условие адекватного восприятия остроты; тонкая острота требует от читателя или слушателя подготовленности. Французы говорят, что «острота не столько на языке говорящего, сколько в ухе слушающего». Разные люди могут смеяться (или не смеяться) одной и той же шутке по разным причинам, в частности: 1 - человек не уловил смысл остроты и потому не смеётся; 2 - соль остроты схвачена и вызывает смех; 3 - человек «раскусил» остроту, но, считая её примитивной, не смеётся; 4 - острота настолько неудачна, что смеются над незадачливым остряком. Можно представить себе несколько уровней рефлексии при восприятии остроты.

Процесс взаимного рефлексирования описан Львом Толстым в повести «Отрочество»: «Глаза наши встретились, и я понял, что он понимает меня, и то, что я понимаю, что он понимает меня». (Толстой Л.Н. Собр. соч., т.1. - М., 1951, с.117) Такое взаимное рефлексирование имеет прямое отношение к восприятию иронии.

Широко известна манера шутить, рассказывая заведомо глупейшие анекдоты или изрекая помпезные банальности. Иронический тон при этом как бы приглашает посмеяться над теми, кто всерьёз рассказывает подобное. Алексей Александрович Каренин разговаривал с женой «тоном насмешки над тем, кто бы в самом деле так говорил». (Там же, т.8, с.113) Но шутку такого рода должен воспринять человек, у которого «ранг рефлексии» не ниже, чем у рассказчика; если же слушатель улавливает, что шутка низкопробна, но не замечает скрытой иронии, он может счесть того туповатым. Ситуация очень забавная для стороннего наблюдателя, да и для самого рассказчика; если его ранг рефлексии достаточно высок и если ему не изменит чувство юмора.

Отметим еще один нюанс. В мировой литературе вспыхивало немало блистательных экспромтов, настоящих жемчужин остроумия. Но в сборниках такие коллекции острот не очень привлекательны, читаются с трудом и быстро

надоедают. Чтобы объяснить это, обратимся к павловским «Лекциям о работе больших полушарий». В 14-й лекции изложены опыты с длительно подкрепляемыми условными раздражителями.

Как это ни парадоксально, но при постоянном и длительном подкреплении реакция на раздражитель угасает: «Исчезновение условного рефлекса, несмотря на подкрепление, есть выражение тормозного состояния». Восстанавливается эта реакция лишь после некоторого отдыха. Но отдых не должен быть пассивным: «Нужно не применять старые условные раздражители, заменить их новыми».

И.П.Павлов поставил вопрос о количественной мере действия раздражителя, которая предотвратила бы тормозное состояние клеток: «Есть ли такой минимальный срок действия изолированного условного раздражителя, который не влечёт за собой нарастающей тенденции к тормозному состоянию?» (Павлов И.П. Полн.собр.соч. в 5-и тт., т.4. - М.-Л., 1951, с.248, 251, 259) Если распространить найденные закономерности на вторую сигнальную систему, то становится понятным (с физиологической точки зрения), почему так угнетающе действуют на людей присяжные острословы. Непрерывное продуцирование остроумия вместо смеха начинает нагонять скуку, утомляет и даже вызывает досаду:

Когда мы попадаем в тесный круг,
Где промышляют тонким острословьем
И могут вам на выбор предложить
Десятки самых лучших, самых свежих
Еще не поступивших в оборот
Крылатых слов, остроумий и каламбуров, -
Нам вспоминается широкий мир,
Где люди говорят толково, звучно
О стройках, о полях, об урожае,
Где шутку или меткое словцо
Бросают мимоходом, между делом,
Но эта шутка дельная остроумия
Всего, чем щеголяет острословье.

(Маршак С. Избранная лирика. - М., 1965, с.7)

Соотношение остроумия и чувства юмора. И чувство юмора, и остроумие связаны как с мышлением, так и с чувственной сферой психики. Но в остроумии эмоциональный компонент - лишь фон и побуждающий мотив; само «психическое действие» происходит в интеллектуальной сфере. А в структуре чувства юмора отношения обратные. «Психическое действие» развёртывается в эмоциональной сфере и заключается в реверсировании, то есть в переходе отрицательных чувств в положительные. Мыслительная операция играет роль толчка, пусковой пружины этой реакции.

Общечеловеческий эмпиризм давно отметил это различие и запечатлел его в языке: **остроумие** и **чувство юмора**. Таким образом, сопоставление психологической структуры этих свойств психики показывает несостоятельность и пустоту формулы, а, вернее, фразы: «Остроумие - это активное проявление чувства юмора». В слове «остроумие» присутствует еще понятие «острый», то есть «отточенный, хорошо режущий или колющий». Однако в древнерусском языке слово «острый» имело и другое значение - «быстрый».

По мнению М.Чурмаевой, слово «остроумный» первоначально значило «быстроумный» и сохраняло это значение до XVIII в., например: «А люди тоя страны зело учтивы... и ко учению остроумныя» (1731 г.). (Чурмаева Н.В. Почему

остроумный? - «Русская речь», 1969, №1, с.86) Но уже в 1772г. Н.Новиков, вспоминая М.В.Ломоносова, употребляет слово «остроумный» в современном его значении: «Нрав имел весёлый, говорил коротко и остроумно, и любил в разговоре употреблять острые шутки». (Там же)

Проведение разграничительной линии между остроумием и чувством юмора может показаться непривычным, но оно не ново. Показателен рассказ С.М.Эйзенштейна о не совсем непреднамеренном тесте на чувство юмора в популярной в своё время в Голливуде игре:

«Игра эта - вариант небезызвестной игры в мнения. С тою лишь разницей, что здесь мнения высказываются по определенной «анкете», на которой выставляются «отметки»; например, «ум» - 5, «остроумие» - 3, «обаяние» - 4 и т.д. Такую же анкету уносит с собой и тот, на кого её заполняют оставшиеся. Он должен поставить себе отметки по личному усмотрению. Весь эффект игры не в каких-нибудь отгадках, а только в степени несовпадения общего мнения с самомнением того, кто вышел. Жестокая игра! Тем более, что графа «чувство юмора» в ней занимает почётное место. «Король юмора» покорно уходит на кухню и, надев очки, где-то около рефрижератора заполняет листок анкеты. Между тем, ему готовится сюрприз. «Королю юмора» общественное мнение выставляет по «чувству юмора»... четверку. Дойдет ли до него юмор этого положения? Не доходит. Гость обижается! У знатного гостя не хватает чувства юмора на самоиронию: четвёрка оказалась заслуженной!» (Эйзенштейн С.М. Избранные статьи. - М., 1956, с.213-214) Голливудские кинематографисты, не занимаясь теоретическими изысканиями, всё же разграничивали «остроумие» и «чувство юмора», и отметки за них выставлялись раздельно. Главный критерий чувства юмора, по крайней мере в данной ситуации, они видели в способности посмеяться над самим собой («самоирония»).

Юмор и остроумие в разных видах искусств. До сих пор мы приводили примеры главным образом из художественной литературы. Однако остроумие и юмор могут проявляться и в других областях художественного творчества, в том числе в музыке и в изобразительном искусстве.

В романсах М.Мусоргского «Семинарист», «Червяк» юмор доступен самому неискущённому уху, хотя многие, быть может, воспринимают юмор, связанный с текстом, а не с музыкой. В «Картинках с выставки» того же Мусоргского, в «Карнавале животных» К.Сен-Санса юмористическое звучание чувствуют даже люди, не имеющие никакой музыкальной подготовки.

Несомненна ироническая окраска многих прокофьевских вещей.

При исполнении «Деревенской симфонии» Моцарта, когда в оркестре раздаются звуки, имитирующие пение петухов, это вызывает улыбки.

А когда в «Празднествах Рима» Респиги контрабасы пытаются изобразить рычание львов, раздирающих христианских мучеников, слушатели скептически воспринимают неудачную выдумку композитора и откровенно смеются. Подробный анализ юмора и остроумия в музыке может выполнить лишь специалист-музыковед. (Бенуа В. Комическое в музыке. - «Музыкальное обозрение», №29, 17 мая 1886г.; Нейман Б. Комическое в музыке. - Киев, 1919)

Что же касается остроумия и юмора в изобразительном искусстве, то прежде всего нужно обратиться к графике, ибо здесь существует массовый специализированный жанр - карикатура и шарж. Шарж - это добродушная насмешка, которая, согласно принятому нами делению, должна быть отнесена к проявлению юмора, а карикатура требует также и остроумия. Однако никто не

придерживается таких строгих разграничений, и различия между шаржем и карикатурой стираются. Шаржировать явление - значит отыскать его смешную сторону и несколько выпятить её, преувеличить. Иногда трудно сделать это в одном рисунке, поскольку он статичен и передаёт застывшее, остановленное действие. Поэтому художники прибегают к сериям рисунков-шаржей.

Много юмора в работах Херлуфа Бидструпа, причем наиболее удачны его рисунки именно юмористического характера, где он добродушно вышучивает человеческие слабости. Политическая сатира его не столь блестяща. Мне пришлось убедиться в этом на выставке работ художника, где возле одних его рисунков-новелл всегда стояла толпа смеющихся зрителей, а мимо других посетители проходили не останавливаясь. Впрочем, возможно, причина в том, что многие из них просто не знали прототипов карикатур и поводов к ним: политическая карикатура злободневна.

Когда руководитель печально известного Тамани-холла, запутавшись в жульнических махинациях, вынужден был в конце XIX в. бежать из США, он был опознан в Европе благодаря карикатуре художника Т.Нэста: хорошая карикатура точнее фотографии. Недаром Ю.Олеша утверждал, что «умение изображать наружность действующих лиц несколькими штрихами, кратко, мгновенно, разом, как это делают многие великие писатели, зависит в сильной степени от наличия у них как раз чувства юмора». (Олеша Ю. Ни дня без строчки. - М., 1965, с.219)

Многие специалисты по эстетике отрицают возможность комизма в архитектуре. Но ленинградский филолог Владимир Яковлевич Пропп, автор чрезвычайно интересного исследования проблем смешного, не согласен с этим. Он приводит случайно подслушанный на даче разговор:

«Мальчик, где вы живете? - Вот там за лесом такой смешной домик стоит...». Дом оказался... на редкость нелепым по своим пропорциям». (Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. - М., 1976, с.25) В.Пропп напоминает и о доме Собакевича, который производил комическое впечатление своим сходством с хозяином. На это, правда, можно возразить, что комическое впечатление связано с описанием дома, которое дал Гоголь, а не с восприятием самого строения.

Мне случилось наблюдать, как архитектор громко и от души хохотал над смешным, с его точки зрения, проектом здания, в котором нелепо соединялись различные архитектурные стили далёких эпох. Когда он показал проект коллеге, тот сразу же рассмеялся. Значит, существует «объективная основа комического» в архитектуре, и потому не исключена возможность для зодчих проявить остроумие и чувство юмора в жанре «архитектурной пародии» - желательного в проектах и макетах, а не в «натуре», что было бы слишком накладно.

Поскольку остроумие и чувство юмора - качества человеческой психики, то обладатель их может проявить их в любом виде деятельности, и всякие ограничения, запреты и «табу» искусственны и условны. Другое дело, что не все виды деятельности располагают к юмору. Занятия, требующие «высокого настроения», плохо сопрягаются с комизмом и смехом. Однако «серьезность» и «смех» бывают вполне совместимы. Гроссмейстер Эм.Ласкер считал, что юмор и комизм нередко присутствуют в шахматной партии, в событиях на доске. Люди склонны приписывать шахматным фигурам человеческие чувства и амбиции, и потому, полагал Ласкер, «лексикон шахматной фигуры не так уж беден». Ей присущи «насмешка над противником, которому она загрозила путь; смех - когда удаётся избежать ловушки, и даже просто острое словцо». Его комментарий к шахматной позиции: «слон лукаво улыбается», «слон улыбается», «слон хохочет». (Ласкер Эм.

Эстетика шахматной игры. - В кн.: Учебник шахматной игры. - М., 1937, с.257-258)

Научный фольклор. Слово «фольклор» предложил в 1846 г. англичанин Уильям Томс (Thoms), выступивший под псевдонимом А. Мертон. (Dundes F. Folklore in science. - New scientist, L., 1977, Dec 22-29, vol.76 1083, p. 774-775) С тех пор это слово завоевало право гражданства.

Под фольклором обычно понимали устное творчество неграмотных сельских жителей. Ныне этим термином обозначают творчество любой группы населения. Например, говорят о городском фольклоре. Ученые тоже имеют свой фольклор, порой доступный лишь посвященным, то есть людям, имеющим специальную подготовку. Фольклор химиков может быть непонятен биологам.

Но есть и общедоступные произведения научного фольклора - шутки и анекдоты, высмеивающие научный жаргон, чрезмерную веру в выдвинутые теории и вообще ограниченность «научного мышления».

Многие шедевры научного фольклора пересекли географические границы. Это относится, в частности, к «эпонимическим» правилам и законам (то есть законам, которым присвоено имя первооткрывателя). Вот некоторые из них:

Закон Гумперсона. Вероятность события обратно пропорциональна его желательности.

Теорема предела. Исследуя неизвестное, никогда не знаешь, что именно найдешь. (Следствие из теоремы. Можно делать любые нелепости - на что-нибудь наткнешься).

Закон Уайлера. Нет ничего невозможного для того, кто ничего не должен делать сам.

Аксиома Аллена. Когда все способы освоить новый прибор оказались безуспешными, прочитай инструкцию.

Постоянная Скиннера. Величина, на которую надо умножить ваш результат (разделить, прибавить или вычесть), чтобы получить то, на что вы рассчитываете.

Постулат Хорнера. Приобретенный опыт прямо пропорционален количеству испорченного оборудования.

Закон Флегла, или Закон коварства неодушевленных предметов. Любой предмет, независимо от химического состава, может в любой момент повести себя непредсказуемым образом по причинам темным и таинственным.

Принцип запасных частей. Если деталь прибора упала с рабочего стола, то возможность отыскать её обратно пропорциональна степени её важности.

Королларий уравнивания. Эксперимент увенчался успехом, если, отбросив не более 50% всех измерений, получаем хорошее совпадение с теорией.

Теорема очередности. Всё необходимое для вчерашнего эксперимента надо заказать не позже, чем завтра утром.

Коэффициент бесполезного действия. Ни один опыт не может целиком провалиться, ибо он послужит отрицательным примером.

Закон информационного обеспечения научного исследования, или Закон Финагля. Информация, которая у нас есть - совсем не та, которую мы ищем; информация, которую мы ищем, совсем не та, которая нужна; информация, которая нужна, нам недоступна.

Некоторые из этих научных заповедей публикуются под другими именами.

Причина в том, что подлинные авторы не известны. Как и полагается в фольклоре.

Юмор и личность

«Ни в чём так не проявляется характер людей, как в том, что они находят смешным», - писал И.-В.Гёте. Современная психология всё большее внимание уделяет изучению личности. Если раньше значительная часть публикаций посвящалась исследованию отдельных психических процессов, то в последние годы возрос удельный вес работ, направленных на поиски обобщённых показателей, характеризующих личность как целое. Ведь в социальную группу, в коллектив входит не память, не мышление и воля, а их обладатель.

Способность к отысканию и восприятию смешного несомненно служит одним из личностных показателей. Общеизвестны высказывания на эту тему Гёте, Белинского, Достоевского и многих других видных мыслителей. Весьма типично, например, мнение Гонкуров: «Смех - это мерка, показатель умственного развития. Люди, смеющиеся глупо, никогда не бывают остроумны. Смех - это физиономия ума». (Гонкур Э. и Ж. де. Дневник в 2-х тт., т. 1. - М., 1964, с.85)

При разработке классификаций личности чувство юмора не служит основным, сознательно избранным критерием построения типологий. Тем не менее это чувство оказывается значимым признаком, а в иных случаях «тесты на восприятие смешного» могут играть роль пробного камня, подтверждающего правомерность выделения тех или иных типов личности.

Шкала «интроверсия - экстраверсия». В зарубежной психологии популярно разделение людей на две группы: интровертированную и экстравертированную. Интровертированный субъект, или **интроверт**, сосредоточен на своём внутреннем мире; **экстраверт** больше ориентирован на внешний мир. (Промежуточный тип - амбивертированный.)

Введение в психологию этих терминов приписывают швейцарскому психологу Карлу Юнгу; на самом деле их использовали еще в XVIII в.

Г.Ю.Айзенк считает шкалу интровертированность - экстравертированность одним из трех главных измерений, на которых строится типология личности. Свои взгляды он обосновывает экспериментами: интроверты более настойчивы, последовательны, методичны, более строги в соблюдении правил и инструкций, чем экстраверты.

Очень характерны опыты с исследованием сексуальных и агрессивных тенденций у этих групп людей. При предъявлении карикатур и комических рисунков с изображением откровенных любовных поз и сцен жестокости (их чередовали с рисунками другого содержания) экстраверты отдавали явное предпочтение изображениям жестокости и секса, воспринимали «соль» комических изображений и весело хохотали; интроверты проявляли тенденцию отвергать эти рисунки, которые не только не вызывали у них улыбки, но были просто неприятны. Таким образом, личностные типы, выделенные по признаку нацеленности, или ориентации на внутренний или на внешний мир, оказались отчетливо различными и при исследовании у них чувства юмора.

При анкетных опросах экстраверты высказывались в поддержку половой свободы и насильственных мер поддержания порядка. Они склонны оправдывать применение военной силы, принуждение, выступают против отмены смертной казни, за телесные наказания, свободную любовь, против запрещения аборт. А интроверты стоят за укрепление религиозных и этических барьеров, которые

препятствуют реализации сексуальных и агрессивных импульсов. Интровертам чаще свойственно аналитическое, дробное восприятие мира, экстравертам - целостное, синтетическое.

Г. Айзенк связывает фундаментальные различия между этими типами людей с особенностями высшей нервной деятельности, ссылаясь на И.П. Павлова. Те, у кого отрицательная индукция возникает быстро и легко, а угасает медленно, дают экстравертированный тип поведения (условные рефлексы у них образуются быстро). Люди с медленно развивающейся, но быстро угасающей отрицательной индукцией дают интровертированное поведение (условные рефлексы образуются медленно). Любопытно, что после мозговой травмы поведение меняется: оно сдвигается вправо по шкале «интроверсия - экстраверсия», то есть приближается к «экстравертированному полюсу» шкалы. (См.: Eysenck H.J. Biological basis of personality. - London, 1968)

Айзенк допустил ошибку, применив чисто биологический критерий для оценки небιологических явлений. Ведь высказывания за и против телесных наказаний и половой свободы связаны, вероятно, с воспитанием, классовым происхождением, положением в обществе, даже с национальной традицией. Здесь уместен, скорее, социологический подход. Не исключено, что и биологические характеристики, в частности, отрицательная индукция (Айзенк называет её «реактивным торможением»), тоже играют заметную роль. Но это всё же роль поправочного коэффициента, а не решающего фактора.

Комплекс неполноценности. На предпочтение, которое личность отдаёт тем или иным формам юмора, существенно влияет комплекс неполноценности. Этим термином обозначают особенности поведения, вызванные устойчивым представлением о физической, психической или социальной ущербности. Причём не обязательно постоянно думать о своём дефекте; можно и отвлечься; но представление о неполноценности - истинной или мнимой - не исчезает. Будучи оттеснено в подсознание, оно продолжает влиять на поведение. Результаты этого влияния приводят к существенным изменениям личности.

Людей, отягощённых комплексом неполноценности, характеризует постоянное стремление к компенсации. Их поведение подчинено невысказанной цели - доказать окружающим и самому себе, что «я не хуже других». Именно они постоянно и упорно стремятся к самоутверждению.

Комплекс неполноценности появляется в детском возрасте; само положение ребёнка способствует этому. К.И. Чуковский в книге «От двух до пяти» настойчиво подчеркивал склонность детей самоутверждаться: «Ребёнку важнее всего быть о себе высокого мнения. Недаром он с утра до вечера жаждет похвал, одобрений и так любит тщеславиться своими превосходными качествами. Для него невыносимо сознание, что он не способен к тем действиям, которые у него на глазах совершают другие». Чуковский К. Собр.соч. в 6-и тт., т.1. - М., 1965, с.598)

А.И. Герцен в «Былом и думах» подметил, что в стародворянских домах часто возникали дружеские отношения между детьми и крепостными слугами, из-за сходного положения - принижённого и неполноправного.

Люди с одинаковыми или близкими комплексами склонны к общению между собой - «взаимная любовь слабых и простых», как выразился Герцен.

Не исключено, что это одна из причин обособления групп в коллективах, в том числе школьных. Комплекс неполноценности может возникнуть у ребёнка, которому учёные даётся труднее, чем сверстникам, и он при большой затрате сил

и времени все-таки отстаёт от товарищей. При хорошем физической развитии такие дети на уроках физкультуры смеются громче всех над чужой слабостью и неповоротливостью; иной раз не прочь и поколотить способного ученика. Самоутверждение зачастую проявляется в браваде «не хочу учиться», в попытках выделиться отчаянными поступками, в демонстрации бесстрашия. Бравада не напускная: она выражает глубинные психические процессы.

Бывает комплекс неполноценности, связанный с представлением о недостаточности своего образования. Казалось бы, это как раз преодолимо - учиться никогда не поздно. На самом же деле не всё упущенное можно наверстать, и комплекс изживается по-другому. Вырабатывается пренебрежение к грамотности, к знаниям: «Я и без диплома зарабатываю не хуже». Причём это не лицемерие, а психологическая защита от представления о неполноценности: ведь эти люди не жалеют усилий, чтобы дать детям то самое образование, о котором столь пренебрежительно отзываются сами. Если же потомство по какой-либо причине плохо учится, комплекс неполноценности у родителей углубляется. Возникает обида на преподавателей «за несправедливое отношение к ребёнку», а также злорадство по поводу неудач чужих детей.

Комплекс неполноценности может быть связан с низким социальным престижем профессии. Вызывающая грубость поведения имеет порою именно эту подоплёку. Понятие «престиж профессии» не статично. Много значат традиции, а также влияние «средств массовой информации». В ряде стран очень низок престиж профессий, связанных с обслуживанием, и у представителей этих профессий порою проявляются вспышки ненависти к тем, кого они обслуживают.

Возникает комплекс неполноценности и как результат принадлежности к отвергаемой касте или угнетённой национальности. Представители непопулярных национальных меньшинств (меньшинства, пожалуй, всегда непопулярны) особенно бурно радуются успехам единоплеменников в любой области, будь то бокс, джазовая музыка или теоретическая физика.

Забавен «комплекс провинциала», который тшится убедить себя, что «у нас не хуже, чем в столицах», и не преминет сообщить, что у них в городе либо исторические памятники древнее, либо театр - лучший в мире, не говоря уже о свежем воздухе.

Зарубежные психоаналитики считают одним из самых распространенных комплекс кастрации, или скрытую неуверенность подавляющего большинства мужчин в собственной половой потенции. Именно эта неуверенность приводит к безудержной похвальбе альковными подвигами.

Патер Ильдефонсо в рассказе «Исповедь дон Хуана» Карела Чапека выдвинувшего версию, что дон Хуан вовсе не грешил против седьмой заповеди, так объяснил его метания от одной женщины к другой:

«Природа обделила вас тем, что даровано каждому живому существу... Вот почему... вы играли роль мужчины с юншества.., чтобы подавить в себе унижительное сознание, что другие... - больше мужчины, чем вы. Вы никогда не знали любви, вы только лихорадочно стремились при каждой встрече с пленительной... женщиной околдовать её своей страстью, которую... сами себе внушали. Но.., когда у женщины подкашиваются ноги, в тот момент вы испытывали приступ вашей злосчастной гордыни и одновременно самое страшное своё унижение. И вам приходилось вырываться из объятий и.., бежать от покорённой вами женщины». (Чапек К. Соч. в 5-и тт., т.1. - М.,1958, с.334-335)

Комплексом кастрации пытались когда-то объяснить требование физиологической невинности невесты: боязнью сравнения, опасением, что потенция предшественника была выше. Более того, этим комплексом объясняли

и требование супружеской верности. Быть может, в отдельных случаях эти соображения отчасти справедливы - повышенная ревнивость у алкоголиков растёт параллельно с ослаблением половой функции. (Однако на первое место в происхождении моногамной семьи надо ставить социальные причины.)

Значительно чаще встречается другой комплекс, связанный с половым инстинктом, - сомнение в своей красоте и привлекательности. В тяжёлых случаях оно превращается в гнетущую уверенность в собственном безобразии - «комплекс гадкого утенка». Случается, что любящие родители повинны в его формировании. Встревожившись, что их дитя слишком много времени проводит перед зеркалом, они допускают грубую ошибку, внушая ребёнку, что он нехорош собой. При этом его поведение меняется надолго; следы иногда остаются на всю жизнь:

«Я убеждён, что ничто не имеет такого разительного влияния на направление человека, как наружность его, и не столько самая наружность, сколько убеждение в привлекательности или непривлекательности её». (Толстой Л.Н. Отрочество. - Собр.соч. в 14-и тт., т.1. - М., 1951)

Нередко комплекс неполноценности служит причиной жестокости к животным. Чарльз Дарвин приводит случай из своего детства: «Я был гуманным мальчиком, но этим целиком обязан наставлению и примеру моих сестёр, ибо сомневаюсь в том, является ли гуманность врождённым природным качеством... Однажды, когда я был очень маленьким..., я совершил жестокий поступок, побив щенка, думаю, только из удовольствия, которое доставляло мне чувство собственной власти». (Дарвин Ч. Автобиография. - М., 1957, с.43-44)

Один из вариантов комплекса неполноценности - так называемый комплекс неудачника - формируется у людей, смолodu подававших надежды, но не реализовавших свои таланты из-за слабых волевых качеств или неблагоприятных условий. Иногда же не выдающиеся способности, а неумеренное захваливание в детстве, особенно, если чадо опережало в развитии сверстников, вселили в него веру в высокое предназначение. Тогда утешение черпают в злословии, в язвительном высмеивании более удачливых коллег, их невежества и тупости, действительной или воображаемой.

Исследователи юмора и комизма отмечают (в частности, на это обратил внимание Н.Чернышевский), что вообще глупость очень часто служит объектом осмеяния, её охотно вышучивают, и шутки эти имеют самый шумный успех.

Почему же глупость служит поводом для насмешек, несмотря на её подчас зловещую роль в судьбах человечества? Н. Чернышевский так ответил на этот вопрос: «Смеясь над глупцом, я чувствую, что понимаю его глупость, понимаю, почему он глуп, и понимаю, каким он должен быть, чтобы не быть глупцом, - следовательно, я в это время кажусь себе намного выше его». (Чернышевский Н.Г. Избр.филос.соч., т.1. - М., 1950, с.293)

Смех выступает здесь как средство самоутверждения личности.

Нередко комплекс неполноценности мобилизует волю, стимулирует активность, делает человека упорным и целенаправленным. Известны случаи, когда хилые подростки, тщедушные и узкогрудые, тренировались столь самозабвенно, что завоевывали чемпионские титулы в спорте и медали на конкурсах красоты, - как основатель одной из систем физического воспитания Мюллер. «Гиперкомпенсация» проявляется как раз в той сфере деятельности, на которую, казалось бы, сама природа наложила вето: заикающийся Демосфен стремится стать именно оратором, хромота Байрона побуждает его усиленно тренироваться, стать замечательным пловцом (переплыл Дарданеллы)

и достигнуть искусства во многих упражнениях, требующих ловкости и силы.

Однако ущербность, связанную с отсутствием таланта, компенсировать труднее. Поэтому так важны правильная профессиональная ориентация и своевременный профессиональный отбор.

Недостаток дарования и в науке и в искусстве ощущается очень болезненно, и порою его возмещает тяга к административной деятельности.

Перенося унижения, карабкаются вверх, преодолевают препятствия, которые и талантливому человеку не всегда под силу, причем именно комплекс неполноценности служит главным двигателем карьеры и «жизненного успеха».

Самое поразительное, что, добившись желаемого, эти люди не становятся добряками; постоянно находясь во власти зависти и злобы, они испытывают потребность «давить» и унижать тех, чье превосходство в глубине души приходится признать. Они настороженно относятся ко всякой шутке и не понимают юмора. Для них характерен страх перед психологическими тестами - под любым предлогом уклоняются от решения логических задач и головоломок, называя их пустой тратой времени.

Отношение к творческим работникам у этих администраторов подвержено колебаниям: для получения ощутимых результатов они вынуждены подчас оказывать подчинённым знаки почтения и даже заискивать перед ними. Однако периоды «смирения» сменяются вспышками злобного третирования, желания «показать этим умникам» и «поставить на место».

Людам с комплексом неполноценности вообще присуща нерегулярность поведения, его волнообразные взлёты и падения. Одним из его проявлений служит застенчивость. Но именно застенчивые люди эпизодически проявляют свободу поведения, доходящую до наглости и прямой агрессивности.

Для века автоматизации характерен «комплекс маленького человека» (образ этот был подмечен и гениально воплощён на экране Ч.Чаплином). Утративший трудовую универсальность и мастерство, человек чувствует себя маленьким и беспомощным перед лицом враждебного ему бюрократизированного государства. Компенсация этого комплекса зависит от конкретных жизненных условий, от воспитания, от ранее определившихся черт характера, от традиций.

Иногда это жестокое и властное самодурство в семье, старание внушить близким преувеличенное представление о своей якобы выдающейся роли на работе; грубость по отношению к зависимым людям, холопская потребность покуражиться над теми, кто еще ниже на ступеньках социальной лестницы (Ф. Достоевский назвал такую потребность «административным восторгом»).

Порою это стремление свить мирное домашнее гнездо, отгородиться от тревожений и житейских бурь хотя бы на несколько часов в день, обрести душевную устойчивость и вновь почувствовать свою ценность как личности; фантазирование, создание воображаемых миров; бегство в религию, в разного рода секты; увлечения типа «хобби» и связанный с этим круг знакомств, где можно чувствовать себя равноправным и уважаемым; пристрастие к массовым спортивным зрелищам, представляющим опасность для спортсменов, с бурной разрядкой впечатлений и чувств (например, автогонки).

Не исключено, что многие из перечисленных вариантов комплекса неполноценности могут быть истолкованы по-иному и описаны в других терминах. Но при сопоставлении их вырисовывается общий «шаблон поведения», психологическая структура которого одна и та же.

Физиология высшей нервной деятельности не позволяет пока построить

теорию данного явления. Приходится либо вступить в область догадок и фантазирования, как это сделали психоаналитики, либо ограничиться описанием типичных случаев и их систематизацией.

Нужно критически относиться к утверждениям, что у каждого есть свой врождённый комплекс неполноценности. Но и другая крайность - огульное отрицание комплексов - не принесёт пользы. Это реальность, которую нужно учитывать при попытках понять поведение, в том числе мотивацию творческой деятельности и такие особенности личности, как поразительная слепота к восприятию юмора, ассоциативно связанного с «областью повышенной ранимости» данного человека. Комплекс неполноценности и стремление к его компенсации, к самоутверждению позволяет понять происхождение таких черт характера, как чрезмерная язвительность и саркастичность, даже жёлчность (жёлчность не следует путать с ироническим складом ума).

Ироничность, как правило, присуща людям душевно ранимым, тонко и обострённо чувствующим, страдающим от недостаточной приспособленности к жизни и от чувства одиночества. Нельзя утверждать, что все эти особенности скрываются под маской ироничности. Ироничность - не маска; ведь маску можно снять и обнажить то, что под нею, ироничность же сбросить нельзя; это не только привычная, но ставшая органичной манера отношения к жизни и стиль мышления, форма психологической защиты человеческого «Я».

Циклоиды и шизоиды. Выделение циклоидного и шизоидного типов личности принадлежит известному немецкому психиатру Э.Кречмеру. (Кречмер Э. Строение тела и характер. - М., 1927) Среди личностных особенностей, которые послужили ему основой для построения типологии, склонность к юмору и характер этого юмора занимают важное место.

Циклоиды общительны и добродушны. Кречмер выделил две их разновидности: гипоманиакальную и меланхолическую. Гипоманиакальные циклоиды веселы, склонны к юмору, отличаются живостью и остроумием; меланхолики подвержены грусти, пассивны, вялы, мягки, уступчивы. Эти две разновидности, скорее, надо считать двумя противоположными фазами циклоидного темперамента; обычно наблюдаются переходы из одной фазы в другую. Но в любой фазе они отличаются насыщенной эмоциональной жизнью. (О цикличности как более общем свойстве психики поговорим чуть позже.)

Люди циклоидного темперамента достаточно разнообразны. Кречмер выделил пять основных подгрупп: а - веселые болтуны; б - спокойные юмористы; в - тихие, душевные люди; г - сибариты; д - деятельные практики. Темперамент циклоидов ориентирован по оси грусть - весёлость. Причем никогда не бывает полного преобладания одного из этих полюсов настроения. У меланхоликов можно обнаружить налёт юмора, пусть даже мрачноватого; а у радостно-возбужденного циклоида - примесь грусти. Количественную меру этого смещения Кречмер назвал **пропорцией настроения**. Циклоидный темперамент характеризуется темпом (быстротой и медленностью) психических процессов; это очень важная характеристика людей этого типа.

Циклоидному темпераменту противостоит шизоидный. Это люди тоже далеко не одинаковые; среди них бывают замыкающиеся в себе, робкие, ворчливые, брюзжащие, тупые, грубые, язвительные (склонные не к юмору, а к сарказму), «экстремисты» (у них отсутствует примиряющая середина: или восторгаются или ненавидят). Кречмер разделил шизоидов на три подгруппы:

а - необщительные, лишённые юмора, со странностями и причудами; б - застенчивые, тонко чувствующие, любители природы и книг: в - равнодушно-тупые, исполнительные, бесстрашные. В отличие от циклоидного темперамента, лежащего между полюсами радости и печали, шизоидный темперамент ориентирован по оси возбудимость - холодность. У шизоидов также не бывает полного господства одного из этих полюсов, а наблюдается смешение.

Количественная мера его - **психоэстетическая пропорция**. Еще раз напомним, что пропорции эти отсчитываются у циклоидов и шизоидов не по одной шкале, а по разным. Есть еще одно различие: пропорции настроения циклоидов колеблются волнообразно, и переходы настроения плавны, постепенны, у шизоидов смены резки, подвержены внезапным сдвигам.

Разнообразие шизоидных типов обусловлено не столько темпом психических процессов (как у циклоидов), сколько колебаниями между упорством и капризным непостоянством. В этом смысле циклоиды и шизоиды находятся как бы в разных измерениях.

Существует также много конкретных проявлений той особенности шизоидов, которую характеризует «замыкание в себе». Эта черта иногда проявляется как равнодушный эгоизм, преувеличенное чувство собственного достоинства; порою склонность к абстрактно-теоретическим схемам улучшения системы воспитания; высокомерная убежденность в своей способности указать человечеству путь ко всеобщему благоденствию; создание проектов усовершенствования мира. При этом любовь к человечеству в целом у них всегда больше, чем любовь к конкретному человеку. О таких людях писал Ф. Достоевский:

«Друг человечества с шатостию нравственных оснований есть людоед человечества, не говоря о его тщеславии; ибо оскорбите тщеславие какого-нибудь из сих бесчисленных друзей человечества, и он тотчас же готов зажечь мир с четырех концов...». (Достоевский Ф.М. Идиот. - М., 1976, с. 355)

Эти черты психического склада несовместимы с чувством юмора - способностью отнестись к собственной персоне пусть не со смехом, но хотя бы с добродушно-снисходительной улыбкой.

Цикличность. Типологию Кречмера справедливо критикуют за неполноту и односторонность. Но подмеченные им периодические колебания настроения - несомненно важное наблюдение, и оно относится не только к циклоидному темпераменту. Настроение любого человека подвержено колебаниям, связанным с временем суток, временами года и т.д.

Период колебания может быть короче и длиннее - до нескольких лет. Бывает годовой цикл - весной, когда начинает таять снег, наступает состояние угнетённости и подавленности, а осенью - ощущение подъёма. Обычно эти размахи настроения не бросаются в глаза, но есть люди, у которых они сильнее выражены: не так велики, чтобы вынудить обратиться к медицине, но все же заметны и приводят поочередно к гипоманиакальному и умеренно депрессивному состояниям, при которых исчезают чувства светлые и радостные, остаются печаль, горечь, тоска, тревога.

Под влиянием отрицательных чувств претерпевает сдвиги также и мышление; особенно демонстративны изменения в его содержании. Преобладают мысли о собственной никчемности. Низкая самооценка затрагивает те черты, которые для данной личности имеют решающее значение. Научный работник считает себя творчески бесплодным, женщина - плохой матерью, девушка -

некрасивой, цирковой акробат - трусливым и неловким. Склонны сравнивать себя с другими - и сравнения всегда удручающе невыгодны. Человеку кажется, что он всем в тягость, надоед, покинут, одинок. Постоянны мысли, связанные с самообвинением, с разбором ошибок (чаще мнимых); отмечается тенденция преувеличивать трудность предстоящей работы. Вместе с тем в состоянии не резко выраженной депрессии считают обязательным выполнение множества задач; не берутся за них, но всё время думают, что **должны** их выполнить и терзаются этим.

Немалое место занимают мысли об уходе, бегстве от непосильных забот: «давно, усталый раб, замыслил я побег...». (А.С.Пушкин) Вероятно, Э.Хемингуэй страдал периодическими депрессиями; книга «За рекой в тени деревьев» несёт на себе явные следы депрессивного мышления.

Кроме отчетливых изменений в содержании мышления при депрессии извращаются также формально-логические характеристики мыслительного процесса. В фокусе внимания оказываются самые неблагоприятные факты, при этом отворачиваются от всего, что говорит в их пользу. Делают односторонние выводы, рассматривая лишь наихудший исход ситуации, даже если его вероятность ничтожна: малозначительные события подводят под далеко идущие заключения угрожающего характера - с произвольной оценкой деталей, преувеличением значения одних и преуменьшением роли других. Меняется и выбор слов для их обозначения: ошибку, промах, недоразумение называют катастрофой, полным провалом, крахом.

Глубокие депрессии бывают при душевных болезнях, подлежащих компетенции врача-психиатра, и мы здесь говорить о них не будем. Разные же степени слабо выраженных депрессий встречаются часто, например, у творческих работников; после напряжений, вызванных завершением какого-либо большого труда и преодолением препятствий - творческих и «околотворческих».

По происхождению депрессии бывают реактивные и эндогенные: реактивные депрессии - это реакция на внешнюю трудность, на серию неудач или роковое стечение обстоятельств, на творческое перенапряжение; причины эндогенных депрессий коренятся в особенности регуляции биохимических процессов в нервной системе.

Зачастую люди не отдают себе отчета в цикличности колебания своего настроения. Они ищут, к чему бы «привязать» подавленность и угнетённость, и обычно находят ложную причину. Спустя некоторое время подавленность сменяется возбуждением. Гипоманиакальный субъект становится очень словоохотлив. Он жизнерадостен, оптимистичен, легко поддается свежим впечатлениям. Его суждения быстры, поверхностны и потому нередко оказываются ложными; что нисколько его не обескураживает. Отмечается богатство ассоциаций, игривость, склонность к смеху. Ситуации, которые еще сравнительно недавно вызывали грусть и тревогу, становятся забавны, дают повод к шуткам и островам.

Поскольку циклические колебания настроения и активности встречаются у людей художественно одаренных, то при изучении и периодизации их творчества это обстоятельство нужно непременно принимать в расчет. Представление о писателях-юмористах и актерах-комиках как о безоблачных весельчаках, непрерывно излучающих оптимизм, оказывается ложным; между тем, оно широко бытует даже среди людей, причастных к литературе и искусству. Например, литературовед Н.Раевский сообщает об одном немецком авторе, что тот «написал ряд комедий, хотя по натуре скорее был меланхоликом». (Раевский Н. Избранное. -

М., 1978, с.40) Для Раевского как будто странно, что меланхолик сочиняет комедии.

На самом деле странно, что ему это кажется странным. Ведь и автор непревзойденного «Ревизора» в жизни не был лучезарным оптимистом. Актеры, с блеском изображающие на сцене и на экране озорных и жизнерадостных персонажей, порою носили в душе неизбывную печаль и скорее принадлежали к «циклоидно-меланхолическому» типу. Личность выражает себя в творчестве, но пути этого выражения не всегда прямолинейны и решить уравнение «личность - результат её творческого труда» не так просто.

Чувство юмора как компонент национального характер. Кроме приведенных выше, существуют и другие попытки охватить классификациями всё многообразие личностей, в каждой из которых - свой неповторимый «чекан души». Поскольку личностные типы многообразны, то понятие «национальный характер» неизбежно абстрактно-усредненный; но это всё же реальное понятие и можно полагать, что национальный характер находит отражение в юмористике народа.

Дж.Мередиит считает, что чувство юмора - это способность найти смешное в том, что человек любит, затем - в себе самом и не побояться представить себя смешным в глазах любимой. Поэтому в обществе, где женщина унижена и неравноправна, чувство юмора и дух комизма существовать не могут.

Юмор, полагал Мередиит, совершенно чужд народам, исповедующим ислам, например, народам арабского Востока. (Meredith G. An essay on comedy. - London, 1898) Если вспомнить, что именно в этих странах создан образ Ходжи Насреддина, трудно такую точку зрения признать обоснованной. Вероятно, этот крайний вывод объясняется общественной позицией писателя - поборника женского равноправия.

Но сам вопрос об особенностях национального юмора заслуживает внимания этнопсихологов как составляющая национального характера. Попытки анализа этой специфики предпринимались, но недостаточно целенаправленно и методично. Чаще всего это мимоходом сделанные наблюдения, вскользь отмеченные черты.

Трудно сказать, объективен ли был Ф.Достоевский, отметивший в «Братьях Карамазовых» «тугое, картофельное и всегда радостно-самодовольное немецкое остроумие». (Достоевский Ф.М. Собр.соч. в 10-и тт., т.10. - М., 1958, с.210) Исследователи творчества Н.Гоголя не раз объясняли особенности его юмора тем, что он вырос на Украине. Но этой справедливой мыслью и ограничиваются, не раскрывая особенностей именно украинского юмора.

Кажется, лишь Н.Чернышевский пытался нащупать различия: «В русском народе много встречается шутилых юмористов, но почти всегда их юмор едок, несмотря на свою веселость; юмор малороссов простодушнее». (Чернышевский Н.Г. Полн. собр.соч в 8 тт., т.2. - М., 1949, с.190) Кстати, эта характеристика национального русского юмора очень похожа на характеристику американского юмора, которую дал Марк Твен (*см.ниже*). В.Белинский думал иначе: «Комизм или юмор г.Гоголя имеет свой, особенный характер: это юмор чисто русский, юмор спокойный, простодушный, в котором автор как бы прикидывается простачком». (Белинский В.Г. Полн.собр.соч. в 13 тт., т.1. - М., 1953, с.298)

Систематический анализ национальных особенностей юмора предстоит еще провести, в частности, на материале художественной литературы. В этом отношении интересны замечания Марка Твена: «Юмористический рассказ - это жанр американский, так же как комический рассказ - английский, а анекдот - французский. Эффект, производимый юмористическим рассказом, зависит от того,

как он рассказывается, тогда как воздействие комического рассказа и анекдота зависит от того, **что** в нём рассказано». (Твен М. Собр.соч., т11, с.7, 10) Марк Твен считал одной из национальных особенностей американского юмористического рассказа «нанизывание несурязиц и нелепостей в беспорядке и зачастую без всякого смысла и цели, простодушное неведение того, что это бессмыслица» (с.10) Он приводит образец подобного юмора:

«Раненый солдат. В ходе битвы солдат, чья нога была оторвана ядром, воззвал к другому солдату, поспешавшему мимо, и, сообщив ему о понесенной утрате, просил доставить его в тыл, на что доблестный и великодушный сын Марса, взвалив несчастного себе на плечи, приступил к исполнению его желания. Пули и ядра проносились над ними, и одно из последних внезапно оторвало раненому голову, что, однако, ускользнуло от внимания его спасителя. А вскоре последнего окликнул офицер, который спросил: «Куда ты направляешься с этим туловом?» - «В тыл, сэр, он потерял ногу». - «Ногу, неужто? - отвечивший изумленный офицер. - Ты хотел сказать голову, болван!» Тем временем солдат, освободив себя от ноши, стоял глядя на неё, в совершенном замешательстве. Наконец, он произнес: «Так точно, сэр! Так оно и есть, как вы сказали. - И, помолчав, добавил: - Но он-то сказал мне, **что это нога!!!**» (Там же, с.9)

Английский психоаналитик Энтони Сторр считает особенностью еврейского юмора «выпускание воздуха» из надутых и напыщенных, «возвращение на землю» склонных к высокопарным излияниям, разоблачение и обнажение низменного расчёта, прячущегося за разглагольствованиями о тонких чувствах и благородных побуждениях. (См.: Storr A. The dynamics of creation, London, 1972) Знакомство с еврейской литературой (Шолом-Алейхем) и еврейским фольклором подтверждает наличие таких мотивов. Но еще отчетливее тенденция отыскать в безрадостной, печальной ситуации смешную сторону и весёлый штрих.

Любопытную черту датского национального юмора подметил этнограф М.Маруяма - американец японского происхождения. В Дании принято тонко маскировать насмешку («объект» не должен понимать, что его вышучивают); при этом испытывают удовлетворение, видя, что осмеянный лишён чувства юмора и, значит, вдвойне смешон. Удовольствие еще полнее, если присутствующее третье лицо улавливает «шпильку». Эта особенность датского юмора оказалась кстати в годы гитлеровской оккупации. Датчане постоянно глумились над фашистами, а те ничего не чувствовали. И не потому, что не знали датского языка; ведь шутки чаще всего были типа «practical joke». Если бы немцы могли уловить их презрительную издёвку, шутникам не поздоровилось бы. (Maruyama M. Basic elements of misunderstanding. - "Cybernetica", Namur, vol.6, 1963, №3, p.116)

А вот размышления канадца Стивена Ликока о шотландском юморе:

«Я считаю, что юмор прежде всего должен быть беззлобным и не жестоким; кроме того, в нём не должно присутствовать ничего такого, что даже случайно могло бы вызвать в воображении картины горя, страдания и смерти. Шотландский юмор (который я в целом высоко ценю), на мой, нешотландский вкус, весьма грешит в этом отношении. Возьмём хотя бы... распространенный анекдот - привожу его...не за какие-нибудь достоинства, а... как образчик подобного юмора.

Некий шотландец не ладил с молодой свояченицей и никуда не хотел ходить с ней, сколько жена ни просила его об этом. И вот случилось так, что жена этого шотландца тяжело заболела. «Джон, - прошептала она слабым голосом, - за моим гробом ты пойдешь рядом с Дженнет. Прошу тебя об этом». Сделав над собой усилие, шотландец ответил: «Хорошо, Маргарет. Для тебя я готов на всё. Но имей в виду, что этот день будет для меня окончательно испорчен». Если тут и есть какой-нибудь юмор, для меня он совершенно пропадает: реальная, живая картина, которую эта сцена вызывает в воображении - погружённая во мрак комната, умирающая женщина и ее предсмертный шёпот, - убивает

всё смешное». (Ликок С. Юмористические рассказы. - М., 1962, с.201-202)

Ст.Ликок правильно отмечает, что восприятие шутки связано с эмоциональным фоном, который создаётся не только смыслом шутки, но и всей содержательной областью, в которой развертывается её действие. Вместе с тем этот отрывок из статьи Ликока «Юмор, как я его понимаю» показывает, насколько труден анализ национального юмора. Приведенный «типично шотландский анекдот» был широко известен в южных губерниях России начала XX в., особенно в черноморских портовых городах; многие остроты и шутки, которые американские и английские авторы считают типично ирландскими, могут с равным основанием считаться образцами одесского юмора.

В фольклоре любого народа есть любимые национальные герои-остроумцы (Ходжа Насреддин, Панч, Арлекин, Уленшпигель и др.); в китайском фольклоре Дунфан Шо - неунывающий и жизнерадостный обличитель и насмешник. В Китае издревле были распространены две формы народного юмора: сяохуа (шутка) и гуцзи (хлесткий, разящий юмор). Классический китайский язык лаконичен и позволяет несколькими штрихами обрисовать ситуацию, а затем дать остроумную, неожиданную концовку. Эти рассказы-анекдоты настолько связаны с особенностями быта и жизненного уклада китайцев, что понятны лишь посвящённым. Поэтому многие исследователи утверждают, что китайцам не свойственно чувство юмора. С давних пор мишенью для острот были в Китае учёные-конфуцианцы, скряги, распутники, сплетники, богачи-стяжатели.

Пример анекдота трехсотлетней давности: в день пятидесятилетия мандарина, родившегося в год мыши, подчинённые вкладчину подарили ему золотую мышь в натуральную величину. Мандарин обрадовался: «Скоро день рождения у моей жены. Она родилась в год коровы!» (Как не вспомнить городничего из «Ревизора» с его именинами на Антона и на Онуфрия.)

Подобно тому как в Болгарии рассказывают анекдоты о скупости жителей Габрова, а в Шотландии шутят над бережливостью и даже скопидомством горожан Абердина, финны сочиняют притчи о скаредности крестьян из деревни Лайхию, один из обитателей которой в свадебное путешествие из экономии поехал один. (См.: Фиш Г. Встречи в Суоми. - М., 1960)

Слова Ст.Ликока, что «юмор прежде всего должен быть беззлобным и не жестоким» носят не объективно-аналитический, а нормативный характер. Юмор, однако, регламентации не поддаётся: дело не в том, каким он «должен быть», а каков на самом деле. Когда-то З.Фрейд и Г.Гефдинг пытались определить те содержательные области, где чаще всего проявляется комическое остроумие: секс и отправления, связанные с прямой кишкой (Фрейд), а также действия властей (Гефдинг). (См.: Hoffding H. Humor als Lebensgefühl. Der Grosse Humor. - Leipzig, 1930) Такое ограничение тематики представляется надуманным. Комическое остроумие проявляется в любой области человеческой деятельности. Среди персонажей «Гамлета» весело шутят лишь могильщики.

Г.Фиш, хорошо знавший Финляндию, считал одной из черт финского национального характера «развитое чувство юмора, хотя это, может быть, и покажется удивительным некоторым нашим читателям, привыкшим представлять себе финнов как людей угрюмых и молчаливых (можно им в утешение сказать, что именно такими многие финны представляют себе русских).

«Помнится, участник гражданской войны в Испании рассказывал, что когда их интербригада была на отдыхе, и бойцы шестнадцати национальностей состязались в том, чей анекдот смешнее и остроумнее, пальму первенства получил

анекдот, поведанный финном. Я не стану здесь пересказывать всех бытующих в Хельсинки анекдотов о трех обнажённых кузнецах, поднявших свои молоты над наковальней, - об этой скульптуре, установленной в центре столицы... Но как не рассказать о письме одной крестьянки, переданном по радио в четверть часа «воскресного ворчания» (была здесь и такая передача, в которой каждому вольно добродушно поворчать на мелочи быта, на соседа, на погоду, на министров и т.д.).

«Неужели правительству не хватает высоких налогов, какие мы платим, чтобы одеть этих кузнецов!» - сетовала в письме крестьянка, недавно побывавшая в столице». В другом месте Г.Фиш пишет о финских земледельцах, «даже в самой тяжкой беде любящих шутку». (Фиш Г. Встречи в Суоми. - М., 1960, с.9,286)

В США широко распространился «черный юмор», а Клифтон Фэдимен выступил его теоретиком. (См.: Fadiman C. Humor as a weapon. - «Journal of creative behavior», vol.6, 1972, №2, p.87-92) Он полагает, что юмор этого типа - отнюдь не средство вызвать добродушную улыбку и радостный смех. Его цель другая - возбудить чувство гротеска, вызвать фрустрацию (чувство безнадежности и крушения) и отвращение к себе. Черный юмор - симптом социальной патологии - относится к обычному юмору, как некрофилия к нормальному половому влечению. Это отдушина для больного общества, которое, утратив корни и опору, вынуждено питаться собственной плотью, пожирать самоё себя. Образцом такого юмора Фэдимен считает сочинения Семюэла Беккета (который, впрочем, не американец, а ирландец, живущий в Париже).

Фэдимен с горечью признает, что современный американский кинозритель ослабившись глазеет на сцены насилия и убийств. Его постепенно приучили к тому, что массовые кровопролития, если они технически хорошо организованы, не вызывают активного противодействия (Освенцим, Хиросима, Нагасаки).

Люди даже стараются найти для этих «акций» оправдание в исторической необходимости, в поговорках типа «лес рубят - щепки летят» и в результате атрофии таких чувств, как ужас, психологически готовы воспринять комический аспект убийства. Другая особенность американского юмора в том, что он больше связан с вещами, с неодушевленными предметами, чем с людьми. Из всех телепередач именно коммерческая реклама отличается наибольшим добродушием, изобретательностью и юмором.

С.Аллен, проведя анкетно-статистические изыскания, обнаружил, что почти вся американская юмористическая продукция ныне создаётся неграми, ирландцами и евреями. В чём причина? На этот вопрос Аллен не отвечает, однако найти ответ, видимо, можно.

Обратимся к понятиям социально-сопряжённой и социально-несопряжённой личности. Если у человека совпадают такие показатели как талант, квалификация, социальный статус и доходы, то он относится к социально-сопряжённой группе. Если же талант и квалификация выше социального статуса и дохода, это один из вариантов социально-несопряжённой личности.

Социально-сопряжённый индивид отличается большей конформностью, он не жаждет перемен и потрясений. Как говорят игроки в покер: «У кого на руках четыре туза, тот не требует пересдачи карт». Социально-несопряжённая личность, у которой социальное положение может быть даже достаточно высоким, но все-таки ниже мотивированных амбиций, значительно чаще отличается неприятием действительности, критичностью, обострённой чувствительностью ко всякого рода несправедливостям и нелепостям социального уклада.

У таких людей глаз зорче и придиричивей.

Поскольку социально-несопряженный тип личности значительно чаще встречается среди дискриминируемых национальных меньшинств (так называемый комплекс национальной неполноценности), то и не удивительно, что из их среды выходит непропорционально большое число юмористов, сатириков, сочинителей и рассказчиков анекдотов, исполнителей «колючих» песенок и куплетов, и вообще - скептиков, нацеленных на отыскание и раскрытие смешного и нелепого в окружающем мире. Не потому, что эти люди остроумнее - дело здесь не столько в мыслительных способностях, сколько в фундаментальном взгляде на мир. Они готовы скорее сказать «нет», чем «да» - обстоятельство, которое прекрасно показал И.Эренбург в романе «Хулио Хуренито».

С.Аллен задает и другие вопросы: если согласиться с Фрейдом, что сальные остроты - это разрядка полового возбуждения, которое в силу моральных запретов не может быть удовлетворено естественным способом, то почему в США наблюдается такой взрыв «грязного остроумия» при неслыханной половой распушенности? Почему левые движения в США успешно используют юмор в своей пропаганде, а реакционеры не в силах им ничего противопоставить? Почему так называемая «молодая культура» всегда оказывается слабее в смысле юмора, чем древняя? Почему в США юмор для чтения уступает место «эстрадному юмору», воспринимаемому на слух (по радио, телевидению)? Почему количество юмористической продукции растёт неслыханно, а качество снижается? (См.: Allen S. The uses of comedy. - «Journal of creative behavior», vol.6, 1972, №2, p.83-88)

Ответ на этот вопрос Аллен мог бы найти у Достоевского: «Перестали понимать шутку, юмор, а уж это, по замечанию одного германского мыслителя, - один из самых ярких признаков умственного и нравственного понижения эпохи». (Достоевский Ф.М. Об искусстве. - М., 1973, с.293)

Как видим, анализ национальных особенностей юмора неизбежно сталкивает исследователя с социальной проблематикой эпохи.

В юморе проявляется национальный характер, отражающий исторический опыт народа. Но ведь и характер меняется при перемене социальных условий. И потому черты американского юмора, на которые обратил внимание Марк Твен, весьма отличаются от тех его особенностей, которые ныне с грустью вынуждены отметить американские исследователи.

Приёмы остроумия

Не обеднит ли человека изучение «тайных пружин» остроумия?

Не лишит ли его способности весело и беззаботно смеяться шутке? Не уменьшит ли разнообразие оттенков общения?

Известный физик Дж.Томсон настроен оптимистически: «Не смешно ли, что осознание шутки довольно явно должно вызываться разблокированием какого-то контура или внезапной перестройкой совокупности противоречивых импульсов на новый лад. Будет ли шутка все еще казаться нам смешной, если мы будем знать, что именно представляет собой эта перестройка? Я, конечно, надеюсь, что шутка останется шуткой». (Томсон Дж. Предвидимое будущее. - М., 1958, с.165)

Остроумие не перестанет доставлять удовольствие оттого, что будет понята его природа, подобно тому, как знание химического строения жиров, белков, углеводов и витаминов ничуть не портит аппетита. Когда-то английский поэт Китс негодовал по поводу того, что Исаак Ньютон объяснил причину радуги; считая, что Ньютон уничтожил очарование этого зрелища, сняв с него покров

таинственности. Но знание отнюдь не уничтожает красоту.

Принцип классификации. Любое событие может послужить темой новых шуток. Количество острот, запечатлённых в литературе или вспыхнувших в беседе и забытых - непостижимо велико, и разнообразие их может показаться неисчерпаемым. В самом ли деле оно неисчерпаемо? Построение предполагаемой классификации - индуктивное, основанное на изучении словесно-речевого поведения людей, и прежде всего - творчества признанных мастеров острого слова.

Чтобы понять принцип классификации, возьмем обычные примеры из учебников логики:

Все люди с мертны;	Сумма углов треугольника равна двум прямым;
Сократ - человек;	данная фигура – треугольник;
следовательно, Сократ смертен.	следовательно, сумма её углов равна двум прямым.

Что общего в приведенных фразах? Содержание их различно, но форма мысли одинакова: обе представляют собою примеры умозаключения путем дедукции. В этом проявляется их логическая общность. Можно ли сходный метод применить для анализа остроумных высказываний?

В рассказе «У нас в Мичигане» Э.Хемингуэй пишет о Лиз Коутс, служанке в доме Смитов: «Миссис Смит, очень крупная, чистоплотная женщина, говорила, что она никогда не видела девушки опрятнее Лиз Коутс». (Хемингуэй Э. Собр.соч. в 4 тт., т.1. - М., 1968, с. 15) И у читателя создаётся впечатление о неправдоподобной чистоплотности служанки: уж если её хвалит хозяйка, к тому же сама женщина чистоплотная, - значит, не зря. А вот как представляет своего героя И. Бабель: «Папаша Крик, старый биндюжник, слывший между биндюжниками грубияном...» (Бабель И. Избранное. - М., 1966, с.163)

Сходство процитированных фраз несомненно. В чем же оно заключается?

Грамматический разбор не позволяет выявить его. Можно придумать десятки предложений, в состав которых будут входить такие же подлежащее, сказуемое, определения и т.д., но все они будут отличаться от приведённых.

Анализ содержания тоже не позволяет выявить сходство. Обнаруживается оно только при анализе хода мысли. Это и не грамматический разбор, и не анализ содержания, а промежуточный уровень. Его можно бы назвать логико-структурным анализом, если бы этот термин не использовался уже в другом значении. Приведённые фразы можно «развернуть»:

Все хозяйки не склонны хвалить своих служанок;
к тому же данная хозяйка - очень чистоплотная женщина;
и уж если она похвалила служанку;
значит, служанка необыкновенно чистоплотна.
Все биндюжники очень грубы;
прослыть среди них грубияном почти невозможно;
и если уж папаша Крик прослыл грубияном среди
биндюжников; значит, он необыкновенно груб.

Каждый из этих отрывков разбит на три «фрагмента», начинающихся с одинаковых служебных слов («и если уж», «значит»), что также подтверждает общность их логической структуры. Однако в таком «развёрнутом» виде эти отрывки вовсе не остроумны. Чтобы вызвать надлежащую реакцию, они должны быть изложены в той форме, как у Бабея и Хемингуэя. Часть утверждений подразумевается, - это предварительное знание; через другие - мысль совершает скачок: только при этих условиях она воспринимается как остроумная.

Слова Бабея о папаше Крике обычно возбуждают улыбку, а отрывок из

Хемингуэя улыбкой не сопровождается. Очевидно, одной только формы мысли недостаточно для комического эффекта. Остроумие может быть и не комическим; оно становится таковым, лишь если форма мысли сочетается с определенным содержанием и эмоциональным фоном.

Мы и рассмотрим вначале эту «остроумную форму», а потом уже обратимся к взаимодействию формы и содержательно-эмоциональной нагрузки.

Правомерность такого подхода, вероятно, не будет оспариваться, ибо опирается на известное положение И.Сеченова: «В мысли, как процессе или ряде жизненных актов, должна существовать сторона, не зависящая от её содержания». (Сеченов И.М. Элементы мысли. - М.-Л., 1943, с.91)

Изучение и сопоставление острот показывает, что в них используется ограниченное число формально-мыслительных приёмов. Используются ли эти приёмы только в остротах, или же их значение значительно шире, - об этом поговорим в разделах, посвященных связи остроумия с продуктивным мышлением. А сейчас приступим к рассмотрению приёмов остроумия.

Ложное противопоставление. «Цвет лица у мисс Брасс был жёлтый, - точнее, грязно-жёлтый; зато на кончике её весёленького носа в виде приятного контраста рдел здоровый румянец». (Диккенс Ч. Лавка древностей. Собр.соч. в 30 тт., т.7. - М., 1958, с.283) Первая часть фразы подчеркивает неприглядную наружность девицы, но форма высказывания такова, что читатель ждёт в дальнейшем если не опровержения, то хоть некоторой «компенсации». Ожидание вначале как будто оправдывается: яркий румянец в самом деле контрастирует с жёлтым цветом лица. Однако указание, что румянец этот на носу, лишь усиливает впечатление непривлекательности.

Этот же приём использован в щедринской характеристике глуповского градоначальника Фердыщенко: «При не весьма обширном уме был косноязычен». (Салтыков-Щедрин М. Сочинения. - Киев, 1955, с.20) Такого же рода жалоба Остапа Бендера: «Никто нас не любит, если не считать Уголовного кодекса, который тоже нас не любит». (Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. - М., 1956, с.280) На черноморской кинофабрике, куда Бендер принёс свой сценарий, «в подъезде сидел комендант. У всех входящих он строго требовал пропуск, но если пропуска ему не давали, то он пропускал и так». (Там же, с.549)

В повести Ю.Тынянова «Подпоручик Киж» офицер Синюхаев играл в карты со своим денщиком: «Когда поручик выигрывал, он хлопал денщика колодой по носу. Когда поручик проигрывал - он не хлопал денщика по носу». (Тынянов Ю. Соч. в 3-х тт., т.1. - М., 1950, с.337) А вот мнение дамского мастера из повести И.Грековой: «Лучше плохо обслужиться у культурного мастера с хорошей внешностью, чем то же плохое обслуживание иметь плюс хамство». (Грекова И. За проходной. - М., 1966, с.113)

Людвига Больцмана интересовали различия между теоретиками и практиками: «Один из моих друзей определил практика, как человека, ничего не понимающего в теории, а теоретика - как мечтателя, вообще не понимающего ничего». (Больцман Л. Очерки методологии физики. - М., 1929, с.31)

Генрих Гейне язвительно отозвался о собратях по перу: «Писателя Ауффенберга я не читал; полагаю, что он вроде де Арленкура, которого я тоже не читал». (Гейне Г. Полн.собр.соч. в 6-и тт., т.1У. - СПб., 1904, с.402)

Такова же структура эпиграммы: «Полуподлец, но есть надежда, что будет полный наконец». Пушкин охотно пользовался ложным противопоставлением,

и в стихах его нетрудно отыскать строфы вроде следующей:

Их разговор благоразумный
О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне,
Конечно, не блистал ни чувством,
Ни поэтическим огнём.
Ни острою, ни умом,
Ни общежития искусством.
Но разговор их милых жен
Гораздо меньше был умен.

Ложное противопоставление зачастую не носит комического характера.

В одном из эпизодов романа «По ком звонит колокол» старик Ансельмо зовет Роберта Джордана приехать в Испанию после войны:

«Приезжай охотиться». - «На кого охотиться?» - «На кабана, на медведя, на волка, на дикую козу»... «Нет, - сказал Роберт Джордан. - Я не люблю убивать зверей». - «А я наоборот, - сказал старик. - Я не люблю убивать людей» (Хемингуэй Э. Собр.соч., т.3, с.150) Противопоставление неожиданно и остроумно, хотя вовсе не комично. Именно остроумная фраза заставляет мысль этого отрывка, по выражению Гегеля, «светиться через противоречие».

Ложное усиление. Ложное усиление состоит в том, что заключительная часть высказывания по форме подтверждает или даже усиливает начальную, а по существу опровергает её. Н.В.Гоголь так описывает лошадиного барышника на Сорочинской ярмарке: «Человек, взглянувший на него, уже готов был сознаться, что в этой чудной душе кипят достоинства великие, которым одна только награда есть на земле - виселица» (Гоголь Н.В. Собр.худ.произв. в 5-и тт., т.1. - М., 1959, с.34)

Многokrатно повторяют, не всегда ссылаясь на первоисточник, шутку Марка Твена: «Бросать курить легко. Я бросал раз пятьдесят». А вот другая его шутка из книги «Простак за границей»: «У меня, судя по всему, громадные запасы ума - для того, чтобы ими пораскинуть, мне иногда требуется почти неделя». (Твен М. Собр.соч., т.1, с.103)

С.Льюис пользовался приемом ложного усиления: «Мартин... был типичным чистокровным американским англосаксом - иными словами, в его жилах текла германская и французская кровь, шотландская, ирландская, немного, может быть, испанской, вероятно, в некоторой дозе и та смесь, что зовется еврейской кровью, и в большой дозе английская, которая в свою очередь представляет собою соединение древнебританского, кельтского, финикийского, романского, германского, датского и шведского начал». (Льюис. Эрроусмит. - М., 1956)

Писатель по форме построения абзаца как бы раскрывает понятие «чистокровный англосакс», а по сути - отрицает и смеется над этим нелепым, по его мнению, понятием.

Доведение до абсурда. Иногда остроумные ответы строятся на доведении до абсурда мысли собеседника: вначале соглашаясь, затем краткой оговоркой уничтожают её. Герцог Вюртембергский во время верховой прогулки увидел за работой красильщика тканей и насмешливо спросил, указывая на свою белоснежную лошадь: «Сможешь выкрасить её в синий цвет?»

- «Конечно, - ответил тот - Если она выдержит температуру кипения». (Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. - М., 1925, с.91) Этот приём используется не только в устных перепалках, но и в литературной полемике.

Взяв сомнительный тезис, доводят его до крайних выводов и тем самым наносят оппоненту чувствительный укол. Доведение до абсурда достигается в данном случае путем преувеличения.

В этом варианте приём «ad absurdum» широко применял Лукиан, например, в сатирическом диалоге «Зевс уличаемый». Из русских писателей пользовался им Н.Гоголь. В «Мертвых душах» немало фраз вроде следующих: «Трактирный слуга был живым и вертлявым до такой степени, что нельзя было рассмотреть, какое у него было лицо». «Такой томный и длительный поцелуй, что в продолжение его можно было легко выкурить маленькую соломенную сигарку». (Гоголь Н.В. Собр.худ.произв., т.1. - М., 1959, с.10, 36.)

Дж.Б. Шоу приписывают слова: «Если согласиться с тем, что специалист - это человек, который знает очень много об очень немногом, то в идеальном случае, это человек, который знает всё ни о чем».

Сотрудник учреждения, окутанного покровом строжайшей тайны, вдобавок к обычным грифам на служебных документах «секретно», «совершенно секретно» и т.д. придумал и такой: «сверхсекретно, сжечь до прочтения».

Доведение до абсурда содержится в коротком рассказе из «Дневника» Ж.Ренара: «Ваш муж здоров, он только считает себя больным», - говорит его жене врач-англичанин. Через несколько дней, полная веры в знаменитого целителя, к нему является жена пациента и сообщает: «Мой муж считает, что он мёртв». (Ренар Ж. Дневник. - М., 1965, с.278)

Доведение до абсурда может быть достигнуто с помощью преуменьшения, нарочитого смягчения - эвфемизма. «Если кто глуп, - так это надолго» - гласит французская пословица. «Обмен мнениями при помощи жестов», - так называют бокс англичане. Шулер-виртуоз определил свой род занятий как «искусство ловкостью рук исправлять ошибки фортуны».

Существует своеобразная форма эвфемизма, когда одно понятие выражают через отрицание противоположного (литота). Вместо «красивый» говорят «небезобразный», вместо «хорошо» - «недурно». Эта форма преуменьшения тоже может быть доведена до абсурда и тем превращена в прием остроумия, как в «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова: «В дворницкой стоял запах гниющего навоза, распространяемый новыми валенками Тихона. Старые валенки стояли в углу и воздуха тоже не озонировали».

Отметим, что гипербола не всегда служит приёмом остроумия. В иных случаях преувеличение возбуждает чувство возвышенного. Вероятно, только доведённая до абсурда гипербола вызывает комический эффект.

Остроумие нелепости. Отличие этого приёма от приёма доведения до абсурда состоит в том, что абсурдность высказывания достигается путем преувеличения или преуменьшения, а остроумие нелепости заложено в самой ситуации, противоречащей повседневному опыту и здравому смыслу.

Читатели знаменитой сказки Л.Кэрлла «Алиса в стране чудес» по достоинству оценили этот неоднократно используемый автором приём; например, в описании чеширского кота, на «лице» которого почти всегда была улыбка. Иногда улыбка исчезала, и оставалось только лицо; но случалось, что исчезало лицо, и тогда оставалась лишь улыбка.

В XIX в. в законодательной комиссии, обсуждавшей отмену телесных наказаний, либеральный юрист не без цинизма заметил: «Пороть мужика гнусно, но что мы можем предложить ему взамен?». (Острота была «гвоздём сезона»).

Обычно, когда у человека что-то отнимают, он требует возмещения. Но розги едва ли относились к благам, лишившись которых хотелось бы получить компенсацию. Однако мысль, высказанная в такой форме, исходит из того, что отмену порки надо чем-то возместить мужику, а то он, пожалуй, не согласится с подобным лишением. Данное противоречащее здравому смыслу «предположение» содержится в словах юриста неявно, в виде намека; так что «стыкуются» два приёма.

Когда печать подхватила ложные слухи о смерти Марка Твена, он выступил с таким опровержением: «Слухи о моей смерти сильно преувеличены». Нелепость формулировки сделала её остроумной. То же самое относится к объявлению: «Даю уроки чтения. Подробности по почте».

Здравый смысл различен у разных людей и зависит от жизненного опыта, развития, образования. Отсюда - непреднамеренное остроумие «непосвящённых», вторгающихся в чуждые им области знания. Рассказ А.Чехова «Письмо к ученому соседу» построен на «нечаянном» остроумии суждений полудикого степного помещика; апофеозом его «остроумия» стал «афоризм», вошедший в повседневный обиход: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

К непреднамеренному остроумию нелепости следует отнести призыв политического лидера: «Отдадим на священную войну последний пиастр, чтобы алчный враг не отнял у нас всё остальное».

Когда знаменитая Владимирка (Владимирский тракт, по которому гнали пешком закованных в кандалы осуждённых на каторгу в Сибирь) превратилась в шоссе Энтузиастов, ретивые московских улиц «переименовыватели» отнюдь не острили - преемственность названий непреднамеренна. Старого ирландца упрекнули в том, что он не обзавелся потомством. Старик оправдывался: «В нашем роду бездетность - наследственное свойство».

Поручика Синюхаева из повести Ю.Тынянова «Подпоручик Киж» посчитали умершим. Когда же он явился на службу, военному министру пришлось писать рапорт на высочайшее имя: «Умерший горячкою поручик Синюхаев сказался живым и подал прошение о восстановлении в списках». Император Павел I начертал резолюцию: «Отказать по той же самой причине».

Эти примеры отнюдь не означают, что тупые люди легко выдумывают весёлые шутки, построенные на нелепости, - за них это делают очень умные писатели. Вообще, по словам И.Бунина, «выдумывать и уметь сказать хорошую нелепость... могут только очень умные люди, те, у кого ум «по жилушкам переливается». («Чехов в воспоминаниях современников». - М., 1954, с.492)

Структура остроумия нелепости неоднородна - в него входят различные модификации. Необходимо точно определить - что такое нелепость. В простейшем случае она состоит из двух взаимоисключающих высказываний, преподнесённых в такой форме, как будто они вполне совместимы.

Иногда нелепость заключается в неправильном выводе, который основан не на посылах, а на второстепенных деталях ситуации; иногда в бессмысленной детализации какого-либо явления. Нелепость достигается также изменением логической последовательности событий, как в сообщении о новом лекарстве, которое хорошо помогает, и «сейчас ученые исследуют - от чего именно». Нарушение логической последовательности событий составляет «соль» рассказа о человеке, который встретил приятеля, гулявшего с огромным псом: «А я и не знал, что ты любишь собак». - «Да я их и не люблю. Просто жена достала ящик собачьего мыла, и пришлось купить собаку, чтоб оно зря не пропадало».

Приём остроумия нелепости описал Л.Толстой в повести «Отрочество»;

он назвал его «комизмом бессмыслия»: «Дубков врал без умолку, и Володя тоже рассказывал такие смешные шутки и так хорошо, что я никак не ожидал от него, и мы много смеялись. Характер их смешного, то есть Володи и Дубкова, состоял в подражании и усилении известного анекдота: «Что, вы были за границей?» - будто спрашивает один. - «Нет, я не был, - отвечает другой, - но брат играет на скрипке». Они в этом роде комизма бессмыслия дошли до такого совершенства, что... на каждый вопрос отвечали друг другу в том же роде, а иногда и без вопроса старались соединить две самые несообразные вещи, говорили эту бессмыслицу с серьёзным лицом - и выходило очень смешно. Я начинал понимать, в чём было дело». (Толстой Л.Н. Собр.соч, т.1, с.215-216)

Смешение стилей, или «Совмещение планов». «Пища богов» - высшая похвала какому-нибудь блюду. Выражение это принадлежит к «высокому стилю». Слово «харч» - просторечное. Поэтому сочетание «харч богов» (у Ильфа и Петрова) неожиданно, остроумно и смешно. Это приём смешения речевых стилей. Иной раз стиль речи находится в резком контрасте с её содержанием или обстановкой, где она произносится. У А.К.Толстого в «Истории государства Российского» княжеские междоусобицы и татарское нашествие представлены так:

..Плоха была услуга,
А дети, видя то,
Давай тузить друг друга
Кто как и чем во что.
Узнали то татары:
«Ну - думают - не трусь!»
надели шаровары,
приехали на Русь. (Толстой А.К. Стихотворения. - Л., 1958, с.335)

Контраст между трагическими событиями русской истории и нарочито бытовой лексикой преднамерен. Иногда используют псевдоглубокомысленные, заумные выражения и сложнейшие грамматические построения для выражения тривиальных истин. Образец такого остроумия - афоризмы Козьмы Пруткова и некоторые его пародии:

Мне, в размышлении глубоком,
Сказал однажды Лизимах,
Что зрячий зрит здоровым оком,
Слепой не видит и в очках!»

(Сочинения Козьмы Пруткова. - Казань, 1956, с.92)

Зрячий видит лучше слепого, - подобные утверждения имеют нулевую информационную ценность, и незачем ссылаться на носителя звучного древнегреческого имени. Увы, подобного рода псевдоглубокомыслие встречается не только в пародиях, но и в серьёзнейших трактатах. «Ничто так не старит людей, как годы», - подвел итог своих исследований маститый геронтолог.

Смешение стилей использовал А.К.Толстой в послании к председателю комитета по печати М.Лонгинову, запретившему издание «Происхождения видов» Чарльза Дарвина.

Правда ль это, что я слышу?
Молвят овамо и семо:
Огорчает очень Мишу
Будто Дарвина система?
Полно, Миша, ты не сетуй!
Без хвоста твоя ведь ж...,
Так тебе обиды нету

В том, что было до потопа.
 ...Способ как творил создатель,
 Что считал он боле кстати, -
 Знать не может председатель
 Комитета о печати.
 ...И еще тебе одно я
 Здесь прибавлю, многочтимый:
 Не китайскою стеною
 От людей отделены мы.

С Ломоносовым наука,
 Положив у нас зачаток,
 Проникает к нам без стука
 Мимо всех твоих рогаток,
 Льёт на мир потоки света
 И, следя как в тьме лазурной
 Ходят божии планеты
 Без инструкции цензурной...

(Толстой А.К. Стихотворения. - Л., 1958, с.357)

Обращение «многочтимый», разумеется, иронично. Но главное средство сатирического осмеяния - полные пафоса слова о мощи науки рядом с бледным и невыразительным языком тупого чиновника («ходят божии планеты без инструкции цензурной»).

К смешению стилей относится и когда-то свежее и неожиданное перенесение военно-стратегической терминологии на любовные и семейные отношения; сейчас оно превратилось в штамп. Церковная терминология и терминология похоронных обрядов используется в литературных спорах; совмещение планов достигается, когда современные события описывают архаичным языком или даже летописным слогом; либо бытовые картинки излагаются замысловато латинизированным «научным языком». Тот же эффект получается, если пересказать «стиляжным жаргоном» народную сказку: «Волк, со страшной силой хилая по лесу, всю дорогу подклеивался к чувихе в потрясной красной шапочке» (М.Розовский).

«Энеида» Котляревского - великолепный пример «смешения стилей». На смешении стилей построена книга Марка Твена «Янки при дворе короля Артура», комедия М.Булгакова «Иван Васильевич», повесть Л.Лагина «Старик Хоттабыч».

В книге А.Крылова «Мои воспоминания», отличающейся - помимо прочих достоинств - искрящимся остроумием, неоднократно использован приём несоответствия речевого стиля и окружающей обстановки. Получив от морского министра запрос по поводу нелепого анонимного доноса, возмущенный А.Крылов передал министру - если его высокопревосходительство «считает, что в число обязанностей председателя морского технического комитета входит обязанность копать в г...., то пусть нанимает себе г....чиста». (Крылов А.Н. Мои воспоминания. - М.-Л., 1942, с.143) В контрасте между принятой чопорностью в обращении и грубым натурализмом последующих слов состоит соль ответа.

Чтобы преодолеть бюрократическую инертность министерства финансов и добыть средства на строительство канализации для Царскосельской обсерватории, Крылов в рапорте указал, что существует угроза здоровью его императорского величества, и на недоуменный вопрос министра отвечал: «Так точно, ваше сиятельство, жидкое г... спускается открытой канавой». (там же, с.174)

Опять контраст между церемонной напыщенностью слов об августейшем здоровье и последующим словечком. Любопытно, что в повторных изданиях

книги благонравные редакторы заменили «дурно пахнущие» слова, и вся пикантность крыловских демаршей исчезла.

В приведенном выше стихотворении А.К.Толстого неудобопроизносимая рифма к слову «потопа» остроумна лишь благодаря резкому стилистическому диссонансу. Возможно, пуристам подобные примеры покажутся недостаточно эстетичными. Но нельзя обойти молчанием категорию острот и шуток, которая занимает изрядное место в потоке речевой продукции. Жеманство пошло бы во вред объективности, тем более, что примеры взяты из почтенных источников. Тем, кто специально интересуется этой темой, можно рекомендовать приложение профессора Бодуэна де Куртене к толковому словарю В.Даля.

Еще раз подчеркнем, что без стилистического контраста в бранных словах и выражениях не проявляется ни остроумие, ни чувство юмора. Напротив того, подлинно комический эффект достигается зачастую умалчиванием, намёком на недозволенное слово.

Намёк. Один из героев романа Э.Казакевича роняет реплику: «Идите вы к... - и он назвал популярный в России адрес». Приведи он дословно бранное выражение, в этом не было бы ничего остроумного; но намёк на него заставляет догадаться; вспомнить словосочетание, которое не принято произносить вслух, - читатель неизменно улыбается.

В повести Э.Колдуэлла «Случай в июле» рабочий вспоминает об одной девице: «Оказалось, что она не прочь. Да еще как не прочь!» (Колдуэлл Э. Повести и рассказы. - М., 1956, с.160) Писатель предпочёл форму прозрачного намёка, избегая натуралистически точной терминологии. Так же поступил Сергеев-Ценский в «Севастопольской страде». Солдаты, не знакомые с древнеславянской мифологией, никак не могли привыкнуть к кличке жеребца «Перун», и добавляли в неё одну букву. Что за буква и какое получалось слово - предоставляется сообразительности читателя. (Сергеев-Ценский С.Н. Севастопольская страда, т.2. - М., 1950, с.465)

Не надо думать, что намёк остроумен лишь при условии, что за ним стоит непристойность (хотя наибольший эффект всё же получается, когда намекают на что-то недозволенное - «табу»): «Господин Х. довольно упрям, - сказал чиновник о высокопоставленном государственном муже. - Да, - отвечал собеседник. - Это одна из его четырех ахиллесовых пят». Он не назвал Х. ослом, но сочетание упрямства с четырьмя ногами не оставляет на этот счёт никаких сомнений.

Подобные намёки особенно популярны в фольклоре (да и не только в фольклоре) в эпохи цензурных излишеств. Других способов выразить общественное мнение нет, поскольку прямо говорить опасно; приходится прибегать к обиньякам. Но в то же время намёк - приём остроумия; выходит, цензура поневоле помогала сатирикам, заставляя их тщательно оттачивать свои стрелы, шлифовать «эзопов язык», который Салтыков-Щедрин определил как «манеру писать... обнаруживающую замечательную изворотливость в изобретении оговорок, недомолвок, иносказаний и прочих обманных средств». (Салтыков-Щедрин М.Е. Избранные произведения. - М., 1961, с.22)

Сам Салтыков-Щедрин был непревзойденным мастером убийственного намёка. Вспомним «Историю одного города», где характеры, речи и деятельность глуповских градоначальников являют ядовитые намёки на царствования российский венценосцев и на многие события отечественной истории.

Полны язвительных намёков и «Божественная комедия» Данте, и философские повести Вольтера, и «Остров пингвинов» Анатоля Франса, и «Война

с саламандрами» Карела Чапека.

Ирония. По определению М.Ломоносова, «ирония есть, когда через то, что сказываем, противное разумеем». (Ломоносов М.В. Полн.собр.соч. в 8-и тт., т.7. - М.- Л., 1952, с.256) В риторике такой приём - когда говорится одно, но слушателю должно быть ясно, что подразумевается нечто прямо противоположное, - называется антифразой. Возможности интонационной нюансировки иронии безграничны и открывают широкий простор для актёров.

Дабы усилить иронию, иногда прибегают к умышленному коверканью слов, переставляют в них буквы, слоги, переносят ударения. Особенно часто проделявают такие манипуляции авторы эпиграмм над именами своих недругов.

Классический пример иронии - «Похвальное слово глупости» средневекового гуманиста Эразма Роттердамского. Иронично название романа «Преступление Сильвестра Боннара» Анатоля Франса.

Порою не нужен даже интонационный намек: сама ситуация показывает, что произнесённые слова не только не выражают мысли рассказчика, но прямо противоположны ей. Когда по дороге в тюрьму, под конвоем, Швейк во всю глотку выкрикивает приветствия императору, нужно обладать полицейской тупостью, чтобы не учуять в этом злой иронии. Столь же иронично восклицание Швейка, водворённого в тюремную камеру: «А здесь недурно - нары из струганого дерева!» (Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка. - М., 1956, с.56) Ту же окраску имеют и его рассуждения о том, как приятно получить пулю в живот за обожаемого монарха. Эпиграфом к «Станционному зрителю» А.Пушкин избрал строки П.Вяземского:

Коллежский регистратор,
Почтовой станции диктатор.

Ирония этих строк - в противоположности почти устрашающего слова «диктатор» той забитой и оскорбляемой фигуре, которую являл собой зритель почтовой станции.

Существует жанр иронических афоризмов, вроде прутковских «Только в государственной службе познаешь истину», или «При виде исправной амуниции как презренны все конституции». (Сочинения Козьмы Пруtkова. - Казань, 1956, сс.111, 133) С этим афоризмом перекликается другой, принадлежащий генералу Дитятину, «литературной маске», созданной И.Горбуновым не без влияния Козьмы Пруtkова:

«В России всякое движение начинается с левой ноги, но с равнением направо». (Горбунов И.Ф. Юмористические рассказы и очерки. - М., 1962, с.236)

Иронией превосходно владел Ч.Диккенс; ниже приводится эпизод из «Посмертных записок Пикквикского клуба» - попытка друзей Пикквика освободить его из-под ареста.

Вот как выглядела «доблесть» Уинкля и Снодграсса (кавычки - лишь приблизительный графический эквивалент иронической интонации):

«Был ли мистер Уинкль охвачен временным припадком того безумия, какое порождают оскорблённые чувства, или воодушевлён доблестным примером мистера Уэллера, неизвестно, но известен тот факт, что, едва узрев поверженного мистера Граммера, он храбро налетел на мальчишку, который стоял возле него, после чего мистер Снодграсс, действуя в истинно христианском духе и с целью никого не застигнуть врасплох, громко провозгласил, что намерен приступить к действию, и с величайшей заботливостью стал снимать сюртук. Он был немедленно окружён и обезврежен; и нужно отдать справедливость как ему, так и мистеру Уинклю, - они не сделали ни малейшей попытки ни к своему освобождению, ни к освобождению мистера Уэллера, который, после самого энергического сопротивления, был сломлен численно превосходящим противником и захвачен в плен». (Диккенс Ч. Собр.соч. в 30-и тт., т.2. - М., 1957, с.407)

Диккенс пишет о храбрости Уинкля и о христианском рыцарском духе Снодграсса, но читателю ясно, что в такой псевдопохвале таится насмешка и порицание. В последних строках отрывка терминологией военных сводок описана уличная драка (смешение стилей).

В понятие «ирония» можно вкладывать разный смысл.

Ирония может обозначать и привычную для данного человека манеру мышления, и даже его взгляд на мир (например, у Аристофана). Когда Гегель писал об иронии истории, речь шла не о приёме остроумия, термин использовался в более широком значении.

Мы вкладываем в слово «ирония» тот смысл, о котором сказано в определении М. Ломоносова, и потому считаем иронию приёмом остроумия.

Обратное сравнение и буквализация метафоры. В нашей речи есть немало устоявшихся, привычных сравнений, ставших почти стандартными. Они могут быть «перевернуты»: «Небо, усеянное звёздами, всегда уподоблю груди заслуженного генерала», или «бердыш в руках воина то же, что меткое слово в руках писателя» (Козьма Прутков). Такое же «реверсирование» использовал А.Вознесенский: «Мой кот, как радиоприёмник, зелёным глазом ловит мир».

Канадский натуралист Ф.Моуэт так описывает реакцию волка на неожиданное нападение: «Волк издал какой-то звук, до тех пор не числившийся в моем каталоге волчьих криков. Это был высокий, полный ярости и боли, пронзительный рёв (мне пришлось как-то слышать нечто подобное в переполненном вагоне метро - так вопила разъярённая дама, которую кто-то ущипнул)». (Моуэт Ф. Не кричи, волки!. - М., 1968 с.106)

Кроме «чистых» сравнений в человеческой речи часто применяется оборот, основанный на сравнении, но без употребления служебных слов («как», «подобно»). «Он бросился на врага, как тигр», - это сравнение; «он тигром бросился на врага» - метафора. Подобно тому как сравнение может быть обратным, так же и метафора может быть «реверсирована»: приём, постоянно используемый в баснях. Одна из его разновидностей - буквальное истолкование метафоры, излюбленный прием пародистов.

Н.Акимов, высмеивая стиль театральных рецензентов, в отчете об открытии зоопарка упрекнул зайцев - «за серость», слонов - «за тяжеловесность», жирафу - «за отсутствие жизненной правды». Когда раздражённый недоброжелатель во время выступления Маяковского поднялся и стал пробираться к выходу, поэт прокомментировал: «Это человек из ряда вон выходящий», вернув выражению буквальный смысл, но сохранив и переносный. Карл Маркс посетил Генриха Гейне, в то время уже прикованного к постели:

«Он был болен так, что к нему едва можно было прикасаться, сиделки поэтому несли его в кровать на простыне. Гейне, которого даже в этот момент не оставил его юмор, совсем слабым голосом приветствовал Маркса: «Видите, дорогой Маркс, дамы всё еще носят меня на руках». (Кугельман Фр. Несколько штрихов к характеристике великого Маркса. - Воспоминания о Марксе и Энгельсе. - М., 1956, с.288)

В шуточном рисунке, изображающем космовокзал XXII в., художник поместил объявление: «Пассажиров, возвращающихся с Луны, просят звезд с неба не хватать». Когда курортники в Сочи или Гаграх в штормовые дни томятся на берегу, кто-нибудь непременно сострит: «Сидим у моря и ждем погоды».

В приведенных примерах выражениям, обычно употребляемым в переносном смысле, возвращено их буквальное значение.

Сравнение по неявному признаку. Внезапность, присущая истинному остроумию, проявляется в сравнениях по неявному признаку, когда в непохожих и несравнимых предметах и явлениях выделяют неожиданное свойство, которое позволяет провести сопоставление:

Закон, что столб: преступить нельзя, а обойти можно.

Совет подобен касторке: его легко подать, но чертовски трудно принимать.

Девицы вообще подобны шашкам: не всякой удастся, но всякая желает попасть в дамки.

Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя.

Многие люди подобны колбасам: чем их начиняют, то и носят в себе.

Человек с мелкой душой подобен бутылке с узким горлышком: чем беднее его содержимое, тем больше шуму, когда оно изливается.

Писатели, как монеты - чем старше, тем дороже: видно, мы ценим ржавчину больше золота.

Какое сходство Клит с календарём имеет?

Он лжёт и не краснеет. (П.Сумароков)

Обращение неизвестного автора к бюсту Николая I:

Оригинал похож на бюст -

Он так же холоден и пуст» (Русская эпиграмма. - Л., 1958, с.66, 208)

Прямолинейно, «в лоб», используется и сравнение по случайному признаку в эпиграмме Д.Минаева «Апология стихотворца»:

«Я новый Байрон!» - так кругом

Ты о себе провозглашаешь...

Поэт Британии был хром,

А ты в стихах своих хромаешь». (Там же, с.246)

Часто сравнение по неявному признаку преподносится в виде загадок; иногда сравнение проводится не по сходству, а по различию. К. Маркс, отмечая, как трудно анализировать стоимость товаров, сравнил категорию стоимости с легкомысленной вдовушкой: «Стоимость товаров тем и отличается от вдовицы Куикли, что не знаешь, как за неё взяться». (Маркс К., Энгельс Ф., т.23, с.58)

Одна из модификаций этого приёма - перечисление разнородных предметов, объединение в один список почти несопоставимых понятий.

Высмеивая убожество духовной начинки, которую давал Уиннемакский университет своим питомцам, С.Льюис сообщает, что их обучали «санскриту, навигации, счетоводству, подбору очков, санитарной технике, провансальской поэзии, таможенным правилам, выращиванию турнепса, конструированию автомобилей, истории города Воронежа, особенностям стиля Мэтью Арнольда, диагностике кимопаралитической миогипертрофии и рекламированию универмагов». (Льюис С.Эрроусмит) Гоголевский Ноздрёв в «Мёртвых душах» закупал на ярмарке «хомутов, курительных свечек, платков для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойник, голландского холста, крупчатой муки, табаку, пистолетов, селёдок, картин, точильный инструмент, горшков, сапогов, фаянсовую посуду...» (Гоголь Н.В. Собр.худ.произв., т.5, с.102)

Иногда удаётся уловить сходство между конкретной жизненной ситуацией и стихотворной строкой или словами популярной песни, в которых описаны совсем другие положения и события. У безнадежно пустого прилавка цветочного магазина пожилой мужчина горестно вздохнул: «Ромашки спрятались, увяли лютики». И неудачливые покупатели, ранее роптавшие, стали смеяться.

Древнейший литературный жанр - притча - построен на далёкой аналогии или иносказании, то есть на сравнении по неявному признаку. Любопытен рассказ

Плутарха по поводу неожиданного развода консула Павла Эмилия:

«Некий римлянин, разводясь с женой и слыша порицания друзей, которые твердили ему: «Разве она не целомудренна? Или нехороша собою? Или бесплодна?» выставил вперед ногу, обутую в башмак, и сказал: «Разве он нехорош? Или стоптан? Но кто из вас знает, где он жмёт мне ногу?». (Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х тт., т.1. - М., 1961, с.307) Хотя в самой ситуации ничего смешного нет, форма высказывания остроумна.

Сравнения по неявному признаку содержатся в афоризмах героя Диккенса Сэма Уэллера:

Ничто так не освежает, как сон, как сказала служанка, собираясь выпить полную рюмку опия.

Дело сделано и его не исправить - и это единственное утешение, как говорят в Турции, когда отрубят голову не тому, кому следует.

Это истина, не требующая доказательств, как заметил продавец собачьего корма, когда ему сказали, что он не джентльмен.

Сперва дело, потом удовольствие, как говорил король Ричард Третий, когда заколол другого короля в Тауэре, раньше, чем придушить детей.

Очень рад познакомиться с вами и надеюсь, что наше знакомство будет длительным, как говорил джентльмен, обращаясь к пятифунтовому билету.

Стоило ли столько мучиться, чтобы узнать так мало, как сказал приютский мальчик, дойдя до конца азбуки.

Мне очень жаль, что приходится прерывать такие приятные разговоры, как сказал король, распуская парламент.

Все это мне на пользу, как утешал себя раскаявшийся школьник, когда его высекли.

Сходство реальных ситуаций, в которые попадали Пикквик и Сэм, с сентенциями Сэма - более чем отдалённое. Остроумие этих сравнений усиливается тем, что почти каждый афоризм имеет своё содержание с использованием других приёмов (ирония, доведение до абсурда и т.д.) и порою интересен и вне контекста.

Повторение и перемена мест. Это один из самых непонятных приемов: слово, фраза, выражение, слабый анекдот при настойчивом повторении начинают смешить. Правда, смех - еще не показатель остроумия, и неясно, можно ли с полным правом причислить этот прием к остроумию.

Не станем подробно пересказывать фельетон Власия Дорошевича «Русский язык», где фраза гимназического инспектора «неприличные и неуместные шутки», повторяясь многократно, с каждым разом приобретает всё более комическое звучание. Марк Твен решил испытать этот приём, выбрав для эксперимента скучный анекдот, который и изложил во время выступления. Публика приняла его холодно. После третьего и четвертого раза в зале воцарилось ледяное молчание. Твен стал опасаться, что опыт провалился. Наконец, когда анекдот был рассказан в восьмой раз, послышался смех, возраставший с каждым повторением, и в конце концов перешедший в хохот.

В первой главе «Золотого телёнка» И.Ильфа и Е.Петрова появляется летун и хапуга инженер Талмудовский, покидающий очередное место работы. Его выход на страницы романа забавен. Каждое последующее появление инженера - в том же амплуа беглеца - становится всё более комичным, и, наконец, уход с чемоданами во время банкета на Восточной магистрали вызывает, как правило, неудержимый

смех. Смех возбуждали и «серьезные предупреждения», повторенные в двадцатый, сотый и даже в пятьсот первый раз, исходящие от китайского правительства.

Иногда приём используется в несколько усложнённой модификации: повторяются отдельные элементы, или слова, но группируются каждый раз по-иному. Когда беспечный бульвардье переходил улицу, рассеянно посвистывая и глядя в небо, ажан окликнул его: «Месье, смотрите, куда идёте, не то придете, куда смотрите». Одни и те же слова могут быть использованы в разных комбинациях для выражения прямо противоположных мыслей:

Наиболее непостижимая вещь в мире заключается в том, что мир постижим. А.Эйнштейн.

Единственный урок, который можно извлечь из истории, состоит в том, что люди не извлекают из истории никаких уроков. Дж.Б.Шоу.

Такова же структура остроты С. Джонсона, которую приводит И. Кант:

Он, без сомнения, хвалил очень многих, на которых побоялся бы жениться, и женился на одной, которую, быть может, постыдился бы хвалить. (Кант И. Соч., т.6, с.464).

С уверенностью могу утверждать лишь одно: на свете нет ничего, о чём можно говорить с уверенностью. (Сомерсет Моэм. Подводя итоги. - М., 1957, с.21).

Этот же приём использован в шутке журналиста, относящейся к периоду разгона Первой государственной думы: «Существуют четыре формы правопорядка: английская - всё можно, кроме того, чего нельзя; германская - ничего нельзя, кроме того, что можно; французская - всё можно, даже то, чего нельзя; и, наконец, российская - ничего нельзя, даже того, что можно».

Приведем рассказ Н.Шамфора, весьма популярный в XVIII в., хотя тема его не устарела. Вернувшийся из дальних странствий маркиз застал жену в объятиях епископа. Оскорбленный муж проследовал к окну, распахнул его и стал благословлять прохожих. «Что вы делаете? - испугалась жена». - «Монсеньор исполняет мои функции, а я - его».

А.Кестлер предложил такое истолкование источников комизма в этом эпизоде. Неожиданное возвращение маркиза, обнаружившего легкомысленное вероломство супруги, создаёт напряжённость. В те времена дворянин обыкновенно был при шпаге, и слушатель ждет крови. Убийства, однако, не происходит; исполненный решимости маркиз совершает, казалось бы, нелепое действие. Вот эта разрядка напряжённости и вызывает смех.

Такое объяснение основано на грубой ошибке рассуждения. Ведь многие ситуации, в которых устраняется смертельная угроза, вызывают не смех, а чувство облегчения, успокоение, слёзы радости. Значит, разрядка напряжённости сама по себе - недостаточное условие для смеха. Требуется что-то еще. В приведённой истории это «что-то ещё» - перемена мест, или «перекрёстная ситуация», имеющая много разновидностей.

Сюда относятся спунеризмы (по имени Спунера). Механика этих острот в том, что в двух словах меняются местами первые буквы или слоги, либо буквы в середине слова. Так, «хвост» и «факт» превращаются в «фост» и «хвакт», «рифы и штормы» в «рифмы и шторы», «подобрали и обогрели» - в «подогрели и обобрали». Бывают «семантические спунеризмы»: К.Маркс свою книгу, направленную против «Философии нищеты» Прудона, остроумно озаглавил «Нищета философии».

В анекдоте Шамфора перемена мест происходит не на уровне синтаксиса или семантики, а затрагивает целиком всю ситуацию. Кинематограф открывает широкие возможности для использования этого приема. В фильме Роуэна

и Мартина «Laugh-In» в нескольких эпизодах появляется монахиня в чёрном одеянии. Затем она исчезает. Приходит монахиня такого же роста и сложения - негритянка, одетая в белое. Это вызывает гомерический хохот зрителей. Если белая монахиня (в чёрном) и чёрная (в белом) показываются одновременно или их появление разделено несколькими минутами, - никто не смеётся. Если же одна удаляется и сразу же приходит другая, - раздаётся неудержимый смех. И здесь, скорее всего, «пружина» - в перекрёстной перемене цветов.

В фильме «Чапаев» комиссар Фурманов делает Чапаеву замечание за неопрятный внешний вид: «Командир дивизии, а ходишь в таком затрапезном виде». Спустя некоторое время подтянутый, даже щеголеватый Чапаев делает точно такое же внушение Петьке. И хотя перекрёстная ситуация здесь неполная (сначала сцена Фурманов - Чапаев, а затем Чапаев - Петька), эпизод неизменно вызывает смех зрителей. Для такого восприятия необходимо, чтобы промежуток времени между прямой и перекрёстной ситуациями не был слишком большим.

Перекрёстная ситуация есть и в «Евгении Онегине»: письмо Татьяны к Онегину, а в конце романа - письмо Онегина к Татьяне. Композиционный прием «перемены мест» не вызывает здесь смеха, но несомненно подчёркивает ироническое отношение автора к своему герою.

Ситуации с переменной мест - излюбленный «трюк» средневековых карнавалов шествий; они же широко используются в детской поэзии; в фольклоре, когда меняются местами слуга и барин, солдат и генерал, психиатр и его пациент, студент и профессор, епископ и пастух и т.д. Чтобы перекрёстная ситуация вызвала смех, необходимо помнить первоначальную, неперекрытую ситуацию. Зачастую она настолько хорошо известна, что её можно и не приводить, но в сознании воспринимающих она всё равно присутствует; с ней соотносят то, что видят или слышат, - поэтому приём правильнее называть не «перемена мест», а «повторение с переменной мест».

Двойное истолкование. Главный врач одной больницы, человек не очень умный, но чрезвычайно говорливый, часто собирал совещания для обсуждения вопросов, не стоящих выеденного яйца. Однажды вышел на трибуну доктор К., человек серьёзный (о чём знали все) и в то же время озорной (о чём знали немногие). «Что нужно нашей больнице, чтобы изжить недостатки? - начал он патетическим тоном. - Нам нужны титаны!!!» - продолжал он громовым голосом, и тут же спокойно пояснил, что имеет в виду обеспечение кипяченой водой.

Ораторский пафос доктора К. натолкнул слушателей на мысль, что речь идет о людях-титанах. Неожиданный переход к кипятильникам, внезапный и остроумный, вызвал оживление в зале; надо ли говорить, что похвалы со стороны начальства доктор не удостоился.

Двойное (или множественное) истолкование имеет много разных форм. Простейшая из них - игра слов, или использование омонимии. Иногда группа коротких слов звучит примерно как одно длинное. Манипуляция подбора таких слов доставляет удовольствие, даже если в них нет глубокого содержания.

Д.Минаев был виртуозом «словесной игры»:

Область рифм - моя стихия,
И легко пишу стихи я.
Без задержки и отсрочки
Я иду к строке от строчки.
Даже к финским скалам бурым
Обращаюсь с каламбуром.

А вот шутка поэта Я.Козловского:
 Здесь похоронен верный дог мой,
 Его всю жизнь кормил я догмой.
 Скорблю, но уверяет маг мой,
 Что мог питаться может магмой.

Эта игра может быть распространена на слова, совпадающие лишь частью звуков, или на фонетически одинаковые, но имеющие различное буквенное начертание (либо наоборот). В начале XIX в. в России пользовался успехом каламбур «Не все корсиканцы воры, но buona parte» (в переводе - «большая часть» созвучно имени ненавистного захватчика родом из Корсики).

Немало есть острот, где обыграно двойное значение слов «половой», «невинный», «стучать» и т.д. Служилые люди острили, используя разные значения слов «форма» и «содержание», имея в виду форму одежды и денежное содержание. На двойном истолковании слова «предан» построено обращение М.Л.Михайлова к царскому самодержавию:

Каждый, кто глуп или подл, наверно, предан престолу.

Каждый, кто честен, умен, предан, наверно, суду.

К двойному истолкованию относятся также неожиданные и озорные расшифровки сокращений. Разновидность двойного истолкования - двусмысленность, когда целое выражение можно понимать по-разному - она может быть нарочитой и нечаянной. Когда мальчишка-нищий, получив от состоятельной дамы кусок пирога и напутствие «весь год не совать носа к ней в дом», отвечал:

«Вам лучше знать вкус своих пирогов, сударыня», то это умышленное двойное истолкование. Женщина кричит из окна торговцу в разнос, который уже собирается уходить: «У тебя есть время?» - «Конечно, мадам, если кто-нибудь покараулит мой лоток». Длинный похоронный кортеж. Двое зевак; один спрашивает: «Сударь, не знаете ли вы, кто покойник?» - «Точно не знаю, но, скорее всего, тот, кого везут в первой карете». В приведённых примерах участники истолковывают фразу или ситуацию по-своему.

Иногда оба толкования даёт один и тот же человек, мгновенно меняя «угол зрения». Врач-гинеколог, осмотрев пациентку, радостно говорит: «Должен сообщить приятную новость для вас, мадам». - «Но я не мадам, а мадемуазель». - «В таком случае, мадемуазель, должен сообщить неприятную для вас новость». Врач мгновенно меняет оценку ситуации с точки зрения посетительницы, в зависимости от её предполагаемого и действительного семейного положения.

В другом французском анекдоте пожилой месье с восторгом смотрел на «жрицу любви», но не решился выложить пятьдесят франков, предлагая - без всякого успеха - пять. На другой день красотка, встретив его, шествующего с супругой, поравнявшись, прошептала: «Теперь вы видите, месье, что вы можете иметь за пять франков».

Случается нечаянное двойное истолкование - непреднамеренное остроумие невежд и тугодумов. Оно существует только для слушателей, а рассказчик, собственно, никакого остроумия не проявляет. В цитированной уже книге А.Крылова полицейский пристав во время переписи населения в графе «свободные художники» начертал: «После заключения в тюрьму конокрадов Абдулки и Ахметки свободных художников во вверенном мне уезде нет».

Солдат Гарри Кук из романа У.Сарояна «Приключения Весли Джексона» пел песенку, глядя на ненавистного сержанта: «Будь на это власть моя, вы бы старости не знали», истолковывая по-своему содержание этих слов. (Сароян У. Приключения Весли Джексона. - М., 1959, с.5)

Двусмысленность с намеком использованы в остроте, приведённой А.Герценом. («Былое и думы») На заседании Академии художеств президент предложил избрать в почетные члены военного министра Аракчеева, а на вопрос конференц-секретаря Лабзина, в чем состоят заслуги графа в отношении к искусствам, ответил: «Аракчеев самый близкий человек к государю». - «Если эта причина достаточна, - возразил Лабзин, - то я предлагаю кучера Илью Байкова, он не только близок к государю, но сидит перед ним». (Герцен А.И. Собр.соч. в 30-и тт., т.8. - М., 1956, с.57-58)

Эффект двойного истолкования зависит от того, как далеко отстоят по смыслу значения слова или выражения, насколько неожидан переход от одного значения к другому. Но что такое «далёкий по смыслу» и «близкий по смыслу»? Как измерить смысловое расстояние? Вероятно, это переменная величина, на которую влияет **функциональная фиксированность** человека.

Феномен функциональной фиксированности наглядно выступает в следующем эпизоде (за его историческую достоверность поручиться, конечно, нельзя). Французский химик Гей-Люссак, посетив берлинских коллег, заодно купил немецкую химическую посуду. Однако за её провоз через границу требовалось уплатить немалую пошлину. Изобретательный учёный нашел выход из положения. Запечатав колбы, наклеил на них ярлыки: «Немецкий воздух». Поскольку воздух не облагался таможенными тарифами, груз был пропущен беспрепятственно. Наклейки создали у чиновников функциональную фиксированность, они рассматривали стеклянную посуду как тару.

Функциональная фиксированность проявляется при восприятии острот с двойным истолкованием. Контекст должен «зафиксировать» читателя или слушателя на одном значении слова. И тогда переход к другому его значению окажется внезапным. Предварительная фиксированность (в её создании проявляется мастерство рассказчика) увеличивает смысловое расстояние.

Приём двойного истолкования известен с давних пор; две тысячи лет тому назад Цицерон указал на «двойное толкование» как на способ вызвать смех. Поскольку двойное значение могут иметь не только слова, предложения, собственные имена и их «вещественные значения», но и целые ситуации, приём двойного истолкования с успехом используется в кинематографе.

В кинокомедии «Кавказская пленница» показан сеанс одновременной игры. Герой с глубокомысленным видом обходит столики, за которыми сидят его озабоченно-задумчивые партнёры. Сцена вначале вызывает разочарование: зрители знают о знаменитом сеансе Остапа Бендера в Васюках и воспринимают кинокадр как заимствование. Но вот актер восклицает: «Рыба!». Камера отъезжает и становится видно: это сеанс одновременной игры... в козла! Громовой хохот в зале! Если бы авторы фильма (сценаристы М.Слободской и Я.Костюковский) сразу показали, что речь идет о сеансе игры в домино, это была бы забавная выдумка, но не более того. Нужно было предварительно заставить кинозрителя подумать о шахматах, то есть внушить ему одно истолкование ситуации, чтобы неожиданный переход к другому истолкованию вызвал взрыв смеха.

Парадокс. Люди часто пользуются привычными положениями, установившимися формулировками, которые отражают их коллективный опыт; зачастую же, когда они подвергаются как будто незначительной перефразировке, - их смысл утрачивается, извращается или меняется на противоположный. Может получиться бессмыслица, но порою в кажущейся бессмыслице открывается новый,

более глубокий смысл. Таковы многие парадоксы Оскара Уайльда:

Ненужные вещи в наш век единственно нам нужны.
 Холостяки ведут семейную жизнь, а женатые - холостую.
 Ничего не делать - самый тяжкий труд.
 Если скажешь правду, все равно рано или поздно попадёшься.
 Естественность - это поза.
 Время - потеря денег.
 Я интересуюсь лишь тем, что меня совсем не касается.
 Я могу поверить лишь невероятному.
 Эта женщина и в старости сохранила следы изумительного своего безобразия.
 Когда люди соглашаются со мною, - я вижу, что я не прав.
 У него было одно из тех типично британских лиц, которые стоит увидеть однажды, чтобы уже не вспоминать никогда.
 Филантропы лишены всякого чувства человеколюбия.
 Самая большая опасность - быть совращённым на путь добродетели.
 Лучшее средство избавиться от искушения - поддаться ему.
 Строгая мораль - это всего лишь наше отношение к тем людям, которые не нравятся нам.

(Цит. по: Чуковский К. Люди и книги. - М., 1960, с.639)

Эти парадоксы истолковываются как вызов официальной ханжеской морали, протест против лицемерия. Рассмотрим теперь парадокс Дж.Б.Шоу:

«Жизнь равняет всех - смерть показывает, кто в самом деле был значительной личностью». Перефразировка общеизвестного высказывания как будто противоречит здравому смыслу; в нем утверждается непреложная истина, что и великие мира сего, и последний нищий - все равны перед лицом смерти. Однако в жизни почести не всегда воздаются по заслугам; истинное величие можно оценить лишь в исторической перспективе, когда лопаются мыльные пузыри дутой славы. У Шоу много таких афоризмов-перевёртышей:

Наказание лжеца ни в коей мере не в том, что ему не верят, а в том, что он никому не может поверить.
 В важных вопросах не встретится затруднений, никогда и не встречается. Именно из-за пустяков мы терпим крушение у самого входа в гавань.
 Филантроп - это паразит, живущий нищетой.
 Разумный человек приспосабливается к миру, а неразумный пытается приспособить мир для себя. Поэтому прогресс зависит от людей неразумных.
 Революции еще никогда не облегчали бремени тирании: они только перекладывали его с одних плеч на другие.
 Когда идея, окончательно созрев, просуществует ещё десять лет, самое время нападать на неё; особенно если она притязает на то, чтобы служить основой для всего человеческого общества.

(Хьюз Э. Бернард Шоу. - М., 1966, с.155 -157)

Использован парадокс и в эпиграмме Василия Львовича Пушкина:

«Змея ужалила Маркела. - Он умер? – Нет, змея, напротив, околела». (Русская эпиграмма, с.74) Широко известны строки из «Писем к провинциалу» Блеза Паскаля: «Я написал длинное письмо, потому что у меня не было времени, чтобы написать короткое». На первый взгляд здесь нарушены элементарные логические законы: если не было времени для короткого письма, его подавно не хватило бы для длинного. Но смысл в том, что написать коротко, вложив богатое содержание, выразив его сжато и точно, - труд не лёгкий, требующий затраты времени.

Выражение Франсуа Рабле «Аппетит приходит во время еды» - тоже парадоксально и было в XVI в. остротой, но от длительного употребления стало слишком привычным.

Приведем еще несколько парадоксов Т.Гексли, Л.Больцмана, М.Твена, Дж.Б.Шоу, В.Гюго, А.Эйнштейна, Р.Киплинга, А.Франса, М.Салтыкова-Щедрина и других авторов, предоставив читателю самому разобратся в их структуре:

Мы тверже всего верим в то, что менее всего знаем.

Человек два года учится говорить, а затем всю жизнь учится молчать.

Хорошее воспитание - это умение скрывать, как много мы думаем о себе и как мало о других.

Здравый смысл существует несмотря на образование, а не благодаря ему.

Демократия заключается в том, что и богатый и бедный одинаково имеют право ночевать под мостами Сены.

Чрезмерная строгость российских законов значительно смягчается необязательностью их исполнения.

Мода настолько безобразна, что мы вынуждены менять её каждые полгода.

Самая глупая женщина легко справится с самым умным мужчиной; но сладить с дураком сумеет лишь самая умная.

Мозг - удивительный орган: он начинает работать, как только вы просыпаетесь утром, и не прекращает до тех пор, пока вы не явитесь к себе на службу.

В жизни есть две трагедии: одна - неисполнение заветного желания, другая - исполнение его.

Моя манера шутить состоит в том, что я говорю правду. Это самая забавная шутка.

Новое в науке делается так: все знают, что это сделать невозможно. Затем приходит невежда, которому это неизвестно. Он и делает открытие.

Нет ничего практичнее хорошо обоснованной теории.

Для наглядности рассмотренные приёмы остроумия целесообразно представить схематично:

1. Ложное противопоставление.
2. Ложное усиление.
3. Доведение до абсурда:
 - а - преувеличение;
 - б - преуменьшение, или смягчение;
4. Остроумие нелепости.
 - а - логическая несовместимость;
 - б - бессмысленная детализация;
 - в - нарушение логической последовательности событий.
5. Смешение стилей, или «совмещение планов»:
 - а - смешение речевых стилей;
 - б - перенос терминологии;
 - в - несоответствие стиля речи и содержания;
 - г - несоответствие стиля речи и обстановки, где она произносится;
 - д - псевдоглубокомыслие.
6. Намек, или точно наведённая цепь ассоциаций.
7. Ирония.
8. Обратное сравнение:
 - а - «чистое» обратное сравнение;
 - б - буквализация метафоры.
9. Сравнение по неявному, случайному или несущественному признаку:
 - а - перечисление разнородных предметов в едином списке;
 - б - использование цитат для описания бытовых ситуаций.
10. Повторение:
 - а - «чистое» повторение;

- б - повторение с изменением грамматической конструкции;
- в - повторение с изменением смысла на противоположный;
- г - спунеризмы и другие перекрёстные ситуации.

11. Двойное истолкование:

- а - игра слов;
- б - двусмысленность;
- в - необычная расшифровка общепринятого сокращения.

12. Парадокс.

Приёмы остроумия и художественные средства отражения комического

Техника остроумия и содержание. Если все приёмы объединить под общим названием «техника остроумия» и оговориться, что в понятие «техника» входят, вероятно, еще и другие приёмы, ускользнувшие от нашего анализа, то можно уверенно сказать, что техника - необходимое условие остроумия. Необходимо, потому что то же самое содержание, изложенное в иной форме, воспринимается просто как истинное или ложное.

Но одной только формы явно недостаточно. Требуется еще предварительное знание, без которого останется непонятен смысл остроты. Необходим и эмоциональный компонент. Это и есть составные элементы комического остроумия: форма и её эмоционально-содержательное наполнение. Если «погасить» эмоциональный компонент, комического эффекта не будет.

Остроты отличаются любопытным свойством: они стареют. Эпиграммы прошлого века, даже самые блестящие, не вызывают сейчас такой реакции, как в свое время. Люди, осмеянные в них, для нас уже не интересны; события той эпохи не так волнуют. Эмоциональные отношения к ним стало иным, и остроты как бы притупились, потускнели, вылиняли. Правда, иной раз техника остроумия настолько отточена, что сама по себе вызывает восхищение. Такова эпиграмма А.С. Пушкина на графа Воронцова:

Полумилорд, полукупец,
Полумудрец, полуневежда,
Полуподлец, но есть надежда,
Что полным станет наконец.

Современному читателю-неспециалисту могут быть неясны некоторые намёки, но мастерски применённый приём ложного противопоставления в сочетании с динамичным стихом, сделал эпиграмму немеркнувшей.

Большинство остроумных пародий, шуток, фельетонов, утрачивая злободневность, теряют и привлекательность. К сожалению, многие из них лишь тогда попадали в печать, когда их тема переставала быть животрепещущей:

Ходить бывает склизко
По камешкам иным.
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим, - сетовал А.К.Толстой.

Долговечность произведений сатирического жанра зависит от того, **что** именно они высмеивают. Если это преходящее явление, то и остроумие оказывается преходящим; если же объектом нападок и осуждения служит капитальный общественный обычай или стойкое свойство человеческой натуры, - остроумие проходит сквозь века.

В потоке времени меняется не просто эмоциональное отношение людей к тем или иным событиям, утрачивающим злободневность, но меняются и сами

люди, и их фундаментальные эталоны оценок. Ведь в древнем мире получали наслаждение даже от зрелища убийств. Лукреций Кар откровенно писал: «Сладострастно наблюдать с берега за бедствиями, претерпеваемыми другими в открытом море». Вероятно, при этом острее чувство собственной безопасности.

Современный цивилизованный человек не смеётся при виде чужих мук - они вызывают зачастую содрогание. В этой эволюции чувств за сравнительно короткий исторический период большую роль сыграла способность мысленно перенести страдание на себя. Для этого требуется более высокое развитие психической функции, которая называется сознанием.

Высокая культура чувств не закрепляется генетически и потому не наследуется. Её нужно воспитать у каждого родившегося на свет. Если этим пренебречь, на протяжении жизни одного поколения человек может скатиться к первобытной дикости чувств и нравов.

Пережитки старых критериев в оценке и восприятии смешного сказываются и в наши дни. Чужая неловкость, беда, физический недостаток, даже уродство порою вызывают смех. Иные покатываются со смеху, видя как прохожий догоняет сбитую ветром шляпу или, поскользнувшись, растянулся на льду.

Гомер изображает олимпийских богов, хохочущих над хромым кузнецом Вулканом, взявшимся исполнять обязанности разносчика кубков Ганимеда; значит, в те времена такого рода источники веселья считались нормой.

В средние века это был обычный источник потехи (в так называемом рыцарском обществе). Возможно, чужая неловкость или безобразие позволяют полнее ощутить собственную силу и красоту, и тем самым доставляют радость, проявляющую себя смехом.

Многие шутки и острооты прошлых веков утратили привлекательность не только из-за потери злободневности, но и потому, что нравы изменились.

Когда мы говорим, что остроота устарела, стала банальной, нужно помнить, что поблекла она для взрослого образованного человека, не раз уже слышавшего подобные или однотипные по приёмам и содержанию шутки. Но всегда найдутся люди с более ограниченным опытом, для которых поношенные острооты - откровение. Вполне естественно, что многие шутки, юмористические повести и анекдоты «ушли» к детям. Эта закономерность касается не только остроот; книги, которые некогда предназначались для взрослого читателя, годы спустя перешли в разряд детской литературы и стали по преимуществу достоянием подростков. (Вальтер Скотт, Александр Дюма, Жюль Верн и многие другие).

С легкой руки Дж.К.Джерома вот уже более столетия остроты всего мира вышучивают ошибочные прогнозы погоды. Построены эти шутки на «смешении стилей»: глубокомысленная терминология прогнозов и частые несовпадения реальной погоды с предсказанной. Гаданье на кофейной гуще давало не меньше сбывшихся прогнозов, и потому замысловатые наукообразные формулировки метеорологов располагали к насмешкам.

Но положение изменилось; предсказания стали куда более точными. Однако любители острить на изжившую себя тему не переводятся, хотя их острооты не имеют прежнего успеха: «Повторенное острое слово становится глупостью». (А.С.Пушкин) К тому же изменилось эмоциональное отношение к предмету шутки, а без эмоционального фона техника остроумия в большинстве случаев тщетна.

Талант или техническое мастерство? Можно ли, освоив формальные приемы, тем самым стать остроумным? Большинство авторов, пишущих на эти

тему, считают, что нельзя. Старание быть остроумным само по себе тупоумно (Чернышевский). Перефразируя шутку Шолом-Алейхема, можно эту точку зрения выразить так: остроумие - как деньги: когда есть - есть, а когда нет - нет.

Никто не рождается остроумным и нигде «этому» не учат. Но у некоторых есть способность в устной речи и в художественной литературе выделять формы выражения мысли, которые мы называли приёмами остроумия. Такая работа проводится подсознательно. Как дети, не знакомые с грамматикой, погружаясь в стихию языка, то есть прислушиваясь к речи окружающих и активно воспроизводя её, выделяют правила морфологии и синтаксиса (не подозревая об этом), - так же подсознательно выделяют и тот «синтаксис остроумия», двенадцать правил которого изложены в предыдущей главе. Здесь тоже очень важно активное воспроизведение: остроумие, как и любая психическая способность, требует тренировки. Говорят, острый язык - единственный инструмент, который от постоянного употребления становится еще острее.

В.Маяковский писал о сатире: «Тем смешных нет. Каждую тему можно обработать сатирически... Смех - в обработке, обработка эта имеет свои законы, сатирик не рождается, а учится своему делу, сознательно выработанные приёмы дают произвольный смех». (Маяковский В. Полн.собр.соч. в 13 тт., т.12. - М., 1959, с.31-32) Маяковский пришёл к выводу, что можно сознательно освоить приёмы остроумия и даже говорил о школах, где будут специально обучать его приемам, как учат арифметике. Это, пожалуй, преувеличение.

Остроумие - свойство психики, порой, талант; но и к таланту сами собой не приходят умения и мастерство. Нужны обучение, труд.

В отличие от правил речи, алгоритмы остроумия оказываются не всем доступны. Причина отчасти во врождённых задатках способностей, нейрофизиологической природы которых мы пока не знаем (как не знаем физиологической основы математических или музыкальных способностей), а отчасти - в условиях воспитания. Но изучать закономерности остроумия - весьма поучительно. Многочисленная армия литераторов-сатириков, артистов эстрады - конферансье, комиков-пародистов и авторов-куплетистов - служит примером, как можно профессионально применять приёмы остроумия. При этом зачастую даже при правильном применении приёмов успеха «продукция» не имеет: одного только формального приёма для создания остроты недостаточно.

Безусловнорефлекторная реакция смеха с годами обрывает условнорефлекторными и второсигнальными связями; её пусковым механизмом могут стать словесные раздражители, отвечающие некоторым формальным признакам. Но необходим еще признак **актуальности**, то есть эмоционально значимое содержание. Эмоциональное отношение формируется под влиянием внешних условий, прежде всего - социальных. В фильме Ч.Чаплина «День отдыха» влюблённая пара на веранде ресторана самозабвенно целуется, и девушка роняет мороженое. Оно падает за воротник и на замысловатую причёску нарядной дамы, сидящей под верандой. В этом месте публика смеется.

Если бы мороженое попало на платье фабричной работницы, лишь немногих это рассмешило бы. Но увешанная бриллиантами дама не вызывает сочувствия. Напротив, возбуждает недоброжелательность, даже враждебность. Ведь аудитория кино наиболее демократична. Без социальной заострённости остроумие выродилось бы в простое зубоскальство.

Фольклорные шутки, в которых высмеивались поп, чиновник, барин, имеют ту же классовую подоплеку. Значит, один из источников остроумия и фон

для его восприятия - негодование, ненависть, презрение, причем с подчеркнутой социальной направленностью. Такое остроумие бывает едким, колким, саркастичным. Движущие мотивы остроумия Дж.Свифта или М. Салтыкова-Щедрина - высокая гражданственность и гуманизм, но это лишь «в конечном счете». Прямые источники их остроумия - гнев и ненависть.

Об этом писал А.Луначарский в статье о творчестве Салтыкова-Щедрина. Клокочущая ненависть к угнетателям, презрение к ним, основанное на сознании своего умственного и морального превосходства, и в то же время осознание своей беспомощности и бессилия, возбуждающие волны желчи и злости, - вот непосредственная «питательная энергия» щедринского смеха:

«Смех, исполненный презрения, часто почти переходящий в юмор, победоносный смех, смех сверху вниз, смех в плоскости идей и чувств уже победивший, раздавливающий осмеянный кошмар, и в то же время смех надрывный, смешанный со слезой, смех, в котором дрожит негодование, который прерывается удушьем бессилия, смех, блистающий внутренней победой и весь пронизанный злобой, еще более ядовитой от сознания своего реального бессилия». (Луначарский А.В. Русская литература. - М., 1974, с.200-201)

Зависть, личная обида, национальная рознь также могут быть движущей пружиной и фоном для остроумия. В 1813г., уезжая на войну с австрийцами, Наполеон научил двухлетнего сына говорить: «Пойдёмте бить дедушку Франца». Эта высочайшая шутка до слёз смешила многих французов, но, вероятно, вызывала совсем другие чувства у жителей Австрии. А столь популярные проделки Тиля Уленшпигеля были, конечно, не по душе испанским завоевателям.

Отношения дружеской взаимопомощи и товарищеского сотрудничества воцарились далеко не на всей планете. Интересы людей и классов противоречивы и служат причиной ожесточённой борьбы. Высмеять противника, поразить его злой шуткой - сравнительно ненаказуемым, но эффективным способом - ошутимое преимущество. Весёлый куплет может опрокинуть трон и низвергнуть богов, как выразился Анатоль Франс. Во всякой борьбе «шутники поддерживают одну из сторон против другой; и та сторона, которая имеет в свою пользу шутников, уверена в победе». (Казанова Дж. Мемуары. - СПб, 1887, с.171) Смех демонстративно показывает, как данная личность относится к общественным установлениям, должностным и административным «фигурам», государствам и идеологиям. Главное, иметь смеющихся на своей стороне, как говорят французы.

Зачастую оратору удаётся завоевать аудиторию не только силой аргументов, но и блеском остроумия. Иногда единственного остроумного замечания достаточно, чтобы камня на камне не оставить от хитроумно-громоздких построений демагогов, не затрачивая на это ни времени, ни сил. Примером полемического мастерства могут служить работы Ф.Энгельса, который особенно умело применял иронию. «Не от английского ли слова «iron», что означает «железо», происходит слово «ирония»? - спрашивает Виктор Гюго, хотя он, вероятно, знал, что оно происходит от древнегреческого, обозначающего «притворство» («когда говорят одно, а думают другое»: «способный притворяться, насмешливый»; «человек, который говорит не то, что думает».)

Эпиграмма. Наиболее разработанная в литературе форма остроумного нападения - эпиграмма, что означает «надпись» (то же, что и «эпитафия»), но со времён Марциала эпиграмма приобрела сатирический характер и сохраняет его и поныне. Рассмотрим несколько эпиграмм XIX в.:

Остра твоя, конечно, шутка,
 Но мне прискорбно видеть в ней
 Не счастье твоего рассудка,
 А счастье памяти твоей. -

В этом четверостишии Дениса Давыдова применён намёк (на заимствование чужой остроты). Отправляясь на войну, Д.Давыдов написал «прощальную»: Мы несём едино бремя,

Только жребий наш иной:
 Вы оставлены на племя,
 Я назначен на убой.

Эпиграммы С. Соболевского: на братьев Полевых -

От Каспийского
 До Балтийского,
 До Большого и Черного понта
 Нет подлее,
 Нет сквернее
 Полевого Ксенофонта.

От Кавказского
 До Уральского,
 До большого хребта до Алтая
 Нет сквернее,
 Нет подлее
 Полевого Николая.

И «Юбиляру» - Сегодня праздник - юбилей.

Ради того, что барин некий
 Был великий дуралей
 Целых пять десятилетий.

(«Русская эпиграмма», с. 103, 104, 183, 188, 208)

В приведенных примерах - откровенная враждебность, особенно в эпиграммах Соболевского; несомненная ущемлённость талантливого человека, в эпоху монархического произвола вынужденного считаться с мнениями и вкусами людей бездарных и своекорыстных, потому лишь, что сумели «втереться» и занять место «наверху». И даже если при чтении такие обладатели малообременительных знаний шевелят губами, именно они задают тон в литературе, ничтоже сумнящиеся определяют, «что такое хорошо и что такое плохо», подавляют индивидуальность писателя силою административного нажима, не подкреплённого творческим авторитетом. Изменить такое положение поэт не в силах. Ему остаётся лишь изливать свою желчь: эпиграммы не публикуются, но молва разносит их по стране - самое достоверное свидетельство его исторической правоты. В ещё большей степени это относится к эпиграмме на Фаддея Булгарина:

Все говорят: он Вальтер Скотт.
 Но я, поэт, не лицемерю.
 Согласен я, он просто скот.

Но что он Вальтер Скотт - не верю. (Там же, с.208)

Приём двойного истолкования («имя собственное и его вещественное значение») усилен лёгкостью стихотворной формы и рифмами. Современникам эта эпиграмма казалась куда более хлёсткой, чем нам. Имя Булгарина, соглядатая и сыщика, доносчика и жандармского агента в литературе, было одиозным не только в передовых литературных кругах, но и просто среди порядочных людей.

Такой же приём был использован в эпиграмме на другого литератора:

Поэт, не стану лицемерить,
 Прослыть ты хочешь русским Беранже.

Я знаю, что ты бе, я знаю, что ты же,
Но Беранже? Нет, не могу поверить!

Сходство с предыдущей эпиграммой настолько велико, что можно говорить о заимствовании идеи. Это четверостишие - ответ на язвительный выпад поэта; не приводим его, потому что содержащиеся в нём намёки потребовали бы пространных пояснений. Автор обыграл фамилию Беранже, но не сумел парировать мотивы нападения. Между тем остроумный ответ должен быть именно **ответом**, то есть обыграть смысловые элементы, имеющиеся в нападении.

Образец такого рода приведен у Фрейда. Молодой граф, вступая во владение поместьями после смерти отца, объезжал свои деревни. В одной он увидел парня, как две капли воды похожего на себя; обратила внимание на поразительное сходство и свита. Подозвав его, граф спросил со смехом:

«Что, не служила ли мать в резиденции?» - «Нет, мать не служила, а отец служил». (Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. - М., 1925, с.91)

Крестьянин поразил обидчика его собственным оружием, обратил против него остриё его же шпаги. Для восприятия этой остроты чрезвычайно важен эмоциональный фон, который создаётся сочувственным отношением к крестьянину и недоброжелательным - к его сиятельству, задающему оскорбительный вопрос и уверенному в безнаказанности.

Ответ не обязательно должен быть словесным - он может иметь форму действия или поступка (practical joke). Рассказывают, что один из друзей Генриха Гейне, желая подшутить над поэтом, прислал ему объёмистый пакет, в котором было много вложенных друг в друга конвертов, и, наконец, в последнем - записка: приятель сообщал, что он жив и здоров. Через неделю почтальон принес приятелю Гейне посылочный ящик с увесистым камнем и кратким пояснением: «этот камень свалился у меня с сердца, когда я узнал, что ты в добром здравии».

Пародия. Это древнейший литературный жанр. Знаменитая пародия на Гомера - поэма «Война мышей и лягушек» («Батрахомиомахия») была написана в IV в. до нашей эры, автором её считается Пигрет. По мастерству произведения можно судить, что этот жанр уже в то время был не нов. Как ни разнообразны пародии и применённые в них приемы, но в любой из них есть и доведение до абсурда путем преувеличения. Акцентируется какая-то особенность стиля, пристрастие к какому-нибудь словечку или обороту речи и т.д. «Макаронический стих», построенный на смешении «французского с нижегородским», пародирует склонность некоторых литераторов засорять свой язык иноязычными словами.

Если в произведении органически слиты форма и содержание, мысль и образы представляют подлинное гармоническое единство, пародию на него сочинить трудно. Но малейший просчёт, едва заметная шероховатость приобретают грандиозные размеры под пером едкого пародиста, который лучше всякой критики указывает автору на слабости и несовершенства.

Замечательными мастерами сатирической пародии были А.Раскин и А.Архангельский. Их традиции с блеском продолжил А.Иванов.

Пародия представляет собою самостоятельный опус - рассказ, сценку, стихотворение и т.д. Но в ней неявно присутствует и другой текст - тот, который служит объектом пародирования. Читатель должен все время соотносить оба текста; если такого соотношения нет, пародию можно принять просто за смешной, беспомощный или нелепый рассказ. Значит, для восприятия пародии требуется предварительное знание. В повести Вольтера «Микромегас» содержится едкая

пародия на цветистый и кокетливый стиль учёного секретаря Французской академии Фонтенеля. Но кто сейчас знает и читает Фонтенеля?

Когда писатель сообщает, что голова Ивана Ивановича напоминает редьку хвостом вниз, а голова Ивана Никифоровича - редьку хвостом вверх, то это забавный штрих в наружности миргородских помещиков. И только знающие манеру Плутарха сопоставлять и сравнивать двух исторических деятелей, улавливают в повести Н. Гоголя пародийные ноты.

Не умножая числа примеров, добавим, что и в жанре фельетона, памфлета, сатирической повести авторы пользуются конечным числом приёмов, причём не всякий из них использует весь арсенал - у многих есть свои излюбленные приёмы.

Тех, кого интересуют литературно-эстетические проблемы комического, мы отсылаем к исследованиям литературоведов. (См., например: Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. - М., 1965; Минчин Б. Деякі питання теорії комічного. - Київ, 1959) Нам же требовалось лишь отметить, что приёмы остроумия, сатирические жанры и «художественные средства отражения комического» - явления разнопорядковые. В любом жанре может быть использован любой прием, а также различные сюжетные ходы, которые, собственно, не относятся к приемам остроумия: саморазоблачение героя, взаимные разоблачения отрицательных персонажей и т.д. Художественные средства юмористики не исчерпываются приёмами остроумия.

Патологическое остроумие. В старинной студенческой песне “Gaudeamus” есть строки: *Pereat tristitia,*

Pereat osores

Atque irrisores (по-латыни это означает - в дословном переводе: «Да сгинет печаль, да сгинут ненавистники и насмешники»).

Джонатан Свифт, описывая идеальное общественное устройство благородных гуигнгнмов и их превосходные личные качества, отмечает: «... здесь не было зубоскалов, пересудчиков, клеветников, карманных воров, разбойников, взломщиков, стряпчих, сводников, шутов, игроков, политиканов, остряков, ипохондриков, скучных болтунов, спорщиков, насильников, убийц...» (Свифт Дж. Путешествия Гулливера. - М., 1947, с.585)

Волею всемирно знаменитого писателя-сатирика, чрезвычайно остроумного человека, остряки попали в малопочтенную компанию.

В «Туманностях Андромеды» И.Ефремов пророчествует, что в грядущем обществе полного и окончательного благоденствия «исчезнет искусное жонглирование словами, так называемое остроумие». (Ефремов И.А. Туманность Андромеды. - М., 1959, с.345)

Едва ли стоит делать столь категорические прогнозы. Всегда, вероятно, будут и просчёты, и промахи, и неточные решения, - значит, будет материал для остроумной шутки. Остроумие - фундаментальное свойство психики; его предпосылки коренятся в физиологических алгоритмах работы мозга. А переделка своей биологической природы - задача чрезвычайно отдалённая. И уж если дойдет очередь и до этого, то зачем же лишать себя столь высоко ценимой способности, которая к тому же, как будет показано в следующей главе, имеет прямое отношение к продуктивному, творческому мышлению?

Если ограничить прогноз И.Ефремова тем, что исчезнет лишь патологическое остроумие, оптимисты согласятся с этим более охотно. В самом деле, если медицина научится предотвращать патологию мозга, то

и патологического остроумия не должно быть. Но тогда нужно поговорить о том, что же такое патологическое остроумие.

Любая умственная деятельность связана с чувственной мотивацией. Это относится и к остроумию как форме мыслительной работы. Отсюда следует вывод: поскольку в остроумном высказывании есть два компонента - техника и содержательно-эмоциональное наполнение, то нарушения в этой области словесного поведения могут быть вызваны заболеваниями мозга, при которых поражаются формально-логическое мышление, интеллект и эмоциональная сфера.

При шизофрении больные вначале теряют способность адекватно реагировать на шутку. Они легко улавливают и объясняют комический смысл остроумного анекдота, рисунка, рассказа, но эмоциональная реакция отсутствует - им не смешно. При прогрессировании заболевания теряется и способность осмыслить, уловить смешное. Нарушение восприятия остроумной шутки при эпилепсии связано со склонностью к резонёрству, с нарастающим тугоумием, дотошностью, с тем, что внимание приковано к деталям в ущерб сущности явления. В результате этого больные обычно не улавливают комизма остроты.

Своеобразные изменения в этой области отмечаются у алкоголиков. По мере алкогольной деградации шутки всё более кататимные: они истолковывают юмористические рисунки и рассказы в плане близких им ситуаций, связанных с пьянством. (См.: Познанский А.С. Об одном критерии личностных нарушений. - В кн.: Проблемы личности. - М., 1969, с.251-257)

Нередко по интонации и выражению лица можно заключить, что автор высказывания считает его остротой; такая претензия на остроумие производит тягостное впечатление - если кроме этой претензии в них больше ничего нет.

Игра слов порождает иногда остроты невысокого качества. Это бывает, когда два значения слова слишком близки по смыслу (недостаточное смысловое расстояние), или берётся лишь буквальное значение слова и отбрасывается переносное. Подобного рода шутки приходилось выслушивать от больных шизофренией. В одной из палат психиатрической больницы художник, страдавший манией величия, возвещал, что он создаст невиданный пейзаж - настоящую живую природу. «Чтобы создать живую природу, надо сперва жениться», - бросил реплику его сосед. Острота, имевшая большой успех, построена на буквальном истолковании. Склонность к таким примитивным остроумам свойственна неразвитым людям, но не только.

По нашим наблюдениям, снижение уровня острот отмечается в самом начале развивающегося склероза мозговых сосудов. Остроумие начинает угасать у склеротиков раньше других интеллектуальных функций.

Патологическое остроумие встречается у вполне здоровых и даже образованных людей. П.Ганнушкин называл их салонными дебилами. Они неумоимо «выдают на-гора» шутки, мало заботясь о реакции окружающих, а сами смеются заранее (князь Ипполит Курагин из «Войны и мира»). Поэтому прогноз об исчезновении патологического остроумия связан не только с успехами психиатрии, но и с наивной надеждой на осуществление утопического упования молодого поэта Гельмута Прейслера: «Мы построим государство, где не будет дураков». («Литературная Россия», 1970, 9 окт.)

В потоке сознания сталкиваются различные понятия, образуя различные ассоциации. Некоторые из них остроумны. Но мало создать остроту. Нужно оценить, достаточно ли она хороша, чтобы её обнародовать (или лучше «проглотить»). У салонных дебилов отсутствует критическая оценка своей речевой

продукции. Но и вполне разумные люди, как правило, более здраво и трезво оценивают качество чужих шуток, а к собственным проявляют снисходительность; при заминках и отказах памяти часто со вздохом произносят: «Склероз!». Но никто не сокрушается, ссылаясь на склероз после глупой остроты.

Советский невропатолог Е.Сепп на основании многолетних клинических исследований пришел к выводу, что оценка собственных действий и оценка действий других людей совершается в различных участках нервной системы: поле Бродмана №40 - для своих действий и поле Бродмана №39 - для чужих. (В коре головного мозга насчитывается 10-14 миллиардов нервных клеток; причем они между собой не хаотически соединены, а организованы в отдельные скопления, участки - так называемые поля, разница строения которых служит одной из основ функциональной специфичности; нейроморфолог Бродман выделил 52 таких поля). В частности, Е.Сепп писал:

«Иногда наблюдается своеобразное нарушение речи - литеральная парафазия, когда больной путает буквы в слове, вследствие чего невозможно понять, что он хочет сказать. Так как речь больного не понимают, он пишет на бумаге, с теми же искажениями, не замечая ошибок. Но если другой человек своим почерком копирует написанное больным и покажет ему, он тотчас же замечает неправильности. В первом и втором случаях участвовало зрение. В первом случае - как контроль собственных действий в анализаторе поля 40, во втором - в качестве внешнего анализатора в поле 39. На различии этих двух анализаторов основано частое явление, когда люди не замечают неправильностей своей речи, ненужных вставочных слов и т.п., а в чужой речи отмечают это без труда». (Сепп Е.К. О локализации функций в мозговой коре. - Журнал невропатологии и психиатрии Института им. С.С. Корсакова, 1955, №12, с.886)

Статью Сеппа критиковали за кажущуюся механистичность. Но клинические и анатомические доказательства её остались не опровергнутыми.

Заманчиво было бы объяснить разницу в оценке собственной и чужой речевой продукции участием различных функциональных систем. Косвенно это подтверждается свидетельствами писателей: только при «переписке» рукописи на машинке происходит «отчуждение текста» и могут быть обнаружены погрешности.

Расстройства остроумия бывают при поражении лобных долей мозга - опухолью или абсцессом. При этом отмечается не просто «выпадение». Ведь немало людей вполне здоровых не склонны к остротам. А при поражении лобных долей больные охотно шутят, но шутки становятся плоскими и грубыми. Приёмы ограничиваются буквализацией метафоры и двойным истолкованием в самой примитивной форме. Тематика сосредоточивается вокруг физиологических отправлений организма. Этот «лобный юмор» настолько характерен, что опытный невропатолог по одной только манере острить может заподозрить патологический процесс лобной доли мозга.

Любая сложная психическая функция является иерархической организацией более простых, но тоже далеко не элементарных функций. Остроумие включает в себя способность к избирательным ассоциациям и к оценочным действиям; при поражении лобных долей способность к избирательным ассоциациям утрачивается, и в потоке сознания преобладают случайные ассоциации. Отдельные логические операции не нарушены, если они упрочены опытом, но нарушается их соподчинённая структура, исчезает и критическая самооценка. (См.: Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека. - М., 1963)

Видимо, лобное остроумие - результат рассогласования этих психических функций, что приводит и к другим болезненным феноменам, вызывая более глубокие личностные изменения; а острота служит моделью, в которой эти изменения отчётливо проявляются.

Но и без всякой патологии, одни люди остроумны, а другие - нет. Различие между мозгом остроумного и неостроумного человека нельзя обнаружить ни на биохимическом, ни на микроанатомическом уровнях. Вообще, различия в уровне одаренности связаны, скорее, с системным строением мозга и с богатством внутренних связей между мозговыми элементами.

Чрезвычайно важен также мотивационный профиль личности.

Умственная работа, направленная на решение простых и сложных задач, не ограничивается рамками рабочего дня; она продолжается и в свободное время. Нерешённая задача создаёт доминантный очаг возбуждения в мозгу, превращаясь в цель деятельности. Если волевая установка, подкреплённая чувствами, достаточно сильна, то вся интеллектуальная деятельность подчиняется решению данной проблемы.

Вероятно, у некоторых людей иногда возникает и прочная «установка» на продуцирование острот. Формированию этой установки способствуют похвалы и восхищение слушателей; да и сам процесс «синтезирования» остроты приятен, тем самым упрочивая установку. Постоянная нацеленность заставляет человека всё время искать поводов сострить; он делает это порою неосознанно, даже машинально. Р. Роллан вспоминал о своей встрече с Эйнштейном: «Не может удержаться, чтобы не придать остроумную форму самым серьёзным мыслям». (См.: Эйнштейн А. Физика и реальность. - М., 1965, с.343)

Порою случается, что люди в своем неудержимом стремлении непрерывно острить теряют всякую меру. Чаще всего подобного рода остряки создают каламбуры. По свидетельству современников, к этой категории людей относился и П.А.Каратыгин: «Петр Андреевич Каратыгин буквально не мог обойтись без остроты или каламбура. Даже при похоронах своего брата, знаменитого трагика В.А.Каратыгина, несмотря на всю печальную обстановку, он не мог удержаться от каламбура, пробираясь сквозь толпу: «Позвольте, господа, добраться до братца». (Шевляков М.Б. Русские остряки и остроты их. - СПб., 1899, с.74) Если эту остроту нельзя приписать к патологическим, то во всяком случае она была неуместна. А граница здесь не всегда различима.

Приемы остроумия и изучение продуктивного мышления

Остроумие - один из компонентов продуктивного, или творческого мышления. В то же время это сравнительно удобный материал для исследования, потому что такая форма творчества может быть оценена людьми разных специальностей, в отличие от решения, скажем, математической или технической задачи. Изучая процесс синтеза остроты, можно приблизиться к пониманию некоторых закономерностей мышления и творчества.

Перспективы и цель дальнейшего анализа. Иногда острота построена в явном соответствии с приёмом, но бывает, что «белые нитки» техники скрыты, не бросаются в глаза, и нужен тщательный разбор.

Самодовольный господин, из записных книжек Ю.Тувима, «любит себя, пользуется взаимностью, и соперников в этой любви не имеет». (Tuwim J. Dziela. -

«Crytelnik», t.3, Warszawa, 1958, s.46)

Что человек любит себя - это в порядке вещей. Пользуется взаимностью - значит, опять-таки любит себя. По форме здесь намечается противопоставление, а на самом деле усиливается первое высказывание. Не имеет соперников - намёк, что нашего господина больше никто не любит. Если пересказать афоризм Тувима, получится, что человек любит себя, любит только себя, и потому никто его не любит. Справедливо, но не остроумно, потому что исчезла «техника».

Г.Бабат и А.Гарф вложили в уста одряхлевшего учёного мужа полуанекдотический рассказ: «Мне снится, что я на учёном совете в Политехническом институте; просыпаюсь и, оказывается, я действительно на учёном совете». (Бабат Г.И., Гарф А.Л. Магнетрон. - М.,1957, с.336) Если бы профессор признался, что дремлет на заседаниях учёного совета, это был бы достоверный факт, но не более. И здесь техника замаскирована, но может быть обнаружена.

Во французской поговорке «лучшее лекарство от перхоти - гильотина» содержится намёк, что остальные средства недостаточно хороши, и сопоставление двух далёких предметов по неожиданному признаку: если отсечь человеку голову, косметические средства уже не понадобятся. Косметика и гильотина сравниваются потому, что в обоих случаях достигается одинаковый результат, но в первом случае он основной, а во втором, мягко выражаясь, - побочный.

В иных случаях поиски приемов затруднены из-за того, что истолкование остроты может быть неоднозначным. Бывает, что в остроте соединено несколько приёмов: смешение стилей плюс намёк; доведение до абсурда и ложное противопоставление; двойное истолкование в сочетании с иронией и т.д. Но неоднозначное прочтение возможно и в тех случаях, когда в структуре остроты нет соединения разных приёмов. Когда остроту можно истолковать как остроумие нелепости, а можно представить как парадокс либо - это перенос терминологии или двойное истолкование. Такие промежуточные, или «переходные» формы естественны для любой классификации.

Существуют области науки, близкие к информационному насыщению. В них уже не могут быть сделаны революционизирующие открытия, а возможны лишь уточнения частных вопросов и бесчисленные практические приложения. Пример близкой к информационному насыщению науки - ньютоновская механика. Теория относительности ничего не изменила в ней, а лишь ограничила сферу применения. Критерий приближения к информационному насыщению и есть основной признак, который позволяет считать данную область науки **классической** (См.: Арцимович Л.А. Физик нашего времени. Заметки о науке и ее месте в обществе. - «Новый мир», 1967, №1, с.190) В таких областях науки классификации отличаются устойчивостью и полнотой.

Но психология и эстетика далеки от информационного насыщения. Поэтому существующие в ней классификации не могут претендовать на полноту и завершённость. Углубляются и расширяются наши познания - меняются и классификации, поскольку они отражают не только объективную реальность, но и уровень знаний об этой реальности. Вместе с тем, отражая крупницу объективной истины, классификация может быть использована как инструмент исследователя.

В частности, классификация остроумия разрабатывалась для того, чтобы выяснить: какой же общий признак присущ всем приёмам остроумия. Нельзя, конечно, поручиться, что предложенная схема - исчерпывающая.

В дальнейшем она будет дополнена, расширена и детализирована, однако и в нынешнем виде может быть применена для изучения остроумия. Главное не

в том, выделено ли только 12 приёмов, или их может быть больше.

Цель исследования не в количестве приёмов. При описании подчёркиваются и различия - это аналитическая часть работы. Но ведь всем приёмам остроумия должно быть присуще и нечто общее. Анализ нужно продолжать, пока не будет найдено это общее, позволяющее перейти к синтетической части работы, то есть объединить приёмы, доказав их психологическое родство. Когда будут выявлены и описаны другие ускользнувшие от анализа приёмы, пробным камнем жизнеспособности предложенной классификации должна быть проверка - соответствует ли логическая структура нового приёма закономерностям, выведенным из анализа обширного материала и предпринятой на основании этого анализа попытки обобщения.

Всякое высказывание можно анализировать на разных уровнях.

Карнап выделил три таких уровня: синтаксический, семантический и прагматический. Синтаксический анализ определяет правильность или неправильность предложения с точки зрения грамматики, на семантическом уровне определяется разница между осмысленным и бессмысленным, анализ на прагматическом уровне находит различие между приемлемым и неприемлемым.

Для создания и восприятия остроты необходим одновременный анализ на нескольких уровнях. Коллекционер приобрел картину Пикассо и привез её в студию художника, чтобы получить подтверждение подлинности. «Это подделка», - заявил Пикассо. - «Но на ней ведь ваша подпись». - «Моя. Но я сам иногда пишу подделки».

На уровне синтаксиса всё безупречно; на семантическом - бессмыслица: если Пикассо признал, что сам писал картину, то она не может быть подделкой, и в словах «я сам пишу подделки» соединены несовместимые высказывания. Во многих остротах кроме такого соединения больше ничего нет. Но в данном случае разбор на прагматическом уровне позволяет раскрыть в шутке глубокий смысл. У любого художника бывают периоды, когда он работает без вдохновения, пишет «проходные» вещи, перепевая самого себя. По-видимому, именно этот смысл вложил Пикассо в слово «подделка». Поэтому его острота, скорее, парадокс, чем остроумие нелепости.

Выделение синтаксического, семантического и прагматического уровней оказывается все же недостаточным для анализа остроумия. Гораздо плодотворнее представление о смысловых этажах, то есть различных уровнях абстракции.

Как правило, остроумная мысль связана с нарушением логики на одном «этаже» и с установлением логических связей на более высоком уровне абстракции. Быть может, то общее, что есть во всех приемах остроумия, - это выход за пределы формальной логики. В разобранных вариантах остроумия нелепости, ложного противопоставления, двойного истолкования и др. выход за пределы формальной логики выражается в нарушении закона тождества, закона противоречия, закона исключённого третьего и закона достаточного основания. Отыскание и внезапное осознание логической ошибки, особенно чужой, и есть, вероятно, одна из пружин, которая включает положительное чувство и сопутствующий ему смех - при условии, что нет причин, подавляющих положительное чувство.

Но нарушение законов логики не есть еще остроумие. Необходим «скачок», переход мысли на новый смысловой уровень, отражающий более глубокие закономерности и взаимоотношения явлений. Особенно демонстративно это проявляется в таком приёме как парадокс.

Видимо, сходство между некоторыми приёмами остроумия и приёмами научного мышления нечто большее, чем внешнее и случайное совпадение. Подробнее поговорим об этом в следующем разделе, а сейчас отметим еще одну функцию остроты: она служит сжатым и экономным способом перехода от одной мысли к другой, заполняет «логический разрыв».

По свидетельству Ф.Энгельса, эту функцию остроты часто использовал Гегель: «Никоим образом нельзя читать Гегеля так., чтобы открывать в нем паралогизмы и передержки, которые ему служили рычагами для построений. Это работа школьника. Гораздо важнее отыскать под неправильной формой и в искусственной связи верное и гениальное. Так, переходы от одной категории к другой или от одной противоположности к следующей почти всегда произвольны. Часто это происходит при помощи остроты».

Остроумие и интуиция. В большинстве рассмотренных приёмов остроумная мысль возникает как неожиданное сопоставление двух или нескольких далеких явлений, понятий или идей, причем это внезапное сопоставление может и не вызвать смеха. Остроумна не только шутка.

Остроумным может быть решение трудной проблемы, техническая идея, научная гипотеза. Отсюда вытекает необходимость искать те общие признаки, которые есть в комическом и некомическом остроумии, а также определить его роль в научном мышлении, место в системе творческих способностей человека.

Перенесение термина «остроумие» для характеристики технических и научных теорий - не терминологическая вольность. К любой задаче можно подойти с разных сторон. И лишь неожиданное, оригинальное и в то же время лаконичное и простое решение называют остроумным. Остроумие в данном случае не сопровождается смехом, но несомненно вызывает эстетическое наслаждение. Этот критерий и служит подсознательным основанием считать решение остроумным. Термин «остроумный» относится не к оценке истинности научного результата, а к оценке способа, которым он получен. В научном творчестве огромную роль играют подсознательные процессы, или интуиция.

Однако творчество нельзя считать полностью подсознательным процессом. Предварительное накопление материала и критическая оценка результата осуществляется под контролем сознания. Это те «99% потения», о которых писал Эдисон. Но между этими стадиями лежат подсознательные этапы «созревания идей» и озарения - как раз тот единственный процент вдохновения, который представляет собою главный секрет творчества.

Мысль исследователя должна двигаться в круге понятий и идей, имеющих отношение к стоящей перед ним проблеме. Но иногда нужная аналогия приходит из далекой области, казалось бы, не имеющей точек соприкосновения с данной проблемой. Поэтому для творческой деятельности обязателен широкий кругозор, знакомство с многими областями знания и культуры. **Полностью погрузиться в одну узкую научную область - значит, лишить себя источника аналогий.** Некоторое время можно продержаться на старом запасе, но когда запас иссякает, наступает творческое бесплодие. Статистика показала, что творческое долголетие сохраняют учёные, которые избежали слишком ранней специализации, и в молодости занимались разнообразной тематикой.

Перенос идей из отдалённых областей знаний осуществляется интуитивно. По-видимому, интуитивное решение основано на статистическом анализе ранее воспринятой информации, хранящейся в долговременной памяти, и сопоставлении

ее с текущей ситуацией. Поэтому интуиция подводит чаще, чем об этом принято рассказывать. Сознательный критический разбор и оценка результата - важнейший компонент творческого процесса.

Интуиция не только «поставляет» готовое решение в сознание и включает в себя, казалось бы, сверхъестественную способность предвидеть, что данный ряд явлений и идей имеет огромное значение. Уверенность появляется задолго до того, как удаётся выяснить, в чем именно оно состоит.

Но если интуиция, или подсознательная обработка информации, столь существенное слагаемое творческого процесса, то почему психология недостаточно слагательно изучает её? Причина прежде всего в том, что нет хороших методик. Нужны новые подходы, в частности, поиски моделей творческого мышления, которые были бы сравнительно простыми, но сохраняли существенные черты исследуемого явления. Для естественных наук это вполне обычный путь - стремление найти или построить упрощённую модель сложного явления, изучать её свойства, а затем в процессе верификации модели переносить добытые знания на само явление. Где же искать модель творческого акта? Мы остановили выбор на создании словесной остроты, в которой можно выделить три признака творческого акта: а - необходимость предварительных знаний; б - подсознательное ассоциирование далеких понятий; в - критическая оценка результата.

Создание остроты, как и любой творческий процесс, связано с выходом за пределы формальной логики, с освобождением мысли от тесных рамок строгих и последовательных рассуждений. Еще в XIX в. один математик рассказал о процессе решения трудной задачи: «Я читаю условие задачи, смотрю на него, еще раз читаю - до тех пор, пока не приходит в голову решение».

Размышления над задачей, поиски путей решения происходят по некоторым законам, правилам, алгоритмам, и нужно разработать методы, позволяющие проникнуть «внутрь» творческого мышления. Математик Дьердь Пойя посвятил этой теме ряд серьёзных исследований. Он показал, что если пассивно ждать, решение может вовсе никогда не «прийти в голову». Человек активно ищет его, но не осознаёт программу поиска. Здесь можно усмотреть аналогию с остротой. Она как будто сама рождается в голове.

Однако существует нацеленность, желание сострить, а также наборы правил, по которым происходит синтез остроты и которые определяют её архитектуру, или, точнее, «антилогическую» структуру. Вполне правдоподобно предположение, что приёмы остроумия частично совпадают с теми приёмами поисков решения научных, технических и даже житейских задач, которые называют эвристическими приёмами.

Не будем подробно обсуждать сущность и характер эвристических методов. Отметим лишь, что в решении различных проблем простейший способ - перебор всех возможных вариантов. Однако путь это неэкономный. Существуют специальные приёмы («эвристики»), которые позволяют «сужать пространство поиска», обнаруживать области, где вероятность натолкнуться на правильное решение более высока, чем при сплошном переборе вариантов. Изучение этих приёмов мышления, которые не гарантируют решения, но повышают вероятность найти его, - одна из задач психологии творчества. Эти приёмы отнюдь не сводятся к логике, так же, как и вся психология мышления. Поиски решения происходят не всегда по логическим правилам и законам - с помощью логики лишь проверяют выдвинутые догадки. Сами же догадки выдвигаются с помощью других мыслительных операций. Задача психолога - выявить эти операции.

Одна из главных трудностей заключается в том, что весь ход мышления, как правило, не осознается. В сознание всплывают лишь отдельные вехи мыслительного процесса и конечный результат. Поэтому самонаблюдения и самоотчеты могут привести к ложным выводам. В самом деле, **как** рассказывает человек о том пути, который привел его к решению задачи? Он старается изложить последовательный логический путь, ведущий к получению результата, ошибочно принимая его за истинный ход мышления. Таким образом психологию мышления сводят к логике. Между тем, задача психолога состоит в другом: он должен с помощью искусно поставленных экспериментов выявить элементарные мыслительные операции, а потом уже показать, как их сочетания проявляют себя в качестве логических преобразований.

Необходимо искать (или создавать) условия, когда операции мышления «прорываются на поверхность» и могут быть наблюдаемы. По крайней мере, некоторые из описанных выше приёмов остроумия представляют собой «обнажённые» приемы мышления. Постараемся проиллюстрировать это рядом примеров и сопоставлений.

При так называемом синектическом методе решения проблем требуется освободить задачу от её естественного контекста, от привычных ассоциаций, которые зачастую служат помехой, сковывающей мысль. Необходимость «разрыва» привычных ассоциаций наглядно проявляется при решении следующей задачи. Отец и сын попали в автомобильную катастрофу. Отец погиб, сын с тяжелыми ранениями доставлен в больницу. Хирург осматривает его и говорит:

«Оперировать не могу, ибо это мой сын». Возможно ли такое? Ситуация представляет трудность для тех, чья мысль идет по привычному шаблону: хирург-отчим - неопознанное дитя - найдёныш - родимое пятно, по которому отец опознает сына и т.д. И только сойдя с проторённой тропы и разорвав привычную ассоциацию «хирург - мужчина», можно правильно понять ситуацию: хирург - мать пострадавшего.

«Освобождение от контекста», то есть разрыв привычных ассоциаций нужен и для восприятия многих острот и шуток. «Почему нельзя похоронить в Одессе человека, который живёт в Ростове?». Если отбросить названия городов, то вопрос будет звучать так: «Почему нельзя похоронить человека, который живет?». Названия городов затрудняли ответ, уводя мысль по ложному пути.

Причем здесь отвлекающие, лишние сведения преднамеренны. А при решении научных и технических задач нередко нужно освободиться от естественного контекста, маскирующего решение, вычленив сущность проблемы и адекватно выразить её. Правильная постановка и формулировка проблемы - половина решения, иногда самая трудная.

Влияние «лишней» информации проявляется и в задаче Майера: торговец купил лошадь за 60 долларов, а продал её за 70. Через два часа он купил ту же самую лошадь за 80 долларов, но вскоре продал её за 90. Каков итог его коммерческих операций?

Если предложить эту задачу в другой форме: торговец купил лошадь за 60 долларов, продал за 70; он же купил лошадь за 80 долларов, а продал за 90, - никаких трудностей не возникает; испытываемые тут же складывают барыш от двух сделок: $10 + 10 = 20$ долларов. Слова «ту же самую лошадь» многих сбивают с толку, заставляют делать ненужные вычитания и приводят к ошибке.

(По данным Майера, ошибаются чаще женщины; автор этих строк повторил опыты, и существенных различий между частотой ошибок у мужчин и женщин не

обнаружил). Как видим, способ формулирования здесь далеко не безразличен, ибо он налагает на мысль неявные ограничения. Поэтому полезно изложить проблему в нескольких логически равноценных формулировках. Представьте, что у вас в кармане коробка с единственной спичкой. Вы вошли ночью в комнату, где есть свеча, керосиновая лампа и газовая плита. Что вы зажжёте в первую очередь?

Обычный ответ - свечу; реже - газовую плиту. Формулировка задачи подсказывает выбор из трех возможностей, тогда как на самом деле выбора нет: из четырех предметов лишь один - спичка - может быть зажжён раньше всех.

Частый приём при решении проблем - перенос. Решение одной задачи служит подсказкой для решения другой; здесь напрашивается аналогия с приёмом сравнения по неявному признаку (чем менее бросается в глаза этот признак, тем труднее задача переноса).

Приём остроумия, именуемый обратным сравнением, является частным случаем ситуаций с переменной мест, или «перевернутых ситуаций». Конструкторы и инженеры прибегают точно к такой же умственной операции: если проблема никак не поддается решению, её ставят с ног на голову, или реверсируют. Парадокс и приём остроумия, и, пожалуй, самый признанный приём научного мышления. «Если ни одно из возможных решений не подходит, - говорил один архитектор, значит, подойдет невозможное».

Изучая в эксперименте, как группы из шести человек решают задачу о лошадином барышнике, психологи пришли к выводу, что имеется значимая корреляция между продуктивностью групповой работы и остроумием, но не всяким, а лишь саркастическим. Присутствие в группе хотя бы одного остряка повышает вероятность правильного и быстрого решения.

Видимо, не для всех приёмов остроумия отыщутся «двойники» в приёмах научного мышления. Хотя с первого взгляда может показаться, что уж «остроумие нелепости» не имеет решительно никакого отношения к продуктивному мышлению. Однако когда рабочим в шумных цехах (в котельном производстве) было предложено затыкать уши специальным тампоном, чтобы лучше слышать друг друга, здравый смысл смеялся над такой явной нелепостью. Обнаружилось, что при этом люди действительно лучше слышат друг друга. Метод стал привычным, и теперь считается вполне соответствующим здравому смыслу.

По-видимому, внезапно вспыхивающая острота представляет собою тот «глазок», через который можно подсмотреть скрытые мыслительные операции.

Разумеется, это не единственный способ заглянуть внутрь мыслительного процесса. Изобретательность психолога-экспериментатора неиссякаема. И особенно интересно сравнить мыслительные операции, обнаруженные с помощью различных методик. Это будет важный шаг в изучении продуктивного мышления. История науки показывает, что установление «изоморфизма» научных теорий, отображение одной теории в терминах другой, - не просто умственная гимнастика, а творческий процесс, который может привести к обогащению обеих теорий и к «высшему синтезу», то есть построению более общей теории.

Кроме объективных трудностей, этот процесс сталкивается с субъективными препятствиями. Авторы теорий не хотят расставаться со своей специфической терминологией, привычными «измами», и не испытывают восторга, когда полученные и истолкованные ими данные лучше укладываются в координатную сетку других теоретических построений и точнее описываются в других терминах.

Однако субъективное неприятие и даже противодействие того или иного

исследователя не могут быть непреодолимой преградой на пути научного прогресса. Взаимопроникновение и взаимное обогащение различных направлений научной мысли будет продолжаться, позволяя получать новые знания, устанавливать нетривиальные закономерности, которые не могли бы быть получены и установлены без объяснения и истолкования «чужих» данных с помощью «своего» понятийного аппарата.

Книга минского психолога И.М.Розета «Психология фантазии» (Минск, 1977) может служить примером плодотворного отображения и переосмысления «классических» экспериментальных результатов и теорий в терминах новой теории, использующей понятия «анаксиоматизация» и «гипераксиоматизация». Весьма полезным для психологии может оказаться освоение методов и результатов кибернетического моделирования различных проявлений психики.

Остроумие и ЭВМ. Большие возможности заложены в использовании электронно-вычислительных машин для изучения мыслительных процессов. Получил признание метод эвристического программирования, цель которого - создание действующих моделей психики. Существует критерий Тьюринга для ответа на вопрос, мыслит ли машина. А.Тьюринг считал, что если можно в течение длительного времени «беседовать» с машиной, предлагать ей вопросы и получать ответы, неотличимые от тех, которые дал бы человек, то, следовательно, машина мыслит. (Тьюринг А. Может ли машина мыслить? - М., 1960)

Но человек может отвечать на вопросы по-разному, в том числе и шуткой. Сможет ли машина сделать то же самое? Пожалуй, если бы из тысячи машинных остроумий одна оказалась удачной, можно было бы считать, что машина превзошла своего творца. Уже существуют программы, которые позволяют машине, пользуясь пока ограниченным словарём, давать разумные (с точки зрения человека) ответы на предлагаемые вопросы.

Со временем словарь машины расширится, и круг вопросов, в рамках которого с ней можно будет беседовать, возрастет. И на часть вопросов машина сможет ответить остроумно - при условии, если будет построена соответствующая программа, алгоритмы остроумия, которые нужно ввести в её память. Но какой в этом прок? На свете и так немало сомнительных остроумий, зачем же множить их ряды? Ведь машинное остроумие - по крайней мере на первых порах - в лучшем случае будет терпимым, но едва ли приятным.

Этот вопрос - часть более общего вопроса: зачем моделировать человеческую психику? Когда ребёнку впервые дают в руки молоток, он сразу же обнаруживает, что большинство вещей в доме нуждается в приколачивании. Не уподобляются ли такому ребёнку те, кто пытается моделировать на вычислительных машинах (компьютерах) любые феномены психики? Моделирование позволит расширить знание о нервной системе, о работе мозга, ибо даёт возможность проверять выдвигаемые гипотезы, сопоставляя их с фактами. Многие гипотезы и теории слишком сложны для разработки их обычными методами математики. Но если теория логически удовлетворительна, она может быть подтверждена количественно, путем вычислений.

Это естественный путь проверки теорий. Однако объём вычислительной работы нередко превышает человеческие возможности. Тут-то вычислительные машины окажутся незаменимы. Но чтобы использовать компьютеры, теорию нужно выразить на языке, доступном машине, то есть на строгом языке программ.

Действующая программа, по сути, и является моделью психической

функции. При этом нужно остерегаться чересчур поспешных псевдокибернетических попыток. Они приводят нередко к курьезам, когда, например, эмоции обозначают буквой «Э», потребности буквой «П», информацию буквой «И», дефицит информации буквой «Д» и с помощью математических операторов соединяют эти буквы в бесполезные формулы: за ними не стоят измеряемые величины; математические же символы создают иллюзию мнимой точности, обманчивую видимость научной строгости.

Кажущаяся «математичность» создаёт ложное впечатление прогресса знаний. Подобные формулы напоминают эпизод из повести Ю.Тынянова «Малолетний Витушильников». Проезжая по петербургской окраине, царь Николай I заметил двух солдат у входа в питейное заведение, и мозг его мгновенно «схематизировал» ситуацию, выразив её символами П, Б, К, С: «П - пустырь, Б - будка градского стража, К - кабак, С - сани государя императора с кучером и с самим императором». (Тынянов Ю. Собр.соч., т.1, с.482)

У писателя эта «схематизация» - средство сатирического осмеяния, чего нельзя сказать об информационной формуле эмоций.

Чрезмерное пристрастие к наукообразным формулам, призванным замаскировать недостаток знаний, спародировал еще в XVIII в. Вольтер. Когда Кандид передал в Академию наук вывезенного из Эльдorado барана, Академия предложила на соискание премии тему - почему шерсть его красного цвета. «Премия была присуждена учёному, который доказал посредством формулы $A \text{ плюс } B \text{ минус } C, \text{ деленное на } X$, что баран должен быть красным и умереть от овечьей оспы». (Вольтер. Философские повести. - М., 1954, с.154)

Могут возразить, что Вольтер и Тынянов - «гуманитарии» и потому не понимали значения математизации знания и пользы формул. Но Л.Кэролла в этом не заподозришь: он не только сочинил «Алису в стране чудес», но был еще профессором математики в Оксфорде, одним из первых специалистов по математической логике. Но и он высмеял бессмысленную формализацию: «Если П - профессор, а Г - греческий, то ПГ - профессор греческого».

Изучение остроумия тоже входит в изучение мозга и психики.

Уже упоминалось, что острота как модель творческого акта содержит основные черты, присущие любому творческому акту, каковы бы ни были его масштабы. Очевидно, путь исследования должен идти от сравнительно более простого к более сложному, и уяснение механизмов остроумия помогло бы понять некоторые закономерности творческого процесса.

Отсюда не следует, что должно появиться устройство для продуцирования острот; цель другая - моделирование психических процессов как один из методов их изучения. Модель в данном случае - форма изложения научной гипотезы, а не техническое задание на конструирование машины.

Существуют разные методы верификации научной теории.

Один из критериев истинности теории - воссоздание изучаемых явлений в искусственных условиях. Этот способ проверки должен быть применён раньше или позже и для проверки теорий, объясняющих продуктивное мышление. Кибернетический подход к психике расшатывает укоренившийся взгляд на творческий процесс как на нечто непостижимое.

На словах сейчас все признают познаваемость мира, но когда речь заходит о сокровенных тайнах творчества, многие склоняются к позиции Дюбуа-Реймона: «Ignorabimus» (лат. - никогда не познаем). Быть может, иным профессиональным остроумцам покажется обидным, что их священный дар пытаются разложить на

элементарные операции и воспроизвести на машине.

Однако что же можно возразить против права человеческой мысли вторгаться даже в такие заповедные в прошлом области как остроумие, чувство юмора и творчество? «Было бы стыдом для человека, если бы области материального мира, как моря и звёзды, были бы неизмеримо расширены, изучены и истолкованы, в то время как области умственного мира, напротив, были ограничены тем, что было открыто древними». (Бэкон Ф. Новый органон. - М., 1935, с.151) Добавим еще, что недостаточное знание собственной психологии может превратиться в серьезное препятствие на пути понимания человеком окружающего мира.

Остроумие и структура мыслительных способностей

Утверждать, что творчески одарённые люди непременно обладают даром находчивого и острого слова, было бы неверно. Существующую здесь зависимость следует выразить более осторожно. Если выбрать тысячу ярко остроумных людей, то среди них процент творчески одарённых в той или иной области окажется значительно более высоким, чем в «общей массе населения».

В свою очередь, среди творчески одарённых процент остроумных также окажется выше, чем в общей массе населения. В чем причина, почему приходится ограничиваться такими осторожными формулировками? Чтобы понять, какое место занимает остроумие в структуре мыслительных способностей, нужно рассмотреть саму эту структуру, то есть основные мыслительные способности, присущие человеку.

Зоркость в поисках проблем. В неудержимом потоке внешних раздражителей обычно воспринимают лишь то, что укладывается в «координатную сетку» уже имеющихся знаний и представлений; остальную информацию бессознательно отбрасывают. «Каждый слышит только то, что понимает», - так выразил эту особенность восприятия И.-В. Гёте. (Гёте И. Избр.соч. по естествознанию. - М., 1957, с.397) На восприятие влияют привычные структурные «клише» (они выявляются тестами Роршаха на истолкование чернильных пятен), установки, оценки, чувства, а также приверженность к общепринятым взглядам и мнениям. Способность увидеть то, что не укладывается в рамки ранее усвоенного, - это нечто большее, чем просто наблюдательность.

Эту свежесть взгляда обозначают словом *serendipity*, которое придумал писатель XVIII в. Хорас Уолпол. В его рассказе «Три принца из Серендипа (старое название Цейлона) принцы обладали способностью делать неожиданные открытия, вовсе не стремясь к этому, и обнаруживать явления, которые специально не собирались искать. Физиолог У.Кеннон применил термин *serendipity*, обозначив им способность не проходить мимо случайных находок; не считать их досадной помехой, а видеть в них ключ к разгадке тайн природы. Это свойство не связано с остротой зрения или особенностями сетчатки глаз, а является качеством мышления: видят не только с помощью глаза, но главным образом с помощью мозга: «Посредством глаза, а не глазом смотреть на мир умеет разум» (У. Блейк)

Более трехсот лет тому назад Р.Декарт говорил о необходимости ввести абсолютно нейтральный язык для описания объективных наблюдений, надеясь, что это уберёжёт восприятие от «перекосов», предотвратит искажения, идущие от предвзятых мнений и установок. За три столетия такой язык не был разработан,

и позволительно спросить - а возможен ли он в принципе?

Биографы Эйнштейна повествуют об одном поучительном разговоре. Когда молодой Вернер фон Гейзенберг поделился с Эйнштейном планами создания физической теории, которая целиком опиралась бы на наблюдаемые факты и не содержала никаких домыслов, тот с сомнением покачал головой: «Сможете ли вы наблюдать данное явление, зависит от того, какой теорией вы пользуетесь. Теория определяет, что именно можно наблюдать». Проще всего объявить высказывание Эйнштейна идеалистической ошибкой. Плодотворнее подойти к его реплике без высокомерной убежденности в своем мировоззренческом превосходстве, и под парадоксальной формой отыскать зерно истины.

Бытует представление, что весенним утром 1590г. на знаменитую Пизанскую башню поднялся человек с чугунным ядром и свинцовой мушкетной пулей в руках. Оба предмета он сбросил с башни; ученики его, стоявшие внизу, и сам он, глядя сверху, удостоверились: ядро и пуля коснулись земли одновременно. Звали 26-летнего профессора Галилео Галилей.

Около двух тысяч лет, со времен Аристотеля, считалось, что скорость падения пропорциональна весу. Оторвавшийся от ветки сухой листок опускается медленно, а налитой плод камнем падает на землю, - это видели все. Но ведь не раз приходилось наблюдать, как сорвавшиеся со скалы глыбы достигают дна ущелья одновременно, несмотря на разницу в размерах. Однако этого никто не замечал, потому что **смотреть** и **видеть** - совсем не одно и то же.

Выходит, прав был Эйнштейн: то, что люди наблюдали, определялось теорией, которой они пользовались. И если Галилей все-таки обнаружил, что скорость падения пули и ядра не зависела от их веса, то потому, что прежде других усомнился в аристотелевой механике. Результаты эксперимента не были для него неожиданными, а лишь подтвердили уже складывающуюся гипотезу о независимости ускорения свободного падения от массы падающего тела. Опыт ошеломляюще прост: ни хитроумных приспособлений, ни специальных устройств. Забраться на крышу и сбросить грузы разного веса мог всякий, но никому не приходило это в голову на протяжении девятнадцати веков! Галилей увидел проблему там, где для других всё было ясно, освящено авторитетом Аристотеля и двухтысячелетней традицией.

Пример, в некоторых отношениях еще более демонстративный, - открытие слепого пятна в сетчатке глаза. Сначала французский физик Мариотт путём размышлений над строением соска зрительного нерва пришел к выводу, что слепое пятно должно существовать, и лишь после этого обнаружил его с помощью листа белой бумаги, на котором были нарисованы кружок и квадрат. Ни до него, ни после никто не замечал и не замечает слепого пятна, хотя, казалось бы, чего проще - осознать собственное ощущение. И только познакомившись с анатомией глаза и методикой опыта Мариотта, можно сознательно обнаружить слепое пятно в своем поле зрения. Примеры того, как теория влияет на результаты наблюдений, приводит Т. Кун в книге «Структура научных революций». В течение первых пятидесяти лет после принятия системы Коперника астрономы открыли много небесных тел, хотя методы наблюдений остались прежними. Новая теория позволила заметить то, к чему раньше наблюдатели были слепы.

Суждение Эйнштейна, однако, не следует абсолютизировать. Он подметил лишь одну особенность познания, которая не исчерпывает собою все закономерности этого процесса. Кстати сказать, на ту же особенность задолго до Эйнштейна указал Генрих Гейне: «Каждый век, приобретая новые идеи,

приобретает и новые глаза». (Гейне Г. Полн.собр.соч в 6-и тт., т.1. - Спб, 1904, с.181)

Это относится не только к ученым. А.Фет считал «зоркость» основным качеством поэта: «Дайте нам прежде всего в поэте его зоркость». (Фет А.А.

О стихотворениях Тютчева. - «Русское слово, 1859, №2, отд.2, с.66) «Поэт - тот, кто в предмете видит то, чего без его помощи никто другой не заметит». (Фет А.А. Предисловие к книге «ХУ книг Превращений Овидия». - М., 1887, с.5)

Чтобы понять, почему одни люди замечают то, что ускользает от других, надо глубже изучить процесс наблюдения. По мнению Н.Тинбергена, этот процесс обладает избирательностью и свойством произвольного переключения. Важнейший его элемент - выяснение не только того, что есть, что происходит, но и того, чего в данной ситуации нет:

«Учёный систематически заставляет себя повторно наблюдать уже знакомые явления, вновь и вновь переключая свое внимание на те аспекты действительности, которые кажутся банальными. Это позволяет ему обнаруживать новые детали и закономерности, отличать случайное от неслучайного. Таким образом, длительное, внимательное и повторное наблюдение того, что многие люди уже наблюдали раньше, и анализ своих наблюдений остаются по-прежнему плодотворными и приводят к обнаружению нового там, где, казалось бы, всё уже известно и описано другими». (Tinbergen. N. Patterns of creativity in animal and human behavior. In: "The creative process in science and medicine", N.Y., 1975, p.35)

При восприятии зрительных образов устанавливаются связи между воспринятыми признаками и словами - происходит вербализация зрительного опыта. Эта вербализация определяет минимальную «порцию», воспринимаемую как информационная зрительная единица, или «квант зрительной информации». Наблюдения антропологов подтверждают такой взгляд. Они обнаружили, что североамериканские индейцы из племени хопи, в языке которых есть слово «зелёный», но нет слова «голубой», не в состоянии отличить зелёный от голубого. Но те из них, кто владеет английским, прекрасно различают эти цвета.

Вероятно, прежде чем обнаружить что-либо принципиально новое, не замеченное ранее другими наблюдателями, нужно сформировать некоторый понятийный аппарат. Чаще всего он формируется с помощью словесно-речевой символизации; но не обязательно - могут быть использованы и другие информационные коды.

Способность к свёртыванию цепи рассуждений. В процессе мышления нужен постепенный переход от одного звена в цепи рассуждений - к другому, из-за чего зачастую не удаётся мысленно охватить всю картину целиком, рассуждения от первого до последнего шага. Однако благодаря способности к свёртыванию длинную цепь рассуждений можно заменить обобщающей операцией. Это лишь частный случай проявления способности к замене нескольких понятий одним, относящимся к более высокому уровню абстрагирования, использования все более ёмких в информационном отношении символов. Когда-то высказали опасение, что лавинообразный рост научной информации приведёт к замедлению темпа развития науки. Прежде чем начать творить, придется очень долго овладевать необходимым минимумом знаний.

При этом пользовались такой аналогией: рост организмов и популяций не может быть безграничным. Он рано или поздно приостанавливается; причина остановки порождается самим процессом роста. Но к росту знаний эта формула неприменима. Движение мысли к абсолютной истине - процесс бесконечный

и безостановочный. Накопление научных знаний не приводит ни к замедлению, ни тем более к прекращению научного прогресса, «угнаться» за которым удаётся отчасти благодаря способности человеческого ума к свёртыванию; использование всё более абстрактных понятия способствует непрерывному расширению интеллектуального диапазона.

Понятие об окислении появилось в химии еще в XVIII в. и означало соединение вещества с кислородом. Столетие спустя понятие было расширено, в него стали включать не только присоединение кислорода, но и потерю веществом водорода. Теперь окисление определяют в общем виде как потерю элементом электрона. Ёмкость понятие за полтора века значительно увеличилась. Возросла ёмкость и других научных понятий.

Современный взгляд на эксперимент в корне отличается от представлений Ф.Бэкона и Дж.Локка. Основоположники эмпирического метода выступали против слепой веры в авторитет и догму, призывая доверять лишь «чувственному опыту», полагая, что органы чувств - единственный источник достоверных знаний. Даже великие естествоиспытатели XIX в. понимали эксперимент не так, как его понимают ныне: видели в нем лишь способ расширить возможности органов чувств. Наблюдение довольствуется тем, что природа сама показывает ему, а эксперимент задаёт вопросы и заставляет природу отвечать на них. Наконец, утвердился взгляд на эксперимент как на критическую операцию, которая позволяет осуществить выбор между гипотезами - и тем самым определяет дальнейшее направление нашей мысли. (Любопытно, что нередко терминам прошлых веков приписывают то значение, которое они приобрели лишь в недавнее время).

Можно привести много примеров современных научных понятий, в которых синтезировано огромное число других понятий, фактов и наблюдений.

Чрезвычайно ёмко понятие условного рефлекса. В четырех символах формулы $Y = IR$ «сжата» колоссальная информация. Экономное символическое обозначение понятий и отношений между ними - важнейшее условие продуктивного мышления.

Чтобы научиться арифметическому делению, в средние века требовалось закончить университет в Италии, где математики добились большого искусства в делении: в те времена пользовались римскими цифрами, поэтому деление миллионных чисел было доступно лишь посвятившим этому занятию всю жизнь. С введением арабских цифр всё переменялось; точнее, дело не в самих цифрах, а в позиционной, в данном случае - десятичной - системе исчисления.

Теперь школьники начальных классов с помощью простого набора правил (алгоритма) делят и миллионные, и миллиардные числа. Объем смысловой информации остался тем же, но более совершенное символическое обозначение позволяет провести обработку быстро и экономно. Вполне возможно, что самые сложные разделы современной математики, доступные лишь немногочисленному отряду специалистов в не столь отдалённом будущем войдут в программу средней школы - если будет придумана адекватная форма организации и символизации материала. Тогда сложные понятия и соотношения будут записаны в виде доступных формул, подобно тому, как уравнения Максвелла умещаются в две короткие строчки, если их записать в векторной форме.

Чёткое и сжатое символическое обозначение не только облегчает усвоение материала. Экономная запись уже известных фактов, лаконичная форма изложения разработанной теории - необходимая предпосылка дальнейшего продвижения вперед, один из существенных этапов прогресса науки. Ввести новый

элегантный способ символизации, изящно изложить известный метод - такая работа тоже носит творческий характер и требует нестандартности мышления.

Способность к переносу и боковое мышление. Способность применить навык, приобретенный при решении одной задачи, к решению другой, то есть умение отделить специфическое зерно проблемы от того неспецифического, что может быть перенесено в другие области, весьма существенна и - по сути - это способность к выработке обобщающих стратегий.

По словам польского математика Стефана Банаха, «математик - это тот, кто умеет находить аналогии между утверждениями; лучший математик тот, кто устанавливает аналогии доказательств; более сильный математик тот, кто замечает аналогии теорий; но можно представить себе и такого, кто между аналогиями видит аналогии». (Эмпахер А. Сила аналогий. - М., 1965, с.15)

Поиски аналогий и есть выработка обобщающей стратегии, необходимое условие переноса навыка или идеи. Сестра Дедала, подарившего человечеству величайшие открытия (топор, бурав и крылья), прислала к нему на выучку своего двенадцатилетнего сына Тала, которому приписывают изобретение компаса, гончарного круга и пилы. Пилу он придумал, взяв за образец спинной хребет костистой рыбы (по другим источникам - челюсть змеи), то есть перенёс в техническую конструкцию то, что удалось подсмотреть в строении живого организма. Это направление технического творчества называли «бионикой». - термин новый, но сам приём использовался давно.

Идея «кессона Брюнеля» пришла в голову его создателю, когда он наблюдал за движениями прокладывающего себе путь в древесине корабельного червя (запатентованный им в 1818г. щит представлял собой цилиндр, продвигающийся вперед подобно червю).

Братьям Райт, построившим в 1903г. аэроплан, никак не удавалось решить проблему его стабилизации после поворота в воздухе. Наблюдая за полетом птицы сарыча, они сделали крылья летательного аппарата, задний край которых можно было загибать - прообраз современного закрылка.

Американец А. Белл, изобретатель телефона, увидел аналогию в работе барабанной перепонки, приводящей в движение слуховые косточки (молоточек, наковальню, стремечко) и двигающей стальную деталь мембраны. (Такого рода перенос, естественно, не обязательно осуществляется с биологического объекта; аналогии могут быть обнаружены в самых неожиданных областях.)

Штампованные из болванок ложки вплоть до 1830г. приходилось доделывать вручную. Заменяя выщербленный ролик, оставляющий вмятины на прокатываемой полосе металла, Герман Крупп уловил аналогии между повторяющимися вмятинами с ложками (которые, собственно, и представляют собой металлические полосы с вмятинами); начав производить не требующие ручной доделки ложки, он спас мастерскую от банкротства, а впоследствии основал известную фирму.

Воду на поля в древнем Египте поднимали с помощью непрерывно вращающейся цепи с ведрами. Идея была использована англичанином О.Эвансом в 1783г. на мельницах для транспортировки зерна. Таким образом, был совершен «перенос по аналогии» от жидкости (вода) к сыпучему телу (зерно). Эту простую аналогию не замечали в течение тысячелетий.

Наблюдая за безуспешной попыткой кошки схватить находившегося за металлической сеткой цыплёнка - в её лапах осталось лишь несколько пёрышек -

Эли Уитней пришёл к идее создания хлопкоочистительной машины, отделяющей созревший хлопок от остальной части растения. По другой версии, эту сценку подсмотрела Кэтрин Грин; но из-за того, что женщины не имели права получать патенты на изобретения, она отдала свои чертежи Уитнею.

Вестингауз долго бился над созданием тормоза, который одновременно действовал бы по всей длине поезда. Прочитав в техническом журнале, что на строительстве тоннеля буровая установка приводится в действие сжатым воздухом от компрессора с расстояния 900м (воздух передается по шлангу), изобретатель увидел в этом ключ к решению проблемы.

Перенос опыта - один из самых универсальных приёмов мышления и способность к такому переносу - важное условие продуктивности мысли. Широко распределённое внимание повышает шансы на решение проблемы: «Чтобы творить, надо думать около». По аналогии с боковым зрением английский врач Э. де Боно назвал боковым мышлением способность увидеть путь к решению, используя «постороннюю информацию». В «Анне Карениной» (Л.Н.Толстой) живописцу Михайлову не удавалась композиция картины. Случайно брошенный взгляд на стеариновое пятно причудливой формы от опрокинутой свечи помог найти правильное решение. Это как раз то «боковое мышление», или подсказка из далёкой области, которая характерна и для научного мышления.

По свидетельству римского инженера Марка Витрувия Поллиона, «... когда Гиерон, облекшись царской властью, в благодарность за свои успехи решил, по обету, в одном храме посвятить бессмертным богам золотую корону, он заказал её за плату и отвесил поставщику нужное количество золота. Тот к назначенному сроку подготовил вещь к удовольствию царя, и, казалось, вес короны он сделал точно соответствующим весу золота... После этого был сделан донос, что из короны была взята часть золота и вместо него примешано такое же количество серебра;

Гиерон разгневался, что его провели, и, не находя способа уличить воровство, попросил Архимеда хорошенько обдумать это. Тот, погружённый в думы по этому поводу, как-то в бане, опустившись в ванну, заметил, что из неё вытекает столько же воды, каков объём его тела, погружённого в ванну. Выяснив себе сущность этого факта, он, недолго думая, выскочил с радостью из ванны, пошел домой голый и всем громким голосом сообщал, что нашел то, что искал». (Витрувий Марк Поллион. Об архитектуре. - Л., 1936, с.259)

Демонстративный пример бокового мышления; надо только заметить, что Архимед, лежа в ванне, нашёл не основной закон гидростатики, как порою ошибочно пишут, а способ сравнения объёмов различных тел: он погружал их в наполненный сосуд, затем извлекал оттуда и измерял объем излившейся воды, вновь доливая его до краев. Задача с золотой короной побудила Архимеда заняться кропотливым и многотрудным изучением условий плавания тел, результатом чего и явился впоследствии его знаменитый закон. Боковое мышление оказывается действенным и помогает найти решение проблемы; при условии, что становится устойчивой целью деятельности (доминантой).

Возникшая из эксперимента идея доминантного очага, или доминанты, принадлежит академику Ухтомскому (Ухтомский А.А. Парабиоз и доминанта. - В кн.: Учение о доминанте. - М., 1927) У собаки вырабатывали условный рефлекс на отдергивание задней лапы; для этого несколько раз сочетали удар по этой лапе со звуком метронома. Затем кусочек фильтрованной бумаги, смоченной раствором стрихнина, помещали на ту часть коры мозга, которая служила «корковым представительством» левой передней лапы в передней центральной извилине.

И когда вновь звучал метроном, левая передняя лапа сгибалась сильнее, чем задняя. Очаг, возбуждённый химическим агентом (стрихнин), стал доминантным. Все раздражители «притягиваются» к нему. Они вызывают уже не ту реакцию, которую вызывали раньше, а ту, которая связана с доминантным очагом.

Ухтомский выделил два основных свойства доминанты: относительно повышенную возбудимость группы нервных клеток, благодаря которой суммируются раздражители, приходящие из разных источников; стойкую задержку возбуждения после исчезновения раздражителей. Доминантой, притягивающей все внешние раздражители, может стать понятие, представление, мысль, проблема. Любопытно самонаблюдение Ч.Дарвина: «... музыка обычно заставляла меня напряженно думать о том, над чем я в настоящий момент работаю». (Дарвин Ч. Автобиография. - М., 1957, с.147)

Математику Л.Лагранжу идея вариационного исчисления пришла в голову, когда он слушал орган в церкви Сан Франческо ди Паоло в Турине. (Лаури-Вольпи Дж. Вокальные параллели. - Л., 1972, с.27)

И.Мечников был поглощён проблемой - как организм борется с инфекцией. Наблюдая за прозрачными личинками морской звезды, он бросил несколько шипов розы в их скопление. Личинки окружили шипы и «переварили» их. Учёный тут же связал это наблюдение с тем, что происходит с занозой, попавшей в палец: её окружают белые кровяные тельца (гной), растворяя и «переваривая» инородное тело. Так родилась теория фагоцитоза.

Изобретатель карбюратора американский инженер Ч.Дюрейя понимал, что для успешной работы двигателя внутреннего сгорания нужна смесь бензина с воздухом. Эта задача навязчиво преследовала его. И в 1891г., увидев у жены пульверизатор для духов, он совершил «мысленный скачок» по аналогии и создал распыляющий инжектор.

При изобретении электрического телеграфа С.Морзе столкнулся с проблемой затухания сигнала при передаче на большие расстояния. Увеличение энергии первоначального сигнала не приводило к успеху. Наблюдение во время путешествия, как на почтовой станции меняют лошадей, натолкнуло его на идею строительства усиливающих подстанций вдоль телеграфной линии.

Отец Ауенбруггера торговал пивом. Когда Ауенбруггер, став врачом, лечил больного плевритом, он вспомнил, как рабочие определяли уровень пива в бочке и применил этот метод для определения уровня жидкости в плевральной полости. Так был создан метод выстукивания, или перкуссии.

Французский врач Лаеннек увидел в парижском саду, как дети передавали друг другу сигналы, стуча по стволу дерева и прослушивая стук, приложив ухо к противоположной его стороне. В клинике, свернув в трубку лист бумаги, он впервые применил метод аускультации сердца и легких.

Шотландский врач Дж. Данлоп был озабочен тем, что сыну неудобно ездить на велосипеде по тряской булыжной мостовой. Поливая сад, он ощутил, как шланг пружинит под рукой. Неизвестно, пытался ли он наполнить первую шину водой или воздухом, но сделал он её из садового шланга.

В приведенных примерах боковое мышление помогло решить трудную проблему именно потому, что она была доминантной, притягивающей к себе все внешние раздражители.

Цельность восприятия. На эту способность воспринимать действительность целиком, не дробя её (в отличие от восприятия мелкими

независимыми порциями) указал И.П.Павлов; он выделил два основных типа высшей корковой деятельности: «Одни - художники во всех их родах: писателей, музыкантов, живописцев и т.д. - захватывают... живую действительность... без всякого разъединения. Другие - мыслители - именно дробят... и затем... постепенно как бы снова собирают её части и стараются их таким образом оживить...». (Павлов И.П. Полн.собр.соч., т.III, кн.2. - М.-Л., 1951, с.213)

Наблюдая за детьми, И.Павлов пришел к делению всех людей на художественный и мыслительный типы. Именно у них он впервые заметил наличие художественное восприятия, без выделения деталей, «целиком, сплошь, сполна». Деление на мыслителей и художников сейчас связывают с преимущественным участием левого или правого полушария в психодинамике того или иного человека. Еще в 1864г. английский невропатолог Хьюлингс Джексон высказал догадку, а в последнее время накопились доказательства преимущественной роли левого полушария в аналитическом мышлении, в котором главенствует речь и логика. Правое же полушарие доминирует в гностических функциях, требующих объединять одновременно или последовательно воспринимаемые элементы в нечто целое.

При этом речь не играет главной роли, и обработка информации происходит на базе зрительных или кинестетических образов.

Видимо, функции правого полушария имеют отношение к восприятию музыкальных образов (объединение последовательности звуков в мелодию); левое же полушарие имеет прямое отношение к чтению нот. При прослушивании через наушник мелодии поочередно левым и правым ухом люди неискушенные лучше воспринимают и запоминают мелодии, звучащие в левом ухе: нервные импульсы благодаря перекресту проводящих волокон передаются сразу в правое полушарие; профессионалы и имеющие музыкальное образование лучше запоминают их, если наушник приложен к правому уху. Воспринимая музыку аналитически, они дробят её на отдельные ноты, а эта функция теснее связана с левым полушарием.

Для выявления ведущего полушария регистрируют «содружественные движения глаз». Если задать человеку вопрос типа: «Какая ваша любимая книга?» или «Сколько будет шестнадцатью двадцать?», в 75% случаев в ту же секунду взор спрашиваемого отклоняется влево или вправо.

Предположительно, механизм этого отклонения состоит в следующем. Известно, что раздражение глазодвигательной зоны правого полушария отклоняет взор влево, а левого - вправо. Задан вопрос; человек ищет ответ с помощью речевых символов, то есть «обращается в левое полушарие», доминантное в отношении функции речи. Левое полушарие, следовательно, возбуждается. Возбуждение, как правило, иррадирует и захватывает глазодвигательную зону; взор отклоняется вправо («левополушарные люди»). Те, кто склонен к мышлению зрительно-пространственными образами, в поисках ответа на вопрос «обращаются в правое полушарие». Оно возбуждается, и взор отклоняется влево («правополушарные люди»). «Левополушарные» больше склонны к абстрактно-символическому, словесному, логическому мышлению; «правополушарные» - к целостному, синтетическому, образному. Они лучше воспринимают музыку, для них важно не только значение слов, но особенно интонации.

Не удивительно, что И.П.Павлов обнаружил «целостное», художественное восприятие мира прежде всего у детей. Когда вторая сигнальная система еще слаба, каждый ребёнок поневоле «правополушарный», воспринимающий мир

в образах, а не аналитически. С годами вторая сигнальная система крепнет, возрастает роль левого полушария. Таким образом, термины «левополушарный» и «правополушарный» не следует понимать буквально. Работают оба полушария, но одно из них преобладает в отношении тех или иных функций, создавая преимущественно художественный или преимущественно мыслительный тип корковой деятельности.

«Мыслитель» как тип высшей нервной деятельности - отнюдь не идеал учёного. Разумеется, в науке нужны дотошные собиратели фактов, аналитики и архивариусы знаний. Но в процессе продуктивного мышления необходима способность оторваться от логического рассмотрения фактов, чтобы соединить элементы мысли в новые системы образов. Без этого не удаётся взглянуть на проблему свежим взглядом, увидеть новое в давно привычном.

Сближение понятий. Готовность памяти. Гибкость мышления. Лёгкость ассоциирования отдалённых понятий при «смысловом расстоянии» между ними - важное качество мышления - проявляется особенно ярко в «синтезе» острот.

А.С.Пушкин отметил, что именно в остроумии отчетливо прослеживается «сближение понятий»: «Остроумием называем мы не шуточки, столь любезные нашим весёлым критикам, но способность сближать понятия и выводить из них новые и правильные заключения» (Пушкин А.С. Полн.собр.соч. в 10-и тт., т.7. - М., 1964г., с.141)

Американский психолог С.Медник, обратив внимание на важность «отдалённого ассоциирования» как составляющей творческого потенциала, предложил своеобразный психологический тест на выявление этой способности.

Он заключается в поиске ассоциации, которая могла бы соединить слова-раздражители, допустим, «изумруд» и «молодой» (в данном случае - «зелёный») или в подыскании общего определения к словам: «лес», «сироп», «гребешок» («густой»). С.Медник возлагал большие надежды на свой тест как показатель творческой одарённости, однако, не оправдавшиеся; его автор упустил из вида, что отдалённость ассоциирования - лишь один из компонентов продуктивного мышления. Остроумие включает в себя способность не только сближать понятия, но и «выводить новые и правильные заключения»(А.С.Пушкин).

К остроумию имеет отношение как способность к отдалённому ассоциированию, так и перечисленные выше («зоркость», способность «к свертыванию», и ряд других, о которых речь впереди).

О памяти иногда отзываются пренебрежительно, противопоставляя её мыслительным способностям. Приводят даже примеры творческих достижений у лиц с плохой памятью. Но слова «плохая память» слишком расплывчаты.

Память включает в себя способность запомнить, опознать, воспроизвести немедленно или с отсрочкой. Размышляя над задачей, можно рассчитывать лишь на информацию, которую в данный момент воспринимают, и на ту, которую сумеют извлечь из памяти. Для решения задачи с необходимостью связать концы свисающих с потолка двух бечёвок (в комнате, кроме плоскогубцев на подоконнике, нет никаких предметов), нужно к концу одной из них привязать плоскогубцы и устроить маятник.

Когда испытуемый рассказывает ход своего решения, объяснение сводится к логическому рассуждению: бечёвки слишком коротки: взяв конец одной, невозможно дотянуться до другой. Следовательно, кто-то должен протянуть её, но в помещении больше никого нет; значит, бечёвка должна сама податься навстречу,

для чего следует раскатать её; а чтобы качания были достаточного размаха и не затухли, к её концу нужно привязать груз: плоскогубцы подходят для этой цели.

Однако последовательность изложения результатов не отражает истинный ход мысли при поиске решения. Психологи по-разному истолковывают сущность необходимых для решения задачи умственных операций. Одни считают главным - проведение операции «переформулирования»: перестать воспринимать плоскогубцы как инструмент и увидеть в них груз для маятника.

Возможны и другие гипотезы, однако в любом варианте необходимо вспомнить о свойствах качающегося груза и соотнести эти знания с задачей. Преимущество при решении получит тот, кто быстрее извлечет из памяти необходимую информацию, а не тот, у кого эрудиция богаче. В таких случаях говорят о сообразительности, но одной из её составляющих служит **«готовность памяти»** выдать нужную информацию в нужную минуту.

Понятие **«гибкость мышления»** означает способность быстро и легко переходить от одного класса явлений к другому, далёкому по содержанию. Отсутствие такой гибкости называют инертностью, регидностью, окостенелостью и даже «застреванием» или «застойностью» мышления. Но что такое близкий или далёкий по содержанию? Как измерить смысловое расстояние? Мы уже говорили о функциональной фиксированности человека.

Термин этот ввел К.Дункер; в эксперименте предлагалось закрепить на двери три свечи. Для чего можно было использовать молоток, гвозди в коробочках, плоскогубцы. Решение состояло в том, чтобы, прибав коробочки к двери, установить в них свечи. Коробочки были либо пустыми, либо наполнены гвоздями. При решении первого варианта коробочки в качестве подставок использовали все, во втором - лишь половина испытуемых догадались их опорожнить, превратив в подставки. Заполненные коробочки воспринимались лишь как тара для гвоздей - именно эту их функцию и фиксировали: переход к другим функциям оказывался затруднённым. (Дункер К. Психология продуктивного - творческого - мышления. - В кн.: Психология мышления. - М., 1965) Способность к преодолению функциональной фиксированности - одно из проявлений гибкости мышления.

Психологи пытаются измерять эту способность с помощью тестов. Предлагается перечислить все возможные способы использования обычных предметов - «молоток», «банка из-под консервов», «кирпич». Часть испытуемых с лёгкостью переходят от одного класса явлений к другим (кирпич не только строительный материал, но и подставка для раскалывания орехов; преграда, чтобы ветер не захлопнул окно; метательный снаряд, гиря, грелка; растолчённым кирпичом можно чистить металлическую посуду и т.д.) Иные пытаются исчерпать применение объекта в данной области, в данной функции, а потом уже переходят к поискам в других областях.

Люди с более высоким показателем гибкости мышления имеют больше шансов «набрести» на верную идею решения практической задачи. Существует также гибкость как способность вовремя отказаться от не оправдавшей себя гипотезы. Если слишком упорствовать, исходя из заманчивой, но ложной гипотезы, будет упущено время; слишком же ранний отказ может привести к тому, что будет упущена возможность решения. Особенно трудно отвергнуть гипотезу, если она - результат усилий собственной мысли. Это наглядно проявляется при решении следующей задачи. На столе четыре карточки (с одной их стороны буква, с другой - число): на первой - гласная буква, на второй - согласная, на третьей - чётное число, на четвертой - нечётное. Какие карточки нужно перевернуть, чтобы

проверить утверждение: «если с одной стороны гласная, то на обороте четное число?». Решение кажется самоочевидным: «перевернуть гласную и чётное число», или ещё проще - «перевернуть гласную». Однако такой ответ ошибочен.

Нужно перевернуть гласную и нечётное число, поскольку лишь сочетание этих двух знаков на одной карточке делает гипотезу ложной. Если рассказать испытуемому содержание задачи и объяснить решение, трудностей не возникает. Но если предложить ему решить её, и если это решение неправильно (чаще именно так и бывает), дальнейшие разъяснения затрудняются: упорствуя в заблуждении и с жаром защищая свою ошибку, становятся слепы к логическим доводам - не могут избавиться от давления первоначальной (неверной) догадки.

Видимо, разуму свойственно рисовать воображаемые ограничительные линии, а затем о них спотыкаться. Способность «перешагнуть» через такие невидимые, но прочные шлагбаумы и есть гибкость интеллекта. Однако перешагнуть способны не все. Недаром Клод Бернар заметил: «Те, кто непомерно верит в свои идеи, плохо вооружены, чтобы делать открытия». Чувством юмора они, как правило, тоже не блещут.

Способность к оценочным действиям. Способность к «сцеплению» и к разрыву сцепления. Способность к оценке, к выбору одной из многих альтернатив до её проверки - чрезвычайно важное свойство. **Оценочные действия** производятся не только по завершении работы, но и многократно по ходу её, служа вехами по пути творческих исканий, отделяющими различные этапы и стадии творческого процесса. (Независимость оценочных способностей от других типов способностей первыми, кажется, отметили шахматисты.)

Предпринимались попытки выявления оценочных способностей. Руководителям групп и лабораторий научно-исследовательского учреждения были розданы отчёты о проделанных работах в другом институте и предложено оценить их по десятибалльной шкале. Замысел экспериментаторов состоял в том, чтобы оценить самих «оценщиков». Оказалось, что некоторые из них используют всю десятибалльную шкалу (порою им этого мало, и они прибегают к знакам «плюс» и «минус»), другие ограничиваются несколькими отметками: за отличные выставляют десять баллов, за удовлетворительные - пять, а за плохие - один балл.

Первых называли «людьми с высоким дифференцировочным уровнем», вторых - «с низким дифференцировочным уровнем». Вероятно, они отличаются друг от друга выраженностью оценочных способностей. Любопытно, что обладающие низкими оценочными способностями оказались в общем неважными руководителями групп и лабораторий: плохо зная подчинённых, давали задания без учета индивидуальных возможностей; продуктивных сотрудников считали никудышными, бездарных - талантливыми. Их группы в лаборатории были малоплодотворны. Видимо, оценочные способности необходимы руководителю, который сам не имеет времени заниматься разработками, а должен принимать решения - какой из предложенных вариантов принять, по какому пути двигаться.

Среди критериев оценки нужно назвать, кроме логической непротиворечивости и соответствия ранее накопленному опыту, эстетические критерии изящества и простоты.

Человеку присуща способность объединять воспринимаемые раздражители, а также быстро увязывать новые сведения с прежним багажом личности, без чего воспринимаемая информация не превращается в знание, не становится частью интеллекта. **Тенденция к сцеплению** наглядно проявилась в том,

как в древности воспринимали и описывали звёздное небо. На заре развития астрономии прибегали к объединению звёзд в группы - созвездия; при этом одни из них включались в группу, другие - не включались.

Созвездие Орион прямоугольное; два его угла - это звёзды Ригель и Бетельгейзе, другие два - представлены звездами второго порядка, менее яркими. Звёзды внутри прямоугольника игнорируются: Сириус, ближайшая звезда первой величины, не входит в созвездие, скорее всего, потому, что это нарушило бы простоту фигуры.

Видимо, одним из принципов сцепления воспринимаемых данных служит простота полученной формы: в рассмотренном случае - геометрической фигуры. Понятию простоты пытаются придать объективный смысл, считая, что фигура при этом описывается с помощью меньшего числа параметров; но простота может быть и субъективна - простым кажется привычное.

Принципы объединения данных, их сцепления, группировки могут быть, конечно, самыми разнообразными. Способность объединять вновь воспринимаемые сведения с тем, что было известно ранее, включать их в уже имеющиеся системы знаний, группировать данные тем или иным способом уже в процессе восприятия, - условие и предпосылка способности к выдвижению идей. Видимо, «чистых» восприятий у взрослых людей не бывает: в каждом из них присутствует элемент суждения.

Представим себе человека, занятого беседой, который вдруг заметил на горизонте летящую точку. Внимание его поглощено разговором, и потому он и не пытается определить, птица это или летательный аппарат - просто отметил плывущий в небе предмет, но когда тот приблизился и оказался планером, это вызывает удивление. Значит, в восприятии было и суждение: объект не просто воспринимался, но произвольно оценивался как птица.

Общеизвестное суждение «наши недостатки - продолжение наших достоинств» справедливо и в отношении способности к сцеплению. Когда воспринимаемый факт перегружен теоретическими истолкованиями и тотчас же вписывается в имеющуюся систему представлений, это накладывает отпечаток и на процесс восприятия. Но разным людям в разной степени присуща способность противостоять «окраске» восприятия ранее накопленными сведениями, избавляться от давления «предварительного знания», выделять наблюдаемое из того, что привносится интерпретацией.

О таком умении отделять сам факт от его истолкования рассказал известный физиолог. Придя на заседание научной конференции, он отдал привратнику шляпу. Когда же, по её окончании, он направился к выходу, привратник безошибочно отыскал его шляпу среди десятков других: «Как вы узнали, что эта шляпа - моя?» - «А я этого не знаю. При входе вы вручили мне эту шляпу, теперь я вам её возвращаю».

Приводя этот случай в наизудание ученикам, учёный считая, что в нём ярко проявилось **стремление** к «чистому» наблюдению, к **антисцеплению**. Вывод, что шляпа - собственность профессора, уже умозаключение; настолько правдоподобное, что его трудно отделить от наблюдаемого факта. Способность к такого рода выводам - ценное качество не только учёного, но и художника. Хотя полностью отделить восприятие от его истолкования не удаётся никому.

Когда наблюдение слишком «отягощено» теоретическими надстройками, это порой приводит к фиктивным открытиям. В истории науки одно из наиболее показательных - так называемое «открытие жизни в момент зарождения» - *in statu*

nascendi». В 60-е годы XIX в. многие сторонники дарвинизма стремились расширить его, полагая, что нужно построить «теорию универсальной эволюции», охватывающую всю живую и неживую материю: из первичной туманности развиваются звезды и планеты, затем зарождается жизнь и, наконец, достигает высших форм в процессе «универсального трансформизма». Защитникам таких взглядов казалось, что для доказательства их теории остаётся найти единственное недостающее звено - зарождение живого из мертвой материи. Поэтому они с неудовольствием восприняли опыты Л.Пастера, показавшего невозможность самозарождения жизни в нынешних условиях.

В 1966г., в разгар споров, знаменитый немецкий биолог Э.Геккель, автор биогенетического закона, рассматривая в микроскоп морской ил, обработанный этиловым спиртом, обнаружил примитивный живой организм из протоплазмы без ядра - Moneron. Другие учёные «подтвердили» находку; более того, было «показано» повсеместное распространение Moneron на дне мирового океана.

В числе энтузиастов нового «открытия» был английский естествоиспытатель Т.Гексли, который предложил назвать «новую форму жизни» именем первооткрывателя. Трезвых голосов скептиков никто не слушал.

Сенсация продолжалась десять лет, пока не убедились, что в основе её лежит артефакт: сернокислый кальций, содержащийся в морской воде, при обработке этиловым алкоголем образует коллоидную взвесь; её-то ошибочно приняли за живой организм.

Чрезмерная готовность к сцеплению наблюдаемого с заранее выработанным теоретическим каркасом сыграла с исследователями злую шутку, привела к ложному истолкованию наблюдения и, в конечном счете, к конфузу. Способность к сцеплению должна быть уравновешена способностью преодолеть его, вырвать наблюдаемый факт из привычного «ассоциативного контекста».

Лёгкость генерирования идей. Под легкостью генерирования идей понимают способность к выдвижению большого числа идей за ограниченный промежуток времени. Причем не обязательно, чтобы каждая идея была правильной: «Эйнштейн писал, что в течение двух лет, предшествовавших 1916г., когда появилась общая теория относительности, у него в среднем возникала одна идея каждые две минуты, и, конечно, он отвергал эти идеи». (С. Popper. Logic of scientific discovery. - In: The creative process in science and medicine, N.Y., 1975, p.19)

Мысль, или идея - это не просто ассоциативное соединение двух или нескольких понятий. Соединение понятий должно быть содержательно оправданным, отражать объективные отношения явлений, за ними стоящих. Это соответствие и есть один из главных критериев оценки идеи. Другой критерий широта идеи, охватывающей и объясняющей множество разнородных фактов. Наиболее плодотворные идеи включают в себя (то есть предсказывают) новые, не открытые еще явления.

При проверке способности к генерированию идей предлагается задание составить осмысленное предложение, включающее в себя три слова, скажем, «озеро», «луна», «мальчик». (Варианты решения: «Мальчик купался в озере при свете луны»; «Мальчик видел отражение луны в озере» и т.д.). Это простейший случай генерирования мысли. На противоположном конце шкалы по широте и сложности находится, к примеру, дарвиновская теория естественного отбора, позволившая биологам объединить в стройную систему огромное количество дотоле разрозненных наблюдений.

Идеи оцениваются также по глубине и фундаментальности. Глубокой считают идею, устанавливающую отношения между объектами или отдельными свойствами, не лежащими на поверхности, не явными, а требующими для своего обнаружения проницательности и раскрытия сущности явлений. Они, как правило, оказываются и фундаментальными, то есть служат основой, базой, фундаментом для теорий, исследований, для генерирования других идей.

Для возникновения мысли необходимо возбуждение по крайней мере двух хранящихся в мозгу «моделей» представлений или понятий. Сопоставление их и есть содержание мысли. Ещё И.Сеченов отметил, что «у всех народов всех веков, всех племен и всех ступеней умственного развития словесный образ мысли в наипростейшем всегда сводится... на трёхчленное предложение». (Сеченов И.М. Элементы мысли. - М.-Л., 1943, с.213) Его обязательные составные части - подлежащее, сказуемое и связка.

Генерирование идей, таким образом, осуществляется в конкретных кодах, чаще всего в словесно-речевой форме; но не обязательно. Мозг всегда облакает любую мысль в ту или иную кодовую форму, причём разные люди обладают неодинаковой способностью пользоваться зрительно-пространственным кодом, словесным, акустически-образным, буквенным, цифровым и др.

Способность манипулировать данным типом символов можно совершенствовать, но не беспредельно. Преимущественное использование зрительно-образных представлений относят к зрительному воображению, преобладание акустически-образных - свидетельствует о музыкальной фантазии. Склонность к освоению действительности в словесно-образной форме характеризует поэтическую фантазию и т.д. Само по себе это ещё не делает художника, композитора или поэта. Эти профессии требуют целый комплекс способностей, навыков, личностных характеристик, которые не являются собственно мыслительными способностями, но помогают их реализации.

Одним из способов ускорить «рождение идей», то есть стимулировать мысль, служит «субъективное уподобление». Так, один выдающийся физик сообщил, что в процессе работы думает так, как будто он сам - электрон, или представляет себя лучом света, чьё отражение нужно измерить. То же самое говорил японский художник Хокусаи: чтобы нарисовать птицу, нужно самому стать (то есть представить себя) птицей.

Выдвижение большого числа идей и «субъективное уподобление» в процессе мышления - это проявление воображения. Сейчас принято различать три его типа. **Логическое** воображение выводит будущее из настоящего с помощью логических преобразований; **критическое** ищет, что именно в современной технике, системе образования, собственной жизни и т.д. несовершенно и нуждается в изменении; наконец, **творческое** воображение рождает принципиально новые идеи и представления, не имеющие пока прообразов в реальном мире, хотя и опирающиеся на элементы реальной действительности.

Беглость речи. Способность к доработке. Бойкость речи далеко ещё не свидетельство лёгкости генерирования идей. Однако лёгкость формулирования необходима, чтобы облечь мысль в слова. Её можно выразить и другим кодом, например, аналитически (формулой) или графически. Но словесно-речевой код - самый универсальный. В каких бы символах ни откристаллизовалась идея, её необходимо перевести в словесный код.

Изложение результатов на бумаге необходимо не только для

«коммуникации», или обнародования. Это и своеобразная критическая операция, вскрывающая логические неувязки, методологические огрехи, теоретические просчёты. Идея, которая в момент зарождения казалась блестящей, после изложения словами на бумаге подчас может потускнеть.

Когда речь заходит о **способности к доработке**, имеется в виду не просто настойчивость, собранность, волевой настрой на завершение начатого, а именно наличие данного качества - способности к доработке деталей, к мучительной и кропотливой «доводке», к совершенствованию первоначального замысла.

Едва ли нужно объяснять, насколько важна эта способность, позволяющая довести работу до такого уровня, когда она приобретает универсальную значимость и общественную ценность. Один только замысел, каков бы ни был его размах, социального признания, как правило, не получает.

«Во всяком практическом деле идея составляет от 2 до 5%, а остальное 98-95% - это исполнение», - считал математик и кораблестроитель, академик А.Н. Крылов. (Крылов А.Н. Мои воспоминания. - М., 1945, с.476) Насколько существенны детали в любой работе, - блистательно выразил Микельанджело: «Мелочи создают совершенство, а совершенство - не мелочь».

Перечисленные мыслительные способности не являются достоянием избранных натур, «творческой элиты».

Эти способности присущи всем людям, они только по-разному выражены (сильнее или слабее) и по-разному сочетаются между собой. Например, сочетание зоркости в поисках проблем, гибкости интеллекта, лёгкости генерирования идей и способности к отдалённому ассоциированию проявляет себя как нестандартность мышления, которую считают неременной составной частью таланта.

Сочетание способности к свёртыванию, отдаленности ассоциирования и беглости речи позволяет обладателю их легко придумывать остроты; если к тому же ему присущи способность к быстрой оценке и самокритичность (это качество личности, а не особенность мышления), он может быть по-настоящему остроумным.

Во всяком случае, рассмотрение структуры мыслительных способностей показывает, почему есть «значимая корреляция», но нет полного совпадения творческой одарённости и остроумия.

Экскурс в историю

Загадка смешного, комического и остроумного с давних пор привлекала исследователей. Невозможно составить не только исчерпывающий обзор, но и простой перечень трактатов, посвящённых юмору и остроумию.

Здесь выбраны лишь те авторы, идеи которых перекликаются со взглядами, развитыми в предшествующих главах. Слово «перекликаются» не означает прямой преемственности: полемика и контраст тоже служат нитью, соединяющей настоящее с минувшим. А порою заново открываются истины, известные еще древним, и это лишний раз подтверждает, что зачастую новое - это «хорошо забытое старое».

Первую из дошедших до нас попыток разобраться в причинах смеха предпринял Платон в «Филебе». Он провел аналогию между тем удовольствием, которое даёт почёсывание при сильном зуде, и восприятием смешного. В первом случае возникает «смешанное телесное чувство»: на неприятное ощущение зуда

накладывается чувство облегчения. А восприятие смешного вызывает «смешанное душевное чувство», в котором сочетаются боль и удовольствие.

Внешние причины, вызывающие смех, лежат в поведении других людей, точнее, - в их неверной самооценке. Один бахвалится совершенством тела, другой - богатством, третий - душевными достоинствами. Преувеличение собственных добродетелей, особенно мудрости, - самое частое из заблуждений. При этом властный и надменный человек, восхваляя себя, возбуждает ненависть; слабый в той же ситуации смешон. Ошибочная самооценка, согласно Платону, - несчастье.

Выходит, смеяться над чванством и самомнением друзей - значит радоваться их несчастью. Но ведь несчастье друзей - зло, причиняющее боль. Вывод: смех включает в себя одновременно боль и удовольствие. (Полн.собр.соч. Платона в 8-и тт., т. 4. - Спб., 1881, с.46)

Взгляды Аристотеля не были изложены в специальном труде; во всяком случае, до нашего времени такой труд не сохранился. Но в «Поэтике», «Риторике» и «Политике» можно найти высказывания о природе смешного.

Аристотель настаивал на необходимости отличать комедию от бранной личной колкости. Комедия имеет дело с неизменными характерами, цель её - «воспроизведение худших людей, но не во всей их порочности, а в смешном виде». (Аристотель. Поэтика. - Л., 1928, с.46) Для Аристотеля комическое - разновидность безобразного, и в то же время недостаток, который не является опасным, разрушительным, пагубным. Комическая маска может быть отвратительной, но не причиняет никому страданий.

Признавая, что в смехе присутствует оттенок злобности, Аристотель считал его этически нежелательным. Склонность к чрезмерным насмешкам над ближними вульгарна и неприлична. Аристотель предостерегал против превращения шутки в оскорбление, предлагая запретить некоторые их формы, как закон запрещает бранные выражения.

Но тех, кто сам никогда не шутит и кому неприятны шутки других, он считал дикарями. Шутить в меру хорошего вкуса - признак остроумия и гибкого ума. Аристотель признавал за шуткой и остроумной важную роль в споре, полемике, дискуссии. Шуткой можно встретить серьёзность оппонента; но можно и серьёзной речью погасить шутки противника. Таким образом, Аристотеля интересовали и причины смеха, и этические и эстетические проблемы смешного.

Цицерон утверждал, что смеются обычно над безобразным; при условии, однако, что внимание к нему привлекается не постыдным, не безобразным способом. Оратору дозволено использовать остроумие, но в меру. Преступление и нищета не должны быть поводом для него; наиболее подходящий объект для осмеяния - личные недостатки. Цицерон полагал, что форма изложения может сделать смешным то, что по содержанию своему совсем не смешно. Он же выделил два основных вида остроумия:

1. Смешное проистекает из самого содержания предмета; 2. Словесная форма смешного, которая включает в себя: а - двусмысленность; б - неожиданное умозаключение; в - каламбуры; г - необычные истолкования собственных имен; д - пословицы; е - аллегорию; ж - метафоры; з - иронию. Так выглядела первая классификация приемов остроумия. (Цицерон. Об ораторе. - М., 1927)

Рассматривая остроумие в связи с риторикой, Квинтилиан более чётко, чем Цицерон, отделял остроумие от просто смешного. (См.: Резюме воззрений Квинтилиана на ораторское искусство. - Спб., 1909) Смеются не только над тем, что остроумно, но также над глупостью, трусостью, невоздержанностью. Причины,

вызывающие улыбку и смех, Квинтиллиан разделил на шесть групп:

1. Изысканность речи (urbanitas); 2. Грациозность в выражении мысли (venustum); 3. Пикантность (salsum); 4. Шутка (facetum); 5. Острота (jocus); 6. Добродушное подтрунивание (decacitas).

Квинтиллиан, однако, не провел границы между шуткой, остротой и подтруниванием, что создает возможность различных толкований. Вслед за Цицероном он отмечает также, что внезапность и обманутое ожидание - зачастую необходимые условия смеха.

Много столетий спустя Рене Декарт изложил свои рассуждения о смешном в трактате «О страстях души», самым названием подчеркнув, что чувство смешного - одно из многих человеческих чувств. (См.: Декарт. Соч. в 3-х т., т.1. - Казань. 1914) Для Декарта смех - главный признак радости.

Однако радость не должна быть чрезмерной и непременно должна сочетаться с другими чувствами - восхищением, удивлением или враждебностью. Иногда смех рождается чувствами возмущения и гнева, - если есть уверенность в своей неуязвимости. Декарт выделил осмеяние, считая его выражением радости, смешанной с враждебностью.

Люди, обладающие физическими недостатками или публично ошельмованные, склонны осмеивать кого угодно. Им хочется видеть других такими же обиженными и опозоренными, поэтому они злорадствуют при любом несчастье ближнего. Наблюдение Декарта очень похоже на то, что писал психоаналитик А.Адлер о комплексе неполноценности невротиков, которые самоутверждаются, унижая и оскорбляя других. (См.: Адлер А. Роль бессознательного в неврозе. - М., 1913)

Насмешку Декарт считал полезной, потому что она обнажает порок. Насмешливость - вполне достойное качество добропорядочного человека с весёлым нравом и уравновешенным характером.

Декарт настойчиво подчёркивал роль неожиданности и удивления в смешном. Вот почему он считал пристойным смеяться лишь чужой шутке. Ибо смеяться над своей остротой значит признать собственное остроумие неожиданным и удивительным. Декарт предложил и физиологическое объяснение смеха, вполне отвечавшее наивным физиологическим представлениям эпохи. (Декарт Р. О страстях души. Соч., т.1, с.180)

Для английского философа Т.Гоббса смех был прежде всего проблемой психологической. В «Человеческой природе» он писал, что смех - всегда радость, повторяя Спинозу: «Смех... есть радость, а потому сам по себе благо». (Спиноза Б. Избр.произв. в 2-х тт., т.1. - М., 1957, с.559)

Гоббс понимал, что смех вызывается не только остроумием. Часто смеются над неудачами других. Но какова бы ни была причина смеха, она должна представлять собою новое и внезапное. Тогда у человека возникает чувство ликования от того, что он осознал нечто значительное в себе самом и сравнил это значительное со слабостью других или собственной немощью в прошлом. (Гоббс Т. Избр.произв. в 2 тт., т.1. - М., 1964, с.483-484)

Тот, кто сам стал предметом шутки, повержен - и потому не смеётся, когда над ним смеются другие. Смех ни для кого не обиден, лишь если относится к нелепости или слабости, абстрагированным от конкретного лица. Гоббс впервые высказал мысль, что смех может быть выражением радости от сознания своего умственного превосходства, - мысль, впоследствии развитая Н.Чернышевским.

А.Бейн в книге «Эмоции и воля» определил смех как выражение торжества победы над врагом. Но он же указал еще на функцию смеха как средства разрядки, отдыха, снятия напряжённости. Смех настолько связан с радостью победы, что превратился в выражение радости вообще. (См.: Bain A. The emotions and the will. - London, 1880) Первоначальные причины смеха - чисто физические: холод, щекотание и т.д. Несколько позже вступает в свои права весёлость духа, которая проявляется, когда с человека снимают вынужденные ограничения. Смех и улыбка сопровождают также нежные чувства.

Таким образом, Бейн выделяет две главные причины смеха: осознание своей силы и освобождение от напряжённости. Впрочем, он оговаривает, что есть случаи, не укладывающиеся в эту схему. Да и осознание силы может возбудить досаду и раздражение, - если сочетается с осознанием упущенной возможности.

Во второй половине XIX в. Г.Спенсер обратился к структуре ситуаций, вызывающих смех. (См.: Спенсер Г. Физиология смеха. - СПб., 1905)

По Спенсеру, смех вызывается не только приятными чувствами. Сардонический и истерический смех связаны с отрицательными переживаниями. Сильные эмоциональные встряски приводят к накоплению избытка нервной энергии; она ищет выхода и в первую очередь высвобождается через мышцы, которые из-за малой массы обладают малой инертностью. Это мышцы рта, речевой аппарат, мимические мышцы, дыхательная мускулатура. Если этих каналов оказывается мало, все тело начинает подёргиваться в судорогах.

Таков механизм смеха, вызванного простыми чувствами. Комический смех Спенсер объясняет по-другому: комическое всегда означает «нисходящую несовместимость»; ждут чего-то большого, а находят маленькое. Если же вместо ожидаемого маленького обнаруживается неожиданно большое, то возбуждается чувство удивления от «восходящей несовместимости».

Подобно Декарту, психолог Т.Рибо поместил рассуждения о смешном в трактате о психологии чувств. (См.: Рибо. Психология чувств. - СПб., 1898) Все теории смеха он делит на две группы: одни считают причиной смеха несовместимость одновременно воспринимаемых объектов внешнего мира, другие выводят смех из чувства превосходства над окружающими. Рибо высказался за объединение всех теорий. В выделенные им группы теорий не укладывается концепция Д.Хартли, который попытался проследить за эволюцией смеха на протяжении жизни.

Первый смех младенца связан с неожиданностью: она порождает мгновенный страх, сменяемый столь же сильной мгновенной радостью. Ощущение сравнимо с тем блаженством, когда человека внезапно отпускает сильная боль.

Хартли анализирует смех от щекотки, то есть от непрерывного чередования противоположных ощущений - болезненного прикосновения и мгновенного исчезновения боли. Все раздражители, которые вызывают смех, включая самые сложные, тоже представляют собой такое чередование. Дети радостно смеются, если в страшной сказке внезапно устраняется опасность, рассеивается тревога. По мере созревания ребёнка меняется лишь содержание раздражителей, но не их структура. Смех - это ответ на «психическое щекотание».

Хартли утверждал, что люди с развитым вкусом смеются лишь над вспышками остроумия, которые поражают необычными совпадениями или внезапным сходством и в то же время ассоциативно связаны с прямо противоположными ощущениями или понятиями: болью и удовольствием, стыдом и честью, пороком и добродетелью. Наиболее частые поводы для смеха - небольшие промахи знакомых и друзей. Смех - средство оценки поступков, одна из форм

общения, и потому несёт социальную функцию. (Hartley D. Observations of man, his frame, his duty and his expectations. - London, 1834)

Своеобразный взгляд на социально-этическую роль смеха высказал Ж.-Ж.Руссо. В «Письме к д'Аламберу о зрелищах» он резко выступил против создания театра в Женеве. Руссо считал, что направление театра определяется удовольствием, которое он доставляет, а не пользой, которую приносит. Театр существует для услаждения публики. Поэтому он осуждает лишь то, что общество давно уже осудило, и потакает порокам, которые достойны осуждения, но тем не менее широко распространены.

Вывод Руссо самый категорический: комедия не только бесполезна, но, скорее, вредна, ибо осмеивает уже отвергнутое и поощряет то, что неминуемо будет осуждено впоследствии. (Руссо Ж.-Ж. Избр.соч. в 3-х тт., т.1. - М., 1961, с.165-177)

Шотландский философ Дж.Битти обратил внимание, что остроумие не всегда вызывает смех, что есть и «серьезное остроумие». Остроумно и смешно - эти понятия соприкасаются, но не совпадают.

Битти провел также разграничительную линию между смешным и смехотворным. Смешное вызывает «чистый смех», смехотворное - смех с оттенком презрения. Кроме того, философ отличал естественный смех от искусственного (мальчик идет ночью по кладбищу и насвистывает песенку, чтобы скрыть страх от самого себя, - такова же роль искусственного смеха). Естественный смех он подразделяет на животный (от щекотки и от радости) и интеллектуальный - от осознания смешной мысли.

Чувство смешного порождается диссонансом явлений одного порядка или, наоборот, сходством далёких и внешне непохожих явлений. Неожиданно обнаруженная противоположность - частая причина смеха. Сильный гнев и страх подавляют смех. Битти подчеркивал важность общего эмоционального фона, без которого смешное окажется несмешным. (Beattie J. Essays on laughter and ludicrous composition. - Edinburgh, 1778)

Дж.Локк интересовался главной особенностью остроумной мысли; тем, что позволяет отличить её от неостроумной. Он провел разграничение между простым суждением и остроумным высказыванием. Суждение состоит в тщательном разделении идей, оно обращает внимание на различие, каким бы малым оно ни было. А секрет остроумия прежде всего в выявлении сходства идей, в их объединении, быстром и прихотливом, которое и даёт ощущение удовольствия. (Локк Дж. Опыт о человеческом разуме. - М., 1896)

Дж.Аддисон, уточняя взгляды Локка, добавил, что остроумно не всякое объединение идей, а лишь неожиданное. Кроме того, в основе остроты может лежать также и противоположность идей. (Addison J.T. Selections from Addison's papers contributed to the "Spectator". - Oxford, 1894)

И.Кант в «Критике способности суждения» рассматривал игру идей как источник удовольствия и смеха. При восприятии шутки непременно происходит разрядка напряжённого ожидания, проявляющая себя смехом, - при условии, что ожидание разрешается в ничто.

Переход в противоположность мог бы стать источником печали, а трансформация в ничто доставляет удовольствие. Например, рассказ о человеке, который от горя посидел в одну ночь, не вызовет смеха, даже если окажется ложью (переход в противоположность). Но сообщение о страдальце, у которого от переживаний посидел парик, заставит смеяться (переход в ничто). Остроумная шутка вначале вводит нас в заблуждение, ибо содержит нечто такое, что мы сперва

принимаем за истину. (Кант И. Соч. в 6 тт., т.5. - М., 1966) И.Кант, подобно Дж.Локку, отличал способность суждения от остроумия. В сочинении «Антропология с прагматической точки зрения» он писал, что «способность находить для общего особенное есть способность суждения, способность придумывать для особенного общее есть остроумие» (Кант И. Соч., т.6, с.440)

Кант разделил людей на четыре группы. Умные обладают и способностью суждения, и остроумием. Способность суждения, не подкреплённая остроумием, создаёт так называемых умников, а остроумие без способности суждения - столь же утомительных острожков. Наконец, четвертые не обладают ни способностью суждения, ни остроумием - это дураки. Классификация несколько схематична, хотя и не лишена остроумия.

А.Шопенгауэр претендовал на полное и окончательное решение проблемы смеха. Ход его рассуждений таков. Абстрактное знание отражает образы восприятия, но никогда не совпадает с ними. Рассудочное знание лишь приближается к чувственному познанию, как мозаика приближается к живописи. Восприятие всегда торжествует над мыслью; победа чувственного восприятия над абстрактным знанием проявляет себя смехом.

В этом Шопенгауэр видит ключ к объяснению всех комических ситуаций. Смех возникает там, где осознаётся несовпадение понятия с реальностью. Несовпадения обусловлены тем, что за одним понятием скрывается несколько объектов, похожих, но все же различных: ведь понятие охватывает лишь часть их свойств. Наступает момент, когда внезапно становится ясным несоответствие между объектом, взятым во всей полноте его свойств, и односторонне отражающим его понятием.

Шопенгауэр делит смешное на остроумное и глупое. Остроумие - форма смешного, которая умышленно смешивает разные объекты, пользуясь тем, что их можно охватить одним понятием. Если же неожиданно обнаружить различие объектов, входящих в одно понятие, тогда причиной смеха служит глупость.

Таким образом, общая схема смешного: от различных объектов к единству понятия (остроумие) и от единого понятия к различию объектов (глупость). Смеху Шопенгауэр противопоставляет серьёзность - уверенность, что мысль совпадает с объектом этой мысли. Поэтому переход от серьёзности к смеху столь лёгок, когда обнаруживается несовпадение знаний с действительностью. Чем более человек способен к серьёзному мышлению, тем более способен он к восприятию смешного. (Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Соч. в 2-х тт., т.1. - М., 1900)

Г.Гегель посвятил остроумию разделы в «Науке логики». (Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Соч. в 14-и тт., т.1. - М.-Л., 1929) Рассуждения Гегеля об остроумии законспектированы В.Лениным в «Философских тетрадах». Гегель подошел к анализу остроумия как формы мышления: «(1) Обычное представление схватывает различие и противоречие, но не переход от одного к другому, а это самое важное. (2) Остроумие и ум. Остроумие схватывает противоречие, высказывает его, приводит вещи в отношение друг к другу, заставляет «понятие светиться через противоречие» (но не выражает понятия вещей и их отношений). (3) Мыслящий разум (ум) заостряет притупившееся различие различного, простое разнообразие представлений, до существенного различия, до противоположности». (Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.29, с.128)

Остроумие как форма мышления занимает промежуточное положение между простым представлением и мыслящим разумом. Остроумие схватывает противоречие явлений, но не выражает понятия вещей, оно лишь заставляет

понятие «светиться через противоречие». Светящееся противоречие между сущностью и явлением - то общее, что присуще всему остроумному. Но едва ли можно считать, что этой формулой исчерпывается природа остроумия. Слова «светящееся противоречие» сами нуждаются в расшифровке.

В начале XX в. большую популярность приобрели взгляды французского философа А.Бергсона на природу смеха. Бергсон считал, что всё смешное должно быть «человечным». Животные и неодушевленные предметы смешны, если напоминают о чём-то человеческом.

Второе исходное положение Бергсона - для смеха характерно отсутствие чувства. Нет большего врага у смеха, чем сильная эмоция. Комическое - мгновенная анестезия сердца. Смех имеет отношение только к разуму.

Рассматривая социальные функции смеха, Бергсон начинает с простого случая: прохожий споткнулся и упал - над ним смеются. Он не сумел обойти препятствие, приспособиться к новой ситуации (камень на дороге) и продолжал прежнюю линию поведения, проявив отсутствие гибкости, или «социальное упрямство». Во всех случаях смешного - от примитивных шуток до тонкого комизма характеров - можно обнаружить отсутствие эластичности и приспособляемости. Общество требует повиновения и в большом, и в малом.

Член общества не имеет права давать волю своим привычкам.

Общество настороженно относится ко всем проявлениям «автоматизма», то есть к недостаточной гибкости характера, ума и тела. Эксцентричность всегда антисоциальна. На всякое проявление эксцентричности общество отвечает смехом, цель которого - исправление. Это главный постулат Бергсона, лежащий в основе всех его построений.

Разграничений между комическим и смешным Бергсон не проводил; он различал два вида комического. Начинает он анализ с физических недостатков и вводит такой критерий: физический недостаток становится комичным, если его может имитировать нормальный человек.

Применяя к этому случаю свой основной постулат, Бергсон поясняет, что физический недостаток - это ставшее привычным отсутствие гибкости. Сутулость - привычная плохая осанка; существуют люди с застывшим выражением слезливости. В любой гримасе есть элемент автоматизма, негибкости.

Переходя к комизму движений, Бергсон утверждает, что позы, жесты, движения смешны в той мере, в какой носят машиноподобный характер. Поэтому смешна всякая имитация. Движения человека должны соответствовать его душевному состоянию. Но состояние души непрерывно меняется. Когда оратор чихает в самом патетическом месте, комический эффект возникает из-за контраста между подвижностью человеческого духа и монотонной инертностью тела, не поспевающего за всеми движениями души.

Когда-то Блез Паскаль обратил внимание на то, что два одинаковых лица, порознь не вызывающие смеха, зачастую оказываются смешными, если появляются одновременно. Бергсон объясняет это тем, что живое обычно не повторяет в точности самоё себя, и редкие исключения из этого правила производят впечатление чего-то механического: смешное возникает там, где механическое наслаивается на живое.

Всякая одежда смешна, поскольку скрывает подвижность и линии живого тела: не смеются над одеждой лишь в силу привычки. Зато устаревшие фасоны возбуждают хохот - их комизм не маскируется привычкой.

Назначение смеха - постоянной угрозой нависать над человеком, корректируя его социальное поведение. Смеются над пороками, просчётами и ошибками; случается, и над добродетелями.

Главный критерий не в том, серьёзен ли недостаток, а каким образом в нём проявляется отсутствие социальной гибкости. Смех - мера стремления к самоутверждению; используя это стремление, смех способствует исправлению нравов. Но к исправлению порока он приводит не всегда, а лишь «в среднем».

(Бергсон А. Смех в жизни и на сцене. - Спб., 1900)

Во взглядах Бергсона вызывает возражение тезис о том, что чувство убивает смех и что смех имеет отношение только к рассудку. Кстати, Бергсон здесь не одинок. Его современник и соотечественник Ж.Ренар тоже утверждал, что «юмор - это, в конце концов, разум», не учитывая, что без взаимодействия разума с чувством не бывает юмора. (Ренар Ж. Дневник. - М., 1965, с.485) Это постоянно наблюдают врачи-психиатры: чувственно выхолащенные больные, сохраняя способность к логическому мышлению, не воспринимают юмора.

Размышления медиков о природе и причинах смеха восходят к глубокой древности. Ещё Гиппократ писал о том, что «из мозга и только из мозга возникают наши удовольствия, радости, смех и шутки». (Цит. по: Пенфилд В. Речь и мозговые механизмы. - Л., 1964, с.8) В XVIв. знаменитый врач Жубер из Монпелье опубликовал «Трактат о смехе» и книгу «Моральные причины смеха» (Франсуа Рабле был учеником Жубера по медицинскому факультету).

Глубокий естественнонаучный анализ смеха как приспособительной реакции дал Чарльз Дарвин. Высказывая соображения об эволюции смеха в ходе развития животного царства, он разбирает анатомию лицевых мускулов и анализирует звуки смеха.

У большинства животных голосовые сигналы используются для привлечения представителей противоположного пола или выражения радости при встрече с детёнышами и членами дружественного сообщества.

Звуки удовольствия чётко отличаются от криков ужаса: вопли несчастья характеризуются длинным непрерывным выдохом и коротким вдохом, при смехе - вздох непрерывный и достаточно длительный, выдохи короткие, прерывистые. Роль мимики - растягивания губ в стороны, например, - состоит в увеличении резонирующей полости рта, повышающей силу звукового сигнала.

Существуют градации смеха: от чуть заметной улыбки до гомерического хохота. Улыбка - первая ступень: чтобы издать звук ликования, нужно растянуть углы рта, но если удовольствие недостаточно сильное, осуществляется лишь первая часть реакции. Так улыбка превращается в самостоятельное выражение удовлетворённости. У некоторых первобытных народов удовольствие выражается также движениями, имитирующими акт еды, либо символизирующей насыщение отрыжкой (Дарвин Ч. О выражении эмоций у животных и человека. - Спб., 1902)

Смех - врожденная реакция, свойственная не только человеку, но и высшим животным (человекообразным обезьянам). Новорожденный уже на втором месяце жизни начинает улыбаться. Смех могут вызвать ярко окрашенные предметы, пища, звуки музыки, лицо матери, подбрасывание в воздухе кем-нибудь из близких, новая, но не пугающая ситуация, осторожное поглаживание. К концу третьего месяца появляется улыбка не только на безусловные раздражители, но и на сигнализирующие, условные.

Первоначальное биологическое значение улыбки и смеха - чисто

информационное: сообщить родителям, что их отпрыск сыт и доволен. По мере роста, развития и формирования общественных связей человека смех становится одним из средств социального общения. Он может быть вызван уже не только ощущением физического комфорта, но включен «сверху». Например, внезапная и столь же быстро устранённая опасность вызывает, как правило, смех (его не совсем точно называли раньше **нервическим**). Наконец, самый высший этаж «включения» - вторая сигнальная система, особые «извивы» мысли.

Будучи физиологическим выражением удовольствия, смех и сам по себе приятен, вызывает чувство благополучия и комфорта. Не потому ли Н.Шамфор писал, что «наименее полезно прожить тот день, который мы провели, ни разу не засмеявшись». (Шамфор Н. Максимы и мысли. - М.-Л., 1966, с.20)

Однако Аретей, врач древности, указывал, что «неукротимый смех» может быть причиной смерти. По некоторым источникам, Софокл скончался от смеха (по другим данным - от сильной радости). Современные врачи вредных последствий смеха не наблюдали.

Антрополог Р.Пиддингтон в 1963г. сформулировал вопросы, на которые должны ответить сторонники эволюционного подхода к изучению смеха:

1. Почему возникает смех при некоторых состояниях удовольствия у высших обезьян и у людей - детей и взрослых? 2. Какова структура ситуаций, вызывающих смех? 3. Почему смех, будучи вначале только выражением удовольствия, возбуждается потом процессами социального общения? 4. Какова социальная функция смеха? 5. Какая разница между смешными ситуациями с участием человека и словесной формой остроумия? (См.: Piddington R. The psychology of laughter. N.Y., 1963)

Сам Пиддингтон ни на один из этих вопросов ответа не даёт. Вообще, «эволюционисты» практически ничего не прибавили к тому, что высказал Чарльз Дарвин о биологической роли смеха.

Петербургский врач И.Д.Щербак изучал механизмы перехода психологических феноменов в реакцию смеха. В зависимости от порождающих причин он выделил девять видов смеха:

1 - после длительной опасности; 2 - после освобождения от долгого стеснения; 3 - от действия холода; 4 - от действия ядовитых веществ (алкоголь, веселящий газ); 5 - истерический смех; 6 - смехоподобные явления в начале эпилептического припадка; 7 - от радости и удивления; 8 - от щекотки; 9 - смех иронический и юмористический, а также возникающий при наблюдении комических положений, странности и низости.

Щербак наивно полагал, что физиологический механизм смеха сводится к сужению сосудов головного мозга, точнее, - подкорковых центров. Чем резче сужение, тем сильнее взрыв смеха (См.: Щербак И. Теория смеха. Психофизиологический очерк. - В сб.: Вестник психологии, криминалистической антропологии и гипнотизма, т.5, вып.1, 3., СПб, 1908)

Зигмунд Фрейд понимал, что искать разгадку смеха в сосудистых реакциях мозга - бесперспективно. Адекватным уровнем исследования он считал мозговую нейродинамику. Его работа «Остроумие и его отношение к бессознательному» заняла особое место в литературе по проблемам комического: ни одно солидное сочинение на эту тему не обходит молчанием эту книгу, сила которой - в точности наблюдений и богатстве материала.

Однако наряду с меткими догадками и тонкими толкованиями в этом сочинении присутствуют элементы недостаточно контролируемой фантазии.

Одна из главных ошибок Фрейда состояла в том, что психологические черты пациентов - представителей венской буржуазии конца XIX - начала XX в. - он считал неизменными свойствами человеческой природы.

Фрейд видел в остроумии проявление основных врождённых стремлений - сексуального и агрессивного, то есть проявление полового и разрушительного инстинктов. Остроумие - такое же средство привлечь к себе самку, как красивый павлиний хвост, яркий петушиный гребень, великолепные рога оленя, любовные пляски животных, соловьиное пение, могучий торс и тугие мышцы атлета.

Едкая острота - нечто вроде символического убийства врага и соперника, поскольку уничтожить его в буквальном смысле нельзя из-за моральных преград или страха перед возмездием.

Чувствуя, что деление остроумия на агрессивное и сексуальное недостаточно, что не все остроты укладываются в такую схему, Фрейд отмечает, что есть еще остроумие цинически-святоотатственное - протест против ограничений, налагаемых религиозной и общественной моралью, и остроумие скептическое - сомнение в надежности познания. Это классификация остроумия по его движущим мотивам. Фрейд предложил также и формальную классификацию:

1. Сгущение: а - со смешанным словообразованием; б - с модификацией;
2. Употребление одного и того же материала: а - целого и части; б - перестановка; в - небольшая модификация; г - те же слова, употребляемые в прямом (адекватном) смысле и потерявшие первоначальный смысл; 3. Двусмысленность: а - обозначение имени собственного и вещи; б - метафорическое и вещественное с намёком.

У Фрейда заранее было сформулировано несколько теоретических положений, и он использовал свою классификацию для их подтверждения; иногда подгоняя факты под предвзятые концепции. Последовательно проводил различие между чувством юмора и остроумием; причём это вполне реальное различие выводил из гипотетического представления об экономии психической энергии.

Остроумие экономит психическую энергию, ибо снимает необходимость тормозить агрессивные побуждения, оно - отдушина для враждебных чувств (если они не могут быть «изжиты» другим способом) и для разрядки полового возбуждения. Комическое, по Фрейду, отличается от остроумного тем, что оно неумышленно. Неловкое движение комично, но не остроумно.

Восприятие комического сводится к такой последовательности: он поступает так - я поступаю по-иному - он поступает так, как я поступал в детстве. Комизм доставляет удовольствие, позволяя на непродолжительное время вернуться в состояние детской беззаботности, и экономит психическую энергию благодаря достигаемой с его помощью «экономии мышления». Наконец, чувство юмора, обнаруживая смешную сторону любого явления, в том числе и неприятного, преобразует боль и гнев в улыбку и смех. Это экономия чувства.

Общее в остроумии, комизме и чувстве юмора - экономия психической энергии: остроумие экономит торможение, комизм - мышление, а юмор - чувства. Таким образом, расплывчатое понятие экономии психической энергии Фрейд не наполнил реальным физиологическим содержанием. Но цепкая наблюдательность, блестящие догадки и виртуозные сопоставления позволили ему высказать нетривиальные суждения о природе чувства юмора и остроумия.

Фрейд первым предположил, что остроумию присущи все особенности подсознательного процесса. Правда, он избрал необычный способ доказательства. Остроумие имеет сходство с мышлением в сновидениях. А поскольку подсознательный характер мышления в сновидениях очевиден, тем самым

доказывается и подсознательная природа остроумия. Фрейд выделил следующие общие черты мышления в сновидениях и остроумия:

1 - лаконизм; 2 - сдвиг, или выбор средств выражения, далеких от тех, которым «цензура» (воспитание) создаёт препятствие; 3 - не прямое изображение (намёк); 4 - бессмыслица, или перевернутые причинно-следственные связи; 5 - регрессивный поворот от абстракций к наглядно-чувственным образам. (См.: Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. - М., 1925)

Аргументация эта выглядит надуманной, но вывод о связи остроумия с подсознательными процессами сейчас не подвергают сомнению.

В русле традиций фрейдизма (акцентирование роли подсознательных импульсов) лежит работа А.Кестлера (хотя его взгляды во многом отличаются от воззрений Фрейда). Одна из основополагающих его идей - представление о «тривиальной» и «трагической» плоскостях существования: под тривиальной он понимает плоскость повседневного существования личности, а под трагической - в период «кризисов» (половое созревание, любовь, смертельная угроза).

В колебаниях личности между тривиальной и трагическими плоскостями Кестлер находит объяснения творческого акта, или «эврики-процесса». Акт творчества совершается в ситуациях стресса, возникающего вследствие напряжённости между двумя плоскостями существования, когда появляется стремление объединить их на уровне «высшего синтеза». В области научного творчества напряжённость приводит к тому, что учёному удаётся усмотреть связь между тривиальными событиями и общими законами природы (яблоко Ньютона).

При этом происходит **бисоциация** двух матриц мышления. Кестлер полагает, что высшие мыслительные процессы, присущие научной работе, искусству и юмору, могут быть описаны именно в терминах бисоциации, а не ассоциации, которая объединяет лишь идеи, находящиеся в одной плоскости, или в одной и той же матрице мышления.

Кестлер определяет творческий процесс как восприятие ситуации или идеи «А» в двух самостоятельных, обычно несовместимых матрицах мышления. Событие «А» служит точкой пересечения матриц и как бы качается на двух разных волнах. Пока продолжается такая ситуация, событие «А» оказывается не просто ассоциированным с другими идеями и представлениями, но бисоциированным с двумя матрицами. Если обычная жизненная адаптация связана с ассоциативным процессом, то оригинальная адаптация (научные или художественные достижения) бисоциативна - колеблется между двумя плоскостями.

Объединение матриц может протекать в трёх разных формах. При их **столкновении** получается остроумие. **Слияние** матриц рождает научное открытие. Если же происходит лишь **противопоставление** двух матриц мышления, результатом является метафора, поэтическое сравнение или художественный образ. Значит, творческий процесс может проявляться в искусстве, науке и юморе, которые поэтому несут общие черты.

Логическая структура их одинакова - выявление сходств и подобий; но различна эмоциональная окраска. Комическое сравнение агрессивно; поэтический образ окрашен сочувствием или восхищением; научное достижение бесстрастно. Из всех трёх видов творчества лучше других поддается анализу юмор, ибо это единственная форма творческой активности, где раздражитель высокой сложности вызывает отчетливый физиологический эффект.

В чем состоит этот эффект?

Если в трагедии напряжённость обычно нарастает, пока не достигнет пика

(Отелло убивает Дездемону), то в юморе происходит «поворот» мысли или действия, так что напряжённость не достигает вершины, ожидания обманываются. Внезапная разрядка напряжённости проявляет себя взрывом смеха. (Köestler A. The act of creation. - L., 1964) Таким образом, А.Кестлер ввел целый ряд новых понятий (бисоциация матриц мышления и др.) в такой форме, что его построения не поддаются проверке экспериментом. В конкретных же объяснениях реакции на юмор он по сути дела возвращается к представлениям И.Канта о разрядке напряжённого ожидания.

Русская эстетическая мысль не только опиралась на достижения классической философии и эстетики, но была тесно связана с жизнью, с практикой, исходила из достижений мировой и русской комедиографии.

Анализируя литературные произведения Фонвизина, Гоголя, Грибоедова, Островского, русская революционно-демократическая критика поднималась до теоретических обобщений, вскрывала общие законы комического, сочетая философский и психологический подходы.

В.Белинский считал, что предмет комедии - случайность, лишённая разумности. В комедии отражается противоречие жизненных явлений с самой жизнью. Пустое и отжившее выдаёт себя за живое и необходимое. В этой маскировке для него шанс на спасение, возможность самосохранения. Маскировка может быть и неосознанной - ведь трудно самому признать себя ненужным. Противоречие между явлением и тем, чем оно хочет быть или казаться, - комично. Комедия призвана отражать это несоответствие:

«Сущность комедии - противоречие явлений жизни с сущностью и назначением жизни». Цель комедии - возбудить стремление к лучшему: «В комедии жизнь для того показывается нам такою, как она есть, чтобы навести нас на ясное созерцание жизни так, как она должна быть» (Белинский В.Г. О драме и театре, М., 1948, с.96-97)

Более подробное развитие эта мысль получила в работах Н.Чернышевского. Начало и сущность комического - безобразное. Не повторяя здесь Аристотеля, он углубляется в социальный и психологический аспекты проблемы: «Безобразное кажется нелепым только тогда, когда становится не на своё место, хочет казаться небезобразным, и только тогда оно возбуждает смех наш своими глупыми притязаниями, своими неудачными попытками». (Чернышевский Н.Г. Избр.филос.соч. в 3 тт., т.1. - М., 1950, с.286)

Анализируя психологию восприятия смешного, Чернышевский отмечает, что «комическое пробуждает в нас чувство собственного достоинства». (Там же, с.293) Глупость, по его мнению, - главный объект осмеяния, основной повод для насмешек. Но что такое глупость? Каковы её критерии?

Эта проблема занимала В.Ленина прежде всего как социальная проблема; А.Горький приводит его «совет» 20 октября 1920г.: «Дураком вообразить себя я не имею права, а вы - должны, иначе не покажете дурака... Зато дела дурацкие вы знаете назубок...» («Лит.газета», 1958, 27 марта; Ленин и Горький. - М., 1970) Для чего же нужно показать дурака и дела дурацкие? Видимо, не для простого зубоскальства. В данном аспекте дурак интересен именно как социальный тип и глупость - как социальное явление.

Обычно анализ комического имеет непосредственной точкой приложения межличностные отношения (комизм характеров и положений, комические ситуации - бытовые или лирические. К. Маркс и Ф. Энгельс обратили внимание на

то, что источником комического могут быть парадоксы исторического процесса. Эту мысль на протяжении более чем сорока лет подчеркивал Энгельс.

В письме К.Марксу от 3 декабря 1851г.: «История Франции вступила в стадию совершеннейшего комизма. Что может быть смешнее, чем эта пародия на 18 брюмера...» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.27, с.339-340) И пятнадцать лет спустя - тому же адресату от 9 июля 1866г. заметил: «История... становится все более ироничной» (Там же, т.31, с.198)

Откуда же берётся юмор истории, или ирония исторического процесса? К.Маркс в работе «К критике гегелевской философии права» утверждает: «История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической драмы есть её комедия... Это нужно для того, чтобы человечество весело расставалось со своим прошлым». (т.1, с.418)

Огромное значение разработке проблемы смешного и комического придавал А.Луначарский, подчеркивая социальную роль смеха: «Метко направленная насмешка может дать... большую победу, чем если бы вы пытались разбивать аргументы противника серьёзно». (Луначарский А.В. О смехе. - «Лит. Критик», 1935, №4, с.8) Он даже собирался написать книгу о природе комического и о сатире, включив в нее также главы по анатомии и физиологии смеха.

Выводы

Исследовать смешное и комическое можно с самых разных уровней познания. Существует психологическое направление, философское, социально-этическое, физиологическое, эволюционное, клиническое.

Но самый плодотворный, видимо, комплексный, междисциплинарный подход - не заменяя собою остальные и не сводясь к ним, все эти уровни познания будут дополнять и взаимообогащать друг друга.

И если до недавнего времени исходили из того, что «эстетическое чутьё» проявляет себя лишь при восприятии произведений искусства и красот природы, то сейчас признают, что оно также органичный компонент творческой деятельности учёного, одно из неперенных слагаемых продуктивного мышления.

В частности, чувство юмора, способность к восприятию комического включает в себя и весьма существенные особенности мышления, некоторые из которых проявляются не только в часы досуга, но и в решении повседневных мыслительных задач и в минуты творческого напряжения. Не подлежит сомнению также, что использование данных и методов естественных наук для решения специфических проблем традиционно гуманитарной области будет способствовать более чёткой и строгой их постановке и разработке. А союз с эстетикой окажется (как это и происходило неоднократно в истории науки) бесполезен для представителей естественных наук.